This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

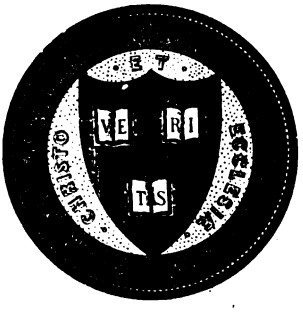
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 8520.2

THE SLAVIC COLLECTION



Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887.)

Received 21 Nov., 1896.

10539

И. Ю. ЛОПОВИЧЪ-ЛИПОВАЦЪ.

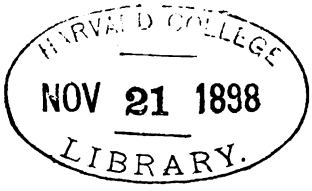
ЧЕРНОГОРЦЫ

и

ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій пр., д. № 138.
1890



Slav 8520.2

HARVARD COLLEGE
NOV 21 1898
LIBRARY.

Dr. A. C. Coolidge.

.0537

ПОСВЯЩАЕТСЯ

БРАТСКОМУ И ИСКРЕННЕМУ СОЮЗУ

РОССІИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЙ.

ОШИБКИ.

Напечатано.	*Нужно.*
1. 172 года	176 лѣтъ.
8. Скударскій	скутарскій.
13. Кара Мустафа	Кора Махмута.
14. Лудовина	Людовика.
— норха	нороха.
— Кара Мустафа	Кора Махмута.
15. Кацебу	Коцебу.
20. Цавтана	Цавтата.
21. Цавтанъ	Цавтатъ.
24. Лорнстана	Лоригтона.
— Цавтанъ	Цавтатъ.
29. Милановича	Милаковича.
30. Штаньолу	Шпаньолу.
33. Хакарту	Хекарту.
34. хакартъ	Хекартъ.
37. Bestaus quo ante llum	Status quo ante bellum.
37. Хккарта	Хекарта.
38. Кемалъ-пашу	Кламилъ пашу.
41. Додыши	Додоши.
42. Петра III	Петра Т.
43. Махмед-али паша	Мехмедъ-али паша.
44. за русскій народъ	съ русскимъ народомъ.
50. Viola	Viala.
51. 1850	1750.
53. Николай.	Данило.
— Великій Бердъ	Велико Брдо.
55. изъ Равина	изъ Ровина.
— Дерву барактора	Дервишъ знаменоносца.
60. взриничи	Озриничи.
62. Баяни	Бряни.
— Орфаку	Орфану.
63. Орфака	Орфана.
— Враки	Врани.
65. Лоничичъ	Лопичичъ.
69. душу Ватричеву	Ружу Батричеву.
70. сноху	снаху
78. Княза	Кнеза.

Въ послѣднее десятилѣтіе сдѣлано очень много измѣненій, какъ въ судебныхъ, такъ и въ военныхъ учрежденіяхъ, но такъ какъ книга раньше печатана, то нѣтъ возможности сдѣлать нужныя измѣненія.

Прошло уже 172 года съ тѣхъ поръ, какъ колоссальная Россія при Петрѣ I въ первый разъ заключила братскій союзъ съ микроскопической Черногоріей, которая въ то же время была, по объему, въ три раза меньше, чѣмъ въ настоящее время. Виновникомъ этого братскаго союза, существующаго и теперь, былъ графъ Савва Радославичъ, который обратилъ вниманіе Петра на возможность, совмѣстно съ южными славянами, объявить войну Турціи, хотя впослѣдствіи и оказалось, что только одна Черногорія сочувственно откликнулась на зовъ своей старшей сестры—Россіи, остальные же славяне или по слабости духа, или по отдаленности отъ Россіи, или же по иниціативѣ западной Европы и папства оставили безъ вниманія предложеніе Петра.

Геніальный духъ величайшаго изъ славянскихъ царей, Петра I, прозрѣлъ со своей необыкновенной проницательностью, что величіе Россіи и всѣхъ славянъ можетъ возникнуть только на развалинахъ Оттоманской имперіи; потому-то онъ и не могъ не обратить вниманія на очагъ юго-славянской свободы, Черногорію, которую онъ справедливо оцѣнилъ въ своихъ грамотахъ, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ, цѣль котораго была совокупными силами сокрушить имперію османовъ и создать новое славянское государство; для этого онъ послалъ въ Черногорію русскаго полковника М. Милорадовича и капитана И. Лукачевича, сербовъ по происхожденію, съ

грамотой, чтобы они склонили черногорцевъ къ войнѣ съ Турціей. Не долго нужно было уговаривать это малое, но бойкое гнѣздо славянскихъ спартанцевъ. Они тотчасъ же, въ присутствіи русскихъ уполномоченныхъ, смѣло объявили войну Турціи и все время, до заключенія Петромъ русско-турецкаго мира на р. Прутѣ, храбро и съ успѣхомъ дрались съ турками. Съ тѣхъ поръ Черногорія осталась въ постоянной враждѣ съ Турціей. Когда, по окончаніи войны, Милорадовичъ и Лукачевичъ уѣхали въ Россію, Черногорія, въ вознагражденіе за свою храбрость, получила грамоту, въ которой я нахожу первый зародышъ восточнаго вопроса. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе народы христіанскіе отъ тиранства поганскаго избавити, православныя церкви паки украсити и животворящій крестъ возвысити» и т. д. Эта грамота писана въ Москвѣ 1711 г., марта 3-го.

Въ другой грамотѣ, данной Милорадовичемъ отъ имени царя, всѣмъ черногорцамъ, оказавшимъ услуги русскому народу, даются разныя дворянскія привиллегіи.

Это была самая счастливая эпоха въ жизни маленькой Черногоріи, эпоха союза съ самой сильной и обширной славянской имперіей, но въ тоже время и эпоха самая несчастная, такъ какъ ей, одинокой и, сравнительно съ другими славянами, ничтожной по величинѣ, приходилось выносить постоянную борьбу съ сильной тогда Оттоманской имперіей. Но послѣ мира русско-турецкаго, турки не могли позабыть союзъ черногорцевъ съ русскими и во что бы ни стало рѣшили наказать черногорцевъ за пораженіе Серашчера-паши, который въ 1712 году былъ ими разбитъ на голову и турки выслали, подъ предводительствомъ знаменитаго визиря Чупрелича, 120.000 янычаръ противъ Черногоріи, имѣвшей всего на всего 50.000 жителей.

Изнуренные продолжительной войной, оставшись безъ съѣст-

ныхъ припасовъ, безъ пороха и свинца, черногорцы вынуждены были уступить свои жилища и свою резиденцію, Цетинье, туркамъ, которые, по своему обычаю, предали разоренію все, что только было можно. Въ этомъ же году разоренъ былъ и древнѣйшій, историческій цетинскій монастырь, хранилище всѣхъ черногорскихъ племенъ со времени перваго черногорскаго князя, Ивана Бега Черноевича. Въ этой войнѣ, которая была продолженіемъ войны Петра I,—черногорцы воевали одни, безъ своихъ союзниковъ,—трудно объяснима причина, почему Петръ I оставилъ на произволъ судьбы столь любимыхъ имъ «единоязычныхъ и непобѣдимыхъ черногорцевъ», какъ ихъ онъ называлъ; черногорцы, какъ для объясненія, такъ и ради матеріальной помощи, послали своего митрополита Даніила, поѣздка котораго въ Россію укрѣпила союзъ между двумя славянскими племенами, и Петръ I постановилъ выдавать Черногоріи ежегодную денежную помощь, которая продолжается и до сихъ поръ, и которую можно считать одною изъ важныхъ причинъ сохраненія свободы и независимости Черногоріи. На эти деньги положено было покупать только порохъ и свинецъ, и если бы не было этой денежной помощи, то Черногорія, не имѣвшая лишнихъ продуктовъ для заграничнаго вывоза, должна была бы прибѣгнуть къ покровительству Венеціанской республики или къ ненавистной ей Австріи.

Вмѣстѣ съ этимъ Петръ I даровалъ черногорцамъ грамоту, въ которой восхваляетъ ихъ храбрость и пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вамъ, съ начала оной войны, ревностной по христіанству и единовѣрію съ Нами, подвиги и оказанныя воинскія дѣйствія всемилостивѣйше похвалить»... и т. д. Затѣмъ посланы были Петромъ въ Черногорію 160 золотыхъ медалей и временное денежное пособіе въ 5.000 р. Какъ симпатіей и матеріальной помощью, такъ и освященіемъ союза пролитіемъ крови, Петръ I, а съ нимъ и

Россія пріобрѣли отъ маленькаго княжества безграничную приверженность и преданность, этимъ же самымъ обезпечили за собой такой важный стратегическій пунктъ, населенный однимъ изъ храбрѣйшихъ племенъ міра, который впослѣдствіи, какъ увидите, оказалъ громадныя услуги колоссальной имперіи; Петръ не отрицалъ важности пріобрѣтенія такого союза и считалъ его не только полезнымъ, но и необходимымъ для своей молодой державы.

Насколько нуждалась Россія и Петръ въ помощи Черногоріи, можно видѣть изъ грамоты, данной Петромъ въ С.-Петербургѣ 9-го іюля 1715 г., гдѣ, между прочимъ, говорится: «Сего ради совѣтуемъ и вамъ имѣть миръ, ежели бы они паки на Насъ и на государства Наши войну вчали и въ такомъ случаѣ желаемъ отъ васъ паки ко единовѣрію и единоязычію оружію нашему помощи».

(Государственный канцлеръ, графъ Гаврило Головкинъ).

Слѣдовательно, еще во время Петра I черногорцы показали, что они не вертепъ разбойниковъ, какъ ихъ называли многіе ученые западной Европы, а защитники не однихъ только своихъ собственныхъ интересовъ, своихъ неприступныхъ и безплодныхъ скалъ, но вѣры и чести всего славянства, какими остались они и до настоящаго времени. У насъ говорятъ: «Кровь не есть вода», и эта поговорка, дѣйствительно, подтверждается въ союзѣ Россіи съ Черногоріей. Въ продолженіе всего существованія постоянно гнались за протекторствомъ надъ этимъ маленькимъ гнѣздомъ не только Австрія и Венеція, а даже Франція и Англія, но Черногорія предпочла покровительство отдаленной, но славянской страны, великой Россіи, съ которой она совмѣстно объявила войну Турціи.

Черногорія въ это время составляла важный пунктъ на Балканскомъ полуостровѣ, чему свидѣтельствуютъ старанія западныхъ державъ во что бы ни стало разорвать дружественныя сношенія Черногоріи съ Россіей и утвердить потомъ свое за-

падное вліяніе, которое имъ пригодилось бы въ случаѣ разрѣшенія восточнаго вопроса, въ которомъ, какъ извѣстно, сталкиваются интересы почти всѣхъ великихъ державъ. Соревнованіе и соперничество державъ въ особенности проявилось въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но, не смотря на все это, союзъ и симпатія Россіи къ Черногоріи постепенно усиливались и возростали. Чѣмъ болѣе народъ русскій видѣлъ подвиги черногорцевъ противъ общаго славянскаго врага—Турціи, тѣмъ болѣе и болѣе выказывалъ онъ къ нимъ сочувствія. Сношенія Черногоріи съ Россіей со временемъ становились все чаще.

Такъ, во время императрицы Елизаветы Петровны черногорскій митрополитъ и владѣтель, Савва, наслѣдникъ Даніила, отправился въ Россію, гдѣ былъ очень любезно принятъ и получилъ, въ вознагражденіе за ежедневныя побѣды надъ турками, денежное пособіе и грамоту, въ которой восхваляется геройская храбрость, уже тогда такъ называемыхъ, «братьевъ славянъ». Слѣдующій митрополитъ, Василій, путешествовалъ три раза въ Россію; въ это время у черногорскихъ владѣтелей уже былъ обычай ѣздить въ Россію, и чѣмъ чаще они пріѣзжали, тѣмъ болѣе возрастала симпатія русскихъ къ черногорцамъ.

Во время пребыванія въ Россіи митрополита Василія, предложено ему было, черезъ канцлера, М. И. Воронцова, желаніе императрицы устроить въ Россіи черногорскій полкъ. Черногорцы, разумѣется, отклонили это предложеніе, потому что раздѣленіе и такъ малаго числа черногорцевъ содѣйствовало бы ихъ пораженію, но все-таки согласились прислать нѣсколько человѣкъ, которые бы приняли участіе въ организаціи полка, составленнаго изъ южныхъ славянъ, подъ названіемъ «Черногорскій полкъ». Кромѣ этого, было выслано 15 мальчиковъ, которыхъ опредѣлили въ Петербургѣ въ Шляхетскій военный сухопутный корпусъ. Одновременно съ этимъ изъ Россіи было

выслано въ Черногорію много церковныхъ принадлежностей и книгъ.

Въ этомъ стремленіи императрицы уже укрѣпившагося государства многіе видятъ стараніе русской дипломатіи фактически сдѣлать Черногорію частицей Русской имперіи, которая служила бы имъ впослѣдствіи, какъ базисъ операціонныхъ дѣйствій противъ турокъ. Я думаю, что въ это время черногорцы считали русскаго царя природнымъ покровителемъ и государемъ всѣхъ славянъ и что ни чуть не отвергнули бы предложенія сдѣлаться вѣрноподданными русской императрицы, только если-бы послѣдняя рѣшилась искренно помогать княжеству противъ турокъ и западныхъ интригъ. Насколько черногорцы любили русскихъ императоровъ, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Осенью 1767 г. въ Боки-де-Катаро появился извѣстный самозванецъ, Степанъ Малый, выдававшій себя за русскаго царя, Петра III. Эта личность, по моему мнѣнію, стоитъ строгаго вниманія и изслѣдованія историковъ, тѣмъ болѣе, что, изучая его исторію, мы можемъ изслѣдовать, на сколько сильна была въ это время симпатія черногорцевъ къ Россіи. Откуда появилась эта личность, намъ мало извѣстно. Изъ его прежней жизни извѣстно только то, что до объявленія себя Петромъ, онъ, какъ врачъ, занимался въ округахъ Маини, Браичи и Побори, принадлежащихъ теперь Австріи. Съ помощью нѣкоего Вука Марковича, жившаго когда-то въ Россіи, и Тановича, Степанъ Малый объявилъ себя въ монастырѣ Маини Петромъ III, императоромъ всероссійскимъ. Какое счастье для черногорцевъ, что между ними находился самъ царь любимаго ими народа, царь вѣрныхъ своихъ союзниковъ! Отъ такого счастья и радости они не знали, что дѣлать. Прошло немного времени, и слава Степана перешла границу маленькой Черногоріи и пронеслась въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Жители Далмаціи прислали ему скипетръ и корону, а всѣ племена черногорскія, и между прочими пипери, бѣлопавловичи и кучи

признали его своимъ владѣтелемъ, отказавшись,—насколько, значитъ, была велика магическая сила самозванца,—отъ повиновенія своему законному владыкѣ.

Послѣдній сербскій патріархъ, Василій Беркичъ, пріѣхалъ также въ Черногорію, чтобы поклониться и благословить русскаго царя.

Сильная Венеціанская республика, увидѣвши такіе успѣхи самозванца, начала опасаться его вліянія на Далмацію и вслѣдствіе этого изъ всѣхъ силъ стала преслѣдовать его, но всѣ усилія республики оказались напрасными.

Степанъ Малый, увидѣвши, что черногорцы не только уважаютъ его, но и боятся, публично, 14 января 1768 года, объявилъ себя въ Цетиньѣ русскимъ императоромъ, Петромъ III.

Царствованіе лже-Петра имѣло громадное вліяніе на Черногорію, такъ какъ онъ ввелъ много такихъ реформъ, завелъ такіе порядки, что и въ настоящее еще время удивляются, какимъ образомъ могъ онъ укротить свободные нравы свободныхъ горцевъ. Нѣкоторыя его реформы, какъ, напримѣръ, уничтоженіе обычая «кровавой мести», были благодѣтельны и заслуживаютъ полнаго одобренія. Онъ первый осмѣлился ввести въ Черногорію обычай разстрѣливать виновныхъ. Такъ, разсказываютъ, что онъ однажды, чтобы убѣдиться, насколько онъ успѣлъ повліять на неукротимые нравы горцевъ, положилъ на дорогу 10 червонцевъ, и оказалось, что деньги лежали нетронутыми въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Еще въ то время, когда Степанъ имѣлъ свою резиденцію въ Маинахъ, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе турокъ и албанцевъ, а какъ скоро пріѣхалъ въ Цетинье, вниманіе это обратилось въ настоящую тревогу. Аги и беги изъ Бара, Ульцина, Жабляка, Подгорицы и Спужа, а также герцеговинцы и турки изъ Никшича, Ключа, Клобука и Требинье обратились въ Константинополь съ жалобой, въ которой заявляли, что они боятся появившагося въ Черногоріи русскаго царя и про-

сятъ помощи. Венеціанскій посолъ, Юстиніанъ, тоже поддерживалъ просьбу турецкихъ подданныхъ, говоря, что онъ тоже боится вліянія русскаго царя на венеціанскихъ подданныхъ. Услышавши это, султанъ Мустафъ III приказалъ завоевать Черногорію и привезти ему Степана Малаго живого. 27 августа турки съ трехъ сторонъ ударили на Черногорію: Сулейманъ-паша, съ 20.000 чел., со стороны Никшича; румелынскій беглеръ-бегъ, съ 20.000 чел., со стороны Подгорицы, а скударскій паша Мехметъ-Бушатлія, вмѣстѣ съ пашами дуканджинскимъ и джаковачшскимъ, съ 27.000 чел., со стороны Плавницы. Кромѣ этого, Венеціанская республика запретила ввозъ пороха и оружія, и обложила Черногорію войсками со стороны Боки-дѐ-Катаро. Черногорцы дрались отчаянно и побивали турокъ, но, наконецъ, оставшись безъ пороха, безъ амуниціи, вынуждены были уступить на сожженіе туркамъ нѣкоторые свои округи. Турки, зная, что черногорцы терпятъ недостатокъ въ амуниціи, предложили имъ миръ, съ условіемъ, если они выдадутъ имъ «русскаго царя», но черногорцы отвѣтили: «Приходите и возьмите его сами». Вотъ какая сила любви существовала въ Черногоріи къ русскому народу и его царю *)!

Изъ такого безвыходнаго положенія вывело черногорцевъ одно чудо: 2 ноября, близъ города Будви, въ венеціанскій лагерь скударскаго паши ударилъ громъ и истребилъ весь порохъ. Турки, испугавшись этого, разбѣжались, черногорцамъ же тѣмъ временемъ посчастливилось отбить турецкіе обозы въ округѣ Чево. Запасшись порохомъ и оружіемъ, черногорцы пріободрились, храбро напали на турокъ и прогнали ихъ изъ своей территоріи.

---

*) Черногорцы были вполнѣ увѣрены, что самозванецъ дѣйствительно самъ Петръ III.

По совѣту французскаго посла, графа Вержеля, Мустафа III въ 1768 г. объявилъ Россіи войну, несчастную для турокъ, такъ какъ съ этой войны начала падать сила Оттоманской имперіи.

Находившійся въ это время въ Италіи русскій посолъ, графъ Орловъ, обратилъ вниманіе Екатерины II на то, чтобы она, вмѣстѣ съ южными славянами и греками, объявила войну Турціи. Екатерина, зная преданность народа черногорскаго къ Россіи, послала съ грамотою и воззваніемъ въ Цетинье князя Ю. В. Долгорукова, а вмѣстѣ съ нимъ штабъ-офицеровъ: Лецкаго, Херсдорфа, Розенберга, капитана Пламенацъ и графа Войновича (впослѣдствіи вице-адмирала каспійской флотиліи). Они отправились въ Черногорію, взявши съ собой оружія, денегъ и золотыхъ медалей. 5 августа 1768 г. народъ черногорскій, собравшись въ Цетинье, радушно принялъ русскаго посла, который на другой день прочиталъ народу грамоту Екатерины, въ которой она приглашаетъ оказать помощь противъ турокъ, и въ которой говорится: «Между прочимъ, увѣряемъ васъ торжественнымъ и сильнымъ словомъ, что отъ сегодняшняго дня будемъ считать всѣхъ славянъ, которые примутъ участіе въ этой святой войнѣ, за пріятеля Нашего царства, и что ихняя участь будетъ участью Нашею, и когда мы сдѣлаемъ миръ, то не позабудемъ упомянуть о Васъ, какъ о Себѣ самихъ.»

Грамота писана 29 января 1768 г. по заповѣди Ея Императорскаго Величества.

Князь Александръ Голицынъ.

И въ этотъ разъ одни только черногорцы согласились принять участіе въ войнѣ вмѣстѣ съ Россіей. Они объявили войну Турціи и добровольно дали присягу, что будутъ всегда вѣрными союзниками Россіи и что всегда готовы сражаться со своими братьями, русскими. Это былъ второй формальный союзъ Черногоріи съ Россіей. Кромѣ вышеупомянутой грамоты,

прочитано было народу письмо, въ которомъ увѣряли, будто бы Степанъ Малый самозванецъ, но народъ настолько былъ въ немъ увѣренъ, что оставилъ безъ вниманія слова князя Долгорукова. Впослѣдствіи князь Долгоруковъ, увѣрившись въ способностяхъ Степана Малаго и въ преданности къ нему народа, наименовалъ его формально правителемъ Черногоріи и далъ ему чинъ штабъ-офицера русской гвардіи.

Личность Степана настолько интересна, и жизнь его такъ полна приключеній, что мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ его жизни. Разъ, занимавшись въ 1771 г. устройствомъ дороги въ Церницѣ и уча народъ, какъ нужно обращаться съ минами, онъ самъ чуть было не сдѣлался жертвой взрыва: мина повредила ему глаза, руку и обѣ ноги. Онъ удалился послѣ этого въ монастырь Берчеле, въ Церницу, съ этимъ вліяніе его на народъ нисколько не упало, а, напротивъ, усилилось еще болѣе. Республика Дубровачка, недовольная за что-то на русскаго адмирала графа Орлова, прислала къ Степану депутацію и царскій тронъ въ подарокъ. прося, чтобы онъ, какъ русскій царь, употребилъ мѣры къ укрощенію графа Орлова.

Такъ владѣлъ страной черногорскій реформаторъ-самозванецъ, Петръ III, дѣлая много блага народу, до 1774 года. Въ этомъ году Степанъ погибъ отъ измѣнническої руки своего слуги, грека, котораго за ничтожное вознагражденіе подкупилъ Мехмедъ-паша Бушатлія. Изъ жизни, которую я вкратцѣ описалъ, можно видѣть, насколько было сильно въ это время вліяніе Россіи. Въ продолженіе всей русско-турецкой войны черногорцы успѣшно воевали съ турками и, въ числѣ многихъ, одержали въ 1774 году блестящую побѣду надъ непріятелемъ, разбивъ на голову Мехметъ-пашу съ 30,000 войска на Кучи.

1774 года, 10 іюля, заключенъ былъ выгодный для Россіи кучукъ кайнаржицкій миръ, въ которомъ Турція признала право

Россіи покровительствовать южнымъ славянамъ. Но черногорцы продолжали войну. И въ этомъ случаѣ, къ великому удивленію, Россія оставила однихъ черногорцевъ бороться съ сильной Портой, и такимъ образомъ не сдержала обѣщанія, написаннаго въ грамотѣ, писанной 29 января 1768 года, по заповѣди Ея Императорскаго Величества. Но, несмотря на все это, черногорцы храбро защитили свою свободу, не переставая любить Россію. Княжество, благодаря своимъ успѣхамъ въ войнѣ, пріобрѣло европейскую извѣстность.

Насколько извѣстна была Черногорія европейскимъ державамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ея союзы съ Австріей и Россіей. Что же касается до союзовъ съ Венеціанской республикою, то они были такъ часты, что я считаю излишнимъ упоминать о нихъ. Скажу одно только, что съ XV столѣтія за владѣніями перваго черногорскаго князя, Ивана-бега Черноевича, была признана независимость, и съ этого времени Черногорія сдѣлалась независимымъ княжествомъ, которое то Австрія, то Венеція хотѣли присоединить къ своимъ владѣніямъ. Старанія ихъ объ этомъ были такъ велики, что, напримѣръ, Венеція не стѣснялась даже ради этого жертвовать своими аристократическими традиціями. Такъ, въ нашей исторіи есть фактъ, что гордыя, нѣжныя, элегантныя красавицы аристократическаго міра Венеціи, привыкшія видѣть за собой ухаживаніе и слышать комплименты модныхъ венеціанскихъ кавалеровъ, выходятъ замужъ за дикихъ, свирѣпыхъ, грубыхъ черногорцевъ; примѣромъ этому можетъ служить Елизавета, дочь венеціанскаго патриція Антонія Ерицца, вышедшая замужъ за князя Джура Черноевича. Какая великая жертва отъ венеціанскаго дожа—отдать свою дочь черногорцу! И все это изъ за того, чтобы удержать своевольныхъ «montenegrinov». Но всѣ ихъ старанія ни къ чему не привели, народъ не симпатизировалъ латинамъ, которые крестятся четырьмя пальцами и которые говорятъ на непонятномъ для нихъ языкѣ. Черногорцы пред-

почли свою вражду, которая продолжалась до того времени, когда австрійцы завладѣли страной, сосѣдней съ Черногоріей —Далмаціею.

Хитрую Венецію послѣ ея паденія замѣнила не менѣе хитрая Австрія, которая еще съ царствованія Іосифа II начала бояться микроскопическаго гнѣзда горцевъ. Австрійскіе политики еще въ то время пророчествовали блестящую будущность Черногоріи, какъ странѣ, которая, по своему географическому положенію, должна сдѣлаться впослѣдствіи владѣтельницей морскаго залива Боки-де-Катаро, и мѣстность которой считается одною изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстностей въ Европѣ. Дальновидные австрійскіе дипломаты еще давно предсказывали тѣ возстанія, въ Герцеговинѣ и Албаніи, которыя произошли на нашихъ глазахъ и которыя, по ихъ мнѣнію, должны были возникнуть съ цѣлью присоединенія этихъ областей къ Черногоріи. Они напередъ провидѣли то время, когда черногорцы завладѣютъ Албаніей и Герцеговиной. Извѣстно, что Австрія присоединила къ себѣ много провинцій, то брачными союзами, то хитростью, съ которой она дѣйствовала напримѣръ въ 1778 и 1788 годахъ. Въ это время она хотѣла также присоединить къ себѣ и Черногорію, но старанія ея не увѣнчались успѣхомъ, хотя она и имѣла союзниковъ въ этомъ дѣлѣ даже между черногорцами 1782 года. Главнымъ союзникомъ Австріи былъ губернаторъ Черногоріи Іоаннъ Радоничъ, который завѣдывалъ военными и гражданскими дѣлами Черногоріи, предки котораго служили прежде агентами Венеціанской республики. Вотъ этому-то Радоничу вѣнскій кабинетъ предложилъ продать Черногорію Австріи за извѣстную сумму денегъ и для соглашенія пригласилъ его въ Вѣну. Это былъ первый измѣнникъ народа, не знавшаго между собой измѣны, онъ первый рѣшился на такое преступленіе, въ какомъ никогда не былъ замѣшанъ ни одинъ черногорецъ ни прежде, ни послѣ. Но вскорѣ объ этомъ соглашеніи узналъ неподкупный народъ черногорскій, и

слѣдствіемъ этого было то, что Радоничъ навсегда былъ уволенъ отъ той должности, которую занималъ. Фамилія Радоничей первая начала получать отъ Австріи аристократическія привиллегіи и въ ней заключается первый зародышъ ложной черногорской аристократіи, такъ какъ съ этого времени Австрія щедро начала раздавать черногорцамъ титулы кавалеровъ, бароновъ и проч. Точно также одинъ изъ потомковъ Іоанна Радонича, губернатора Вуко 1831, владыко Петръ II созвалъ «скупштину», на которой разбирались дѣйствія губернаторовъ Радоничей. На этомъ собраніи постановлено было: уничтожить губернаторство, какъ званіе и выгнать изъ Черногоріи губернатора Вуко. Справедливость требуетъ упомянуть, что младшая вѣтвь фамиліи Радоничей съ своего существованія не переставали храбро и честно стоять какъ въ военное, такъ и въ мирное время за свободу и славу своего отечества —Черногоріи, члены этого семейства нынѣ занимаютъ высшія должности въ княжествѣ. Несмотря на всѣ заискиванія, Австрія не пріобрѣла къ себѣ симпатіи въ Черногоріи; черногорцы по прежнему ненавидятъ все, что не говоритъ по славянски, а Австрію въ особенности.

Но я замѣтно удалился отъ предмета моей статьи, вмѣсто того, чтобы говорить объ отношеніяхъ Россіи къ Черногоріи, къ Австріи; впрочемъ, это отступленіе здѣсь совершенно умѣстно, такъ какъ изъ него видно, насколько былъ чистъ и безкорыстенъ союзъ Черногоріи съ Россіей.

Чтобы дойти до третьяго русско-черногорскаго союза, который былъ заключенъ въ 1788 году, мнѣ нужно опять коснуться союза, который былъ заключенъ передъ этимъ между Черногоріей и Австріей.

Когда еще царствовалъ въ Россіи Петръ Великій, началась горячая война между черногорцами и турками. Албанскій визирь Кара-Мустафа Бушатлія съ сильнымъ войскомъ ударилъ на Черногорію; горячая это была война. Въ ней, по разнымъ

причинамъ, приняла участіе и Австрія, ради чего австрійскій императоръ заключилъ союзъ съ черногорцами и прислалъ къ нимъ капитана Филиппа Вукасовича и Лудовина отъ Пернетъ, съ большимъ количествомъ хлѣба, порха, свинца и съ 100,000 червонцевъ. Кромѣ того, онъ прислалъ 400 солдатъ, которые рѣшились прямо отправиться къ Кара-Мустафѣ и сказать ему, чтобы онъ сдался австрійскому царю. Но они всѣ сдѣлались жертвой своей смѣлости и погибли въ селѣ Сеоца, одинъ только спасся бѣгствомъ, это Вукасовичъ. Въ этой союзной войнѣ черногорцы воевали счастливо, но, когда услышали отъ австрійскаго делегата, что все, отнятое ими у турокъ, будетъ принадлежать Австріи, то на своемъ общемъ собраніи сказали: «Вы нисте Руси наша брача, да за вас крв проливамо вечъ сте вилацмани», и хотѣли отказаться отъ союза съ австрійцами и выгнать Вукасовича. Къ счастію, получили извѣстіе, отъ русскаго министра Мордвинова, находившагося посломъ при Венеціанской республикѣ, что Россія объявила войну Турціи. Черезъ короткое время черногорцы получили грамоту изъ С.-Петербурга, писанную 14 марта 1788 г., и переданную имъ генераломъ Заборовскимъ, отъ имени императрицы Екатерины, въ которой она обращается къ черногорцамъ, какъ къ своимъ «старымъ, вѣрнымъ союзникамъ». Вскорѣ послѣ этого они получили собственноручную грамоту Екатерины Великой, писанную въ С.-Петербургѣ. И вотъ черногорцы въ третій разъ, въ союзѣ съ Россіей, объявили войну Турціи съ девизомъ: «За свободу, за вѣру, за русскаго царя»!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣзче выражалась симпатія двухъ славянскихъ народомъ, и чѣмъ сильнѣе она выражалась, тѣмъ болѣе старались европейскіе кабинеты уничтожить этотъ союзъ. Такъ, Австрія во время царствованія Леопольда II, въ 1790 г., подарила черногорцамъ большое количество военнаго матеріала и оружія, и эти подарки, чтобы придать имъ болѣе значенія, привезъ съ собою въ Цетинье самъ комендантъ австрій-

скаго побережья, маіоръ Донъ Карло-Іозепе-де-Хенци, а вмѣстѣ съ ними привезъ и императорскую грамоту, гдѣ было обращено вниманіе черногорцевъ на доброжелательство и преданность Австріи.

Коалиція Австріи, Россіи и Черногоріи въ войнѣ съ Турціей продолжалась до 24 іюля 1791 г., пока не былъ заключенъ миръ между блистательной Портой и Іосифомъ II.

Въ это самое время возникшая война Россіи со шведами вынудила Россію заключить миръ съ турками, что и было сдѣлано въ Яссахъ, 29 декабря 1791 года.

Австрія и Россія, заключивъ миръ съ Турціей, нигдѣ не упомянули Черногоріи; такимъ способомъ въ третій разъ Черногорія была оставлена на милость Турціи и продолжала съ турками отчаянную войну, изъ которой она вышла побѣдителемъ, разбивъ сильное войско Махмуда-паши-Бушатліи, за что получила благодарственную грамоту изъ Петербурга, а самъ владыко Петръ—орденъ Александра Невскаго.

Отъ черногорцевъ симпатія къ русскимъ распространилась и на герцеговинцевъ. Такъ, во время царствованія императора Павла I, эти послѣдніе обращались къ русскимъ за позволеніемъ переселиться совершенно въ Россію, потому что не могли болѣе переносить притѣсненіе турокъ, венеціанцевъ и австрійцевъ. Положимъ, большинство желающихъ выселиться относилось къ герцеговинскому племени, и прошеніе, находящееся въ архивѣ, писано герцеговинцами, которые, однако, теперь принадлежатъ къ Черногоріи. На это прошеніе императоромъ Павломъ I, въ Павловскѣ, 30 апрѣля 1798 года, была выдана черногорскому и герцеговинскому послу, архимандриту Вучетичу, грамота, заключающая въ себѣ позволеніе переселиться въ Россію. Въ другой грамотѣ, писанной 11 января 1799 г., съ своеручной подписью Павла и вицеканцлера Виктора Кацебу, признаны были и подтверждены всѣ привиллегіи, полученныя Черногоріей при Петрѣ Великомъ, и; кромѣ этого, Павелъ

далъ приказъ выдавать ежегодно черногорцамъ 1000 червонцевъ и обѣщалъ имъ въ этой грамотѣ, что онъ готовъ ихъ всегда защищать не только отъ турокъ, но и отъ другихъ христіанскихъ государствъ, въ виду чего и отдалъ приказаніе русскимъ посламъ строго слѣдить за ходомъ дѣлъ Балкана и особенно Черногоріи и отдалъ въ распоряженіе посламъ, на случай нужды, флотъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ. Въ это время въ Петербургъ отправился самъ владыко Петръ съ своимъ секретаремъ, извѣстнымъ въ то время ученымъ, католическимъ аббатомъ донъ-Франо-Дольчи, котораго въ послѣдствіи русскіе обвинили въ сообщничествѣ съ Римомъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень приверженъ владыкѣ Петру и черногорскому народу. Симпатія между русскими и черногорцами продолжалась и въ послѣдующее время, и каждый императоръ, вступавшій на престолъ, считалъ какъ бы своей обязанностью матеріально поспѣшить на помощь непобѣдимымъ черногорцамъ, какъ выразился самъ императоръ Александръ I, который 12 марта 1801 г. подвердилъ всѣ данныя прежде грамоты и приказалъ продолжать высылать денежную помощь, состоящую изъ 1000 червонцевъ, которые назначилъ выдавать покойный императоръ Павелъ I.

Въ это время Австрія особенно начала опасаться сильнаго вліянія Россіи. Кромѣ этого, ей очень непріятно было слышать, что въ церкви молятся за русскій царствующій домъ. (Съ какихъ поръ начали черногорскіе полуграмотные священники это дѣлать, исторически неизвѣстно, но только извѣстно, что Степанъ-самозванецъ приказалъ первый дѣлать это обязательно). Князь Данило I уничтожилъ это, въ 1859 году. Черногорія, не привыкшая никогда быть чьею либо провинціею, въ это время не согласилась быть даже и русскою, несмотря на всю любовь къ русскимъ. Чтобы доказать это, приведу одинъ маленькій эпизодъ изъ жизни владыки Петра.

Интриги при русскомъ дворѣ архимандрита Вучетича и гра-

фа Марка Ивелича увѣрили императора Александра, будто владыка Петръ съ своимъ секретаремъ, аббатомъ Дольчи, согласился продать Черногорію Франціи за 25,000 червонцевъ. Вслѣдствіе этого императоръ Александръ прислалъ въ Черногорію грамоту, черезъ самого графа Ивелича, въ которой упрекаетъ черногорцевъ, особенно владыку Петра, въ измѣнничествѣсвоей родинѣ и совѣтуетъ имъ не совершать этого преступленія. Кромѣ грамоты императора, прислано было письмо петербургскаго святѣйшаго синода владыкѣ Петру, въ которомъ, упрекая его въ измѣнѣ родинѣ, славянству и православію, синодъ бросаетъ на него анаѳему и требуетъ отъ народа предать его русской власти, которая, какъ преступника, отправитъ его въ Сибирь. Въ 1804 году были привезены графомъ Ивеличемъ эти письма въ Катаро и переданы народу и владыкѣ. Народъ счелъ себя обиженнымъ письмами русскаго синода и энергически началъ объяснять Ивеличу, что черногорскими дѣлами не имѣетъ права никто посторонній распоряжаться, и что они никогда не были подданными Россіи, но только вѣрными союзниками, что они не хотятъ обращать вниманія на письмо синода, что они никогда не отдадутъ имъ въ руки своего государя, владыку Петра.

Въ это время возникли первыя недоразумѣнія между Россіей и Черногоріей, которыя, однако, скоро были устранены искуснымъ русскимъ дипломатомъ и консуломъ Мазуревскимъ.

Громадное значеніе играетъ въ исторіи вступленіе на французскій престолъ Наполеона I. Его появленіе тоже отразилось и на Черногоріи. Съ этимъ временемъ совпадаетъ и четвертый союзъ Черногоріи съ Россіей. Россія, въ виду предстоящей коалиціи противъ Наполеона, не позабыла и черногорцевъ, и поспѣшила отправить въ Черногорію своего посла, Степана Сановскаго, чтобы онъ на всякій случай находился при владыкѣ Петрѣ. Сановскій въ это время привезъ 3000 червон-

цевъ и грамоту отъ императора Александра, писанную 20 января 1805 года, въ которой, между прочимъ, написано: «Наше Царское Величество надѣется, что вы вполнѣ покажете себя достойными сыновьями и внуками славныхъ, непобѣдимыхъ отцовъ и внуковъ, которые искренно и постоянно помогали Россіи»!

Побѣда Наполеона I надъ союзными войсками австрійцевъ и русскихъ, одержанная 5 октября 1805 года, при Чесмѣ, вынудила Австрію уступить французамъ Боку-де-Катаро (Котунскій миръ 14 декабря 1805 года). Австрійскій уполномоченный, баронъ Кавокобо, объявилъ жителямъ Боки, что, по волѣ его величества императора австрійскаго, всѣ города ихъ должны перейти во власть французовъ впредь до 29-го января 1806 года. Народъ былъ сильно взволнованъ и недоволенъ; поднялась оппозиція; рѣшено было просить русскаго вице-адмирала Сенявина, находящагося съ флотомъ въ Корфу, вступиться за свободу республики отъ натиска французовъ, причемъ выражалась общая готовность республиканцевъ выступить подъ русскими знаменами противъ общаго врага славянъ. Въ то же время была отправлена депутація въ Цетинье, къ владыкѣ черногорскому, съ просьбою о защитѣ. Владыка собралъ скупштину (15-го февраля 1806 года), въ которой, между прочими, находился и представитель Россіи, Санковскій. Рѣшено было дѣйствовать непріязненно противъ французовъ и австрійцевъ и начать эти дѣйствія блокадою Нови. Сказано, сдѣлано. Въ то время, какъ черногорцы окружили крѣпость съ суши, русская эскадра, подъ начальствомъ капитана Бели, блокировала ее съ моря. Однако же, прежде, чѣмъ начать дѣйствовать оружіемъ, коменданту предложено было сдать крѣпость безъ боя. Эта попытка увѣнчалась успѣхомъ. Вскорѣ взято было и еще нѣсколько непріятельскихъ городовъ. Воодушевленные успѣхомъ, союзники на новой большой скупштинѣ (17-го февраля) поклялись защищать Боку-де-Катаро до послѣдней капли крови

и быть вѣрными друзьями Россіи, знамена которой, при звукахъ музыки и громѣ пушекъ, поднялись надъ крѣпостями забранныхъ городовъ.

Совсѣмъ не такъ дѣйствовала Дубровачская республика (Рагуза), эта славянская Аттика, съ ея просвѣщеніемъ и литературой, уступавшей развѣ только одной итальянской литературѣ того времени. Она рѣшилась дѣйствовать противъ русскихъ и пропустила французовъ черезъ свою землю въ Боку. Черногорцы, въ благородномъ негодованіи, поспѣшили окружить Рагузу, а русскій капитанъ Бели выслалъ фрегатъ въ Каламатскій заливъ.

Сенявинъ, узнавши объ успѣхѣ соединеннаго русско-черногорскаго войска и занятіи Боки, выслалъ въ подкрѣпленіе ему два батальона и 4 пушки, подъ командою маіора Пушкина, съ приказомъ защищать Катаро и Нови до его прибытія. А въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Катаро и самъ.

Въ это время Бока, которая граничила съ Черногоріей, имѣла громадное значеніе для русскихъ. Она, какъ одинъ изъ лучшихъ портовъ, населенныхъ славянскимъ племенемъ, сочувствовавшимъ Россіи, содѣйствовала Сенявину въ его планахъ.

Взятію черногорцами Боки Сенявинъ обязанъ былъ тѣмъ, что русскій флотъ, которому Катаро служилъ единственнымъ убѣжищемъ, не былъ совершенно вытѣсненъ изъ Средиземнаго моря и имѣлъ возможность, въ союзѣ съ ней и Черногоріей, вести наступательную войну, перемѣстить главную квартиру изъ Корфу, населеніе котораго не сочувствовало ему, въ Далмацію и, такимъ образомъ, уничтожить связь этой послѣдней съ Италіей, въ чемъ ему много помогали вооруженныя купеческія суда Боки.

Въ это время военная сила Франціи не могла состязаться съ соединенными силами русско-черногорскими. Во-первыхъ, у французовъ былъ недостатокъ во флотѣ, кавалеріи и артил-

леріи, и, во-вторыхъ, располагая въ Далмаціи пѣхотой, состоящей изъ 40,000 человѣкъ, они принуждены были до половины размѣстить ее по городамъ, такъ какъ не находили сочувствія въ населеніи.

Сенявинъ не хотѣлъ долго бездѣйствовать, а рѣшилъ немедленно завладѣть всей Далмаціей. Вслѣдствіе этого намѣренія, онъ выслалъ капитана Бели, съ восемью военными фрегатами и девятью судами, отбить у непріятеля всѣ острова, лежащіе противъ далматскаго прибрежья, а самъ, 25-го марта, отправился въ Корфу и 19-го апрѣля возвратился оттуда со всѣмъ своимъ флотомъ и, тотчасъ же, получивши рапортъ о дѣйствіяхъ Бели, отправился для его подкрѣпленія въ Корчулу.

Въ это время Австрія, увидѣвши слабость Франціи и позавидовавши предстоящей добычѣ Россіи, заключила союзъ съ Наполеономъ и позволила его войскамъ переходить черезъ ея земли. Наполеонъ, вслѣдствіе этого, рѣшился, во что бы то ни стало, покорить Далмацію и окружить ее своими войсками, которыя должны были пройти черезъ Албанію въ Корфу, занятый русскими. Сенявинъ, опасаясь Рагузинской республики и желая склонить ее на сторону Россіи, 6-го мая 1806 года предложилъ ей союзъ, отъ котораго она, впрочемъ, отказалась, а предпочла предложить свои услуги генералу Лористану (14-го мая), который черезъ турецкія земли и Слано прибылъ въ Рагузу. Узнавши объ этомъ, черногорцы предложили Сенявину дѣйствовать мечомъ и, сообща съ нимъ, наказать вѣроломныхъ измѣнниковъ. Не находя другого, лучшаго исхода, Сенявинъ съ радостью ухватился за это предложеніе, и не прошло недѣли, какъ союзная русско-черногорская армія была уже на пути къ Рагузѣ.

21-го мая оба непріятельскія войска сошлись возлѣ Цавтана, на разстояніи получаса отъ Рагузы, но сраженія въ этотъ день еще не было, а ночью французы, съ которыми въ это

время были уже и дубровчане (рагузинцы), узнавши, что къ непріятелю пришли подкрѣпленія, бѣжали съ занимаемыхъ ими позицій, безъ боя оставивъ Цавтанъ и забывъ тамъ даже нѣсколько пушекъ. Послѣ этого перваго удачнаго шага черногорцы одержали надъ непріятелемъ еще нѣсколько побѣдъ и заняли почти всѣ важнѣйшіе пункты Дубровачской республики. Изъ числа этихъ побѣдъ видное мѣсто занимаетъ побѣда, одержанная 25-го мая, послѣ которой французы должны были запереться въ Рагузѣ и не выходить оттуда.

Тѣмъ не менѣе, Рагуза служила важнымъ стратегическимъ пунктомъ, и потому Сенявинъ, находящійся въ Тріестѣ, получивъ печальное извѣстіе о занятіи ея французами, поспѣшилъ съ флотомъ (27-го мая) въ Катаро, а оттуда (1-го іюня), вмѣстѣ съ черногорцами, отправился блокировать Рагузу. Къ его счастью, въ подкрѣпленіе къ русско-черногорскому войску какъ разъ въ это время прибылъ, съ подкрѣпленіемъ изъ Корфу, князь Вяземскій, который и принялъ 4-го іюня главное начальствованіе надъ всѣми союзными регулярными войсками.

5-го іюня 1806 года начались военныя дѣйствія. Кучка черногорскихъ храбрецовъ дружнымъ натискомъ овладѣла первымъ передовымъ укрѣпленіемъ Рагузы и, прогнавъ съ позицій, въ опьяненіи побѣды погналась за французами, не догадываясь, что отступленіе ихъ былъ маневръ, которымъ они хотѣли завлечь напріятеля въ болѣе удобное для себя мѣсто. Князь Вяземскій, болѣе черногорцевъ знакомый съ военной тактикой, тотчасъ понялъ, что послѣдніе находятся въ большой опасности и послалъ имъ на помощь 400 человѣкъ солдатъ, вмѣстѣ съ которыми они и продолжали жестокій рукопашный бой съ остановившимся непріятелемъ. Самъ владыка лично участвовалъ въ этомъ сраженіи. Къ французамъ приходили подкрѣпленія, но напрасно: черногорцами были заняты всѣ лучшія позиціи, занимаемыя прежде непріятелемъ. Это сраженіе счи-

тается славнѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо выигранныхъ русско-черногорскими соединенными войсками. У французовъ было отбито 19 пушекъ, убитъ одинъ генералъ, одинъ полковникъ, 25 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ, не считая раненыхъ. 6-го іюня русскіе вступили на островъ Локрумъ. Въ этотъ же день черногорцы очистили отъ непріятеля пространство между Гружой и Рагузой. (Въ Гружѣ въ то время находился русскій флотъ). 10-го іюня началось бомбардированіе Рагузы. Шансовъ на успѣхъ было много; непріятель, хотя держался довольно крѣпко и по ночамъ дѣлалъ даже вылазки, помышлялъ уже о сдачѣ на капитуляцію, но осада продолжалась только до 24-го іюня, такъ какъ въ этотъ день Сенявинъ получилъ приказъ передать купленную кровью черногорскихъ и русскихъ храбрецовъ Боку Австріи и прекратить всѣ военныя дѣйствія. Благодаря уступчивости Россіи, Бока чуть-чуть не подпала подъ власть Австріи, той самой Австріи, которую она такъ ненавидѣла и презирала. Народъ былъ очень недоволенъ страннымъ поступкомъ русскаго двора, и въ то время, когда между Россіей, Австріей и Франціей происходилъ горячій дипломатическій обмѣнъ, въ которомъ участвовалъ тогда самый искусный австрійскій дипломатъ, фельдмаршалъ графъ Белегартъ, и полковникъ графъ Л'Епинъ, а съ французской стороны генералъ Лористанъ, отправилъ отъ себя депутацію въ Петербургъ, прося русскій дворъ не оставлять его на произволъ судьбы. Въ то время, когда депутаты уѣхали въ Россію, Франція попробовала пріобрѣсти Черногорію для себя. Военный талантъ и геніальный духъ Наполеона I (точно также какъ и Петръ I), этого величайшаго полководца міра, вполнѣ понялъ важность и значеніе стратегическаго пункта Черногоріи; точно также ему извѣстно было вліяніе черногорцевъ на окружающихъ славянъ, потому-то онъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы разорвать союзъ русско-черногорскій и чтобы завоевать мирнымъ путемъ это храброе племя, и въ

1803 году вступилъ съ помощью своего агента, секретаря Петра I, аббата Дольчи, въ сношеніе съ Черногоріей. Предпріятіе это, говорятъ, увѣнчалось бы успѣхомъ, если бы Россія, не понявъ всей опасности потерять такого союзника, не поспѣшила послать въ Черногорію графа Ивелича съ грамотою Александра I. Въ грамотѣ этой говорилось: «Желаніе наше отвратить опасность, угрожающую Черногоріи, отъ замысловъ иноземцевъ и нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей изъ среды самихъ черногорцевъ, побудило насъ отправить въ Черногорію нашего генералъ-лейтенанта Ивелича, съ препорученіемъ увѣрить народъ черногорскій во всегдашнемъ къ нему благоволеніи нашемъ, открыть предстоящую ему гибель и показать путь, начертанный собственной его пользой и славой».

Пріѣздъ Ивелича помѣшалъ союзу французско-черногорскому; аббатъ Дольчи былъ сначала осужденъ на смерть, потомъ помилованъ и заключенъ въ одинъ изъ монастырей; про эту личность большинство историковъ говоритъ съ хорошей стороны и подозрѣнія Россіи на счетъ его попытокъ обратить черногорцевъ въ католическую вѣру приписываютъ интригамъ графа, домогавшагося черногорскаго престола, и архимандрита Вучетича.

Какъ бы то ни было, французы не успѣли заключить союза и обратились искать союза у терецкаго населенія Босніи, Герцеговины и Албаніи, щедро осыпавъ подарками требиньскаго и скутарскаго пашей.

Черногорцы съ нетерпѣніемъ ожидали въ Бокѣ отвѣта русскаго двора. Наконецъ, къ величайшему ихъ удовольствію, 26-го августа 1806 г. было получено извѣстіе, что императоръ измѣнилъ свою политику и желаетъ продолженія войны (грамота, привезенная изъ Петербурга, была писана 31-го іюля 1806 г.). Такимъ образомъ передача Боки не состоялась, и военныя дѣйствія противъ французовъ снова начались 2-го сентября. Сраженія, данныя французамъ, 13-го, 14-го и 16-го

сентября, соединенными русско-черногорскими войсками, показали, до какихъ чудесъ храбрости способны доходить послѣднія; вездѣ французы были разбиты, вездѣ оставляли свои позиціи, въ виду чего Наполеонъ счелъ даже нужнымъ перемѣнить главнокомандующаго и выслалъ, съ 20,000 войска, извѣстнаго генерала Мармона. 19-го сентября было горячее сраженіе между французскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ командой Лористана, и русскими, которыми командовалъ генералъ Попандопуло, причемъ французы взяли верхъ.

Но это длилось не долго. 20-го сентября черногорско-русскій отрядъ нанесъ пораженіе генералу Мармону возлѣ города Кастельнуова и преслѣдовалъ французовъ до Суторини. Въ этотъ самый день другой отрядъ черногорцевъ, подъ предводительствомъ храбраго сердаря Джика Мартиновича, отбилъ у французовъ лагерь у Виталина и освободилъ русскихъ, плѣненныхъ французами. 21-го сентября Мармонъ, находившійся въ опасности, хотѣлъ спастись въ ночномъ бѣгствѣ, но черногорцы замѣтили и погнались за нимъ; въ подкрѣпленіе къ нимъ подоспѣли и русскіе, и началась жестокая, рукопашная схватка; Мармонъ, окончательно разбитый, принужденъ былъ отступить и укрылся въ укрѣпленномъ лагерѣ Цавтанъ.

Въ сраженіяхъ 13-го, 14-го, 16-го, 19-го, 20-го и 21-го сентября пало 12 русскихъ и черногорскихъ штабъ-офицеровъ и не менѣе 1.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ. У французовъ убыли было значительно больше, а имено, убито: 1 генералъ, 18 штабъ-офицеровъ, 37 оберъ-офицеровъ и до 3.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранены: генералъ Момипоръ и 37 офицеровъ; взяты въ плѣнъ: генералъ Бове, 47 штабъ-офицеровъ и до 1.300 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, было отбито 50 пушекъ и 10 транспортныхъ судовъ.

Послѣ такихъ блестящихъ побѣдъ французы принуждены были запереться въ Цавтанъ и Рагузу, между тѣмъ какъ русскіе, числомъ до 3.000, съ присоединившимися къ нимъ черно-

горцами, заняли Боку. Сенявинъ 24-го сентября издалъ прокламацію, въ которой превозносилъ стойкость, храбрость и самопожертвованіе черногорцевъ, и 4-го октября выслано было изъ Петербурга черногорцамъ 2.567 червонцевъ, въ вознагражденіе за ихъ военныя издержки, и доставлена была грамота, въ которой императоръ сердечно благодарилъ ихъ за храбрость и вѣрный союзъ; а самому владыкѣ присланъ былъ въ подарокъ крестъ, усыпанный бриллiантами.

24-го ноября Сенявинъ взялъ приступомъ островъ Корчулу, причемъ взятъ былъ въ плѣнъ комендантъ Корчулы, полковникъ Орфенго, 13 штабъ-офицеровъ, 389 солдатъ, 4 пушки, много боевыхъ снарядовъ и провіанта. Въ этомъ сраженіи отличились особенно черногорцы, шедшіе на приступъ съ ятаганами, причемъ за свое мужество и блестящую храбрость Савва Петровичъ былъ награжденъ почетной саблей и орденомъ св. Анны.

2-го декабря взятъ былъ Брачъ. Сенявинъ хотѣлъ продолжать свои дѣйствія, но получилъ въ это время извѣстіе, что Али-паша, визирь янинскій, намѣревается взять Іоническіе острова; вслѣдствіе чего онъ, оставивъ 3 линейные корабля и капитана Барятинскаго, самъ отправился немедленно съ флотомъ въ Корфу.

24-го декабря 1806 г. Порта объявила войну Россіи. Съ объявленіемъ войны увеличились турецкія звѣрства и насилія, которыя существовали и прежде въ Герцеговинѣ и Босніи, но не въ такихъ размѣрахъ. Христіане ужасно страдали подъ варварскимъ турецкимъ игомъ, злодѣйства принимали ужасающіе размѣры; вотъ что, напримѣръ, пишетъ объ этихъ звѣрствахъ одинъ монахъ, очевидецъ фактовъ: «У насъ наши жены—турецкія жены, наши матери рождаютъ турецкихъ дѣтей, наши дочери насильственно принуждаются занимать ложа турецкихъ агъ и беговъ, которые насильно затѣмъ обращаютъ ихъ въ магометанство; наши старые отцы—конюхи беговъ и агъ, дѣ-

ть служатъ имъ вмѣсто скота; наши горящіе дома служатъ имъ вмѣсто освѣщенія; церкви и монастыри превращены въ конюшни и хлѣвы; нѣтъ селенія, нѣтъ племени, нѣтъ дома, нѣтъ, наконецъ, личности, которая не испытала бы на себѣ звѣрства свирѣпыхъ агарянъ; наша страна превращена въ страну слезъ, которыя могутъ скоро затопить насъ». Нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности описанной картины; нужно только обратиться къ 1876—77 годамъ, когда цивилизація и гуманность получили полное право гражданства и легли въ основу европейской жизни, а въ Турціи повторялись времена Нерона! Несчастная, угнетенная райя не могла выносить болѣе турецкихъ неправдъ и не разъ присылала просьбы владыкѣ и черногорцамъ защитить во имя Христа, родства, наконецъ, во имя человѣчества. Черногорія, въ союзѣ съ русскими, рѣшила завоевать своимъ собратамъ свободу и лучшую участь; къ тому же поощрялъ ее и министръ иностранныхъ дѣлъ. приказавъ русскимъ войскамъ во всемъ помогать и защищать беззащитныхъ славянъ. Вслѣдствіе этого русско-черногорскія войска рѣшили овладѣть Никшичемъ и выступили 2-го апрѣля 1807 г., но эта экспедиція неудалась по многимъ причинамъ, которыя считаю лишнимъ здѣсь описывать, такъ какъ цѣль моя—представить вкратцѣ только событія этой войны. Затѣмъ, 18-го мая блокировали Клобукъ, но были оттиснуты турецко-черногорскими войсками.

Побѣды, одержанныя Наполеономъ надъ пруссаками, 2-го октября 1806 года возлѣ Эни и 2-го іюня 1807 г. подъ Фридландомъ, способствовали тому, что императоръ Александръ заключилъ миръ 25-го іюня въ Тильзитѣ. По этому миру Александръ обязался передать французамъ Іоническіе острова и Боку. 23-го іюля было получено въ Катаро формальное предложеніе передать всѣ города французамъ, а 29-го іюля Лористонъ отобралъ уже ключи отъ всѣхъ городовъ Боки.

Бока, одна изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстностей Евро-

пы, могущая состязаться, по красотѣ своего мѣстоположенія, съ любымъ уголкомъ Италіи, представляла въ то время самый ужасный видъ. Дома были разрушены, земля не обработана. Рѣдко можно было найти домъ, въ которомъ бы все семейство было на лицо: недоставало либо отца, либо мужа, либо сына. Торговля упала совершенно. Однимъ словомъ, этотъ цвѣтущій уголокъ представлялъ «страну нищую». Да и какъ возможно было не обнищать, когда она такъ долго была исключительнымъ театромъ войны черногорцевъ, русскихъ, французовъ, англичанъ, австрійцевъ и турокъ и по истинѣ была козломъ очищенія.

Но генералъ Мармонъ предвидѣлъ что-то страшное въ будущемъ и старался, разными обѣщаніями, разорвать крѣпкій союзъ Черногоріи съ Россіей; онъ предлагалъ ей большія суммы денегъ, покровительство и защиту сильнаго и великаго въ то время Наполеона, просилъ у владыки позволенія построить шоссе (дорогу) изъ Катаро въ Никшичъ, чтобы впослѣдствіи имъ было болѣе удобно дѣйствовать противъ Черногоріи. Но черногорцы, народъ отъ природы хитрый, какъ нельзя лучше поняли, въ чемъ состоитъ политика Мармона, и наотрѣзъ отказали ему во всемъ. Предлагалъ онъ имъ еще учредить французское консульство въ Цетиньѣ, чтобы такимъ образомъ легче можно было сохранять и поддерживать хорошія отношенія между ними.

Чтобы рельефнѣе показать, до чего заинтересовалась сильная Франція микроскопическимъ княжествомъ, не лишнее упомянуть о письмѣ принца Евгенія, писанномъ, по приказанію Наполеона I, главнокомандующему дѣйствующими войсками Далмаціи, Дюку Мармону, отъ 8-го іюля 1807 года, въ которомъ говорится: «Vous ne devez pas attaquer les Montenegrins, mais tachez, au contraire, d'avoir avec eux des intelligences et de les ramener á nous pour les ranger sous la protection de l'Empereur». Но, несмотря на всѣ старанія Мар-

мона, черногорскій владыка. Петръ I, отъ котораго онъ выхлопоталъ свиданіе, отвѣтилъ на увѣренія французовъ, что русскіе желаютъ привести въ рабство Черногорію и что они ее обманутъ подлѣйшимъ образомъ, какъ это не разъ дѣлали: «Прошу васъ, генералъ, не затрогивайте святыни и высокой славы наибольшаго народа, котораго и я вѣрный сынъ. Русскіе не враги наши, а наши единовѣрные и единоплеменные братья, которые питаютъ къ намъ такую же теплую любовь, какъ и мы къ нимъ. Вы ненавидите и черните русскихъ, а другіе славянскіе народы ласкаете, чтобы только вашъ императоръ достигъ своей цѣли. Но у всѣхъ насъ, славянъ, нѣтъ другой надежды и славы, какъ только съ сильными и сродными братьями, такъ какъ если пропадутъ русскіе, пропали и всѣ остальные славяне, и кто противъ русскихъ, тотъ и противъ Черногоріи». Конечно, подобный отвѣтъ не понравился ни Мармону, ни Наполеону I, но все-таки французы не потеряли надежду добиться подчиненія черногорцевъ и ихъ разъединенія съ Россіей. Такъ, мы видимъ изъ своеручнаго письма императора къ Мармону, отъ 26-го января 1808 г., въ которомъ онъ настойчиво требуетъ возобновить переговоры съ владыкой и сердится на неудачу и неспособность дипломатіи, говоря: «Comment arrive t-il que vous ne me parlez jamais de Montenegrins? il ne faut pas avoir le caracter raide, il faut envoyer des agens parmi eux et vous concilier les meneurs de ce pays», послѣ каковаго письма Мармонъ вторично вступилъ въ переговоры съ Черногоріей, но любовь къ Россіи была сильнѣе всѣхъ выгодъ и обѣщаній, которыя предлагала Франція. Подобный отказъ до того взбѣсилъ главнокомандующаго, что онъ, въ присутствіи черногорскихъ пословъ, поклялся, что «Черногорія отселѣ будетъ не черною, а красною», намекая на то, что онъ обольетъ ее кровью, на что ему отвѣтили горцы: «Если ты, маршалъ, вступишь враждебно на священную нашу почву, то погибнешь на ней со всѣмъ

твоимъ войскомъ и тогда Черногорія, разумѣется, будетъ красною». Мармонъ, видя, что ничего не можетъ сдѣлать съ гордыми черногорцами, рѣшилъ дѣйствовать силой и угрозами.

Такъ, въ 1808 г. Мармонъ уничтожилъ духовную власть владыки надъ Бокой; кромѣ того много сраженій было у черногорцевъ съ французами; они окончились миромъ, заключеннымъ владыкой, генераломъ Бертрандомъ. Въ это время и Сербія, во главѣ съ знаменитымъ героемъ Карагеоргіевичемъ, а потомъ съ Милошемъ Обреновичемъ, возстала на защиту своей независимости; не рѣдко упомянутые сербскіе герои обращались къ черногорцамъ съ просьбой о помощи (ихъ письма помѣщены въ настоящее время въ исторіи Милановича). Черногорцы, конечно, всегда готовы протянуть дружескую руку Сербіи и объявить войну заклятому врагу славянства. Мы вскользь только упомянули о переговорахъ Сербіи съ Черногоріей, потому что наша цѣль — изложить переговоры Черногоріи съ Россіей.

Въ 1812 году существовавшій между русскими и французами миръ былъ прерванъ и въ скоромъ времени начались непріятельскія движенія. Въ это время въ Средиземномъ морѣ находился флотъ русской союзницы, Англіи, подъ командою контръ-адмирала Тома-Франца-Ферба-Ментиль, а надъ флотомъ въ Адріатическомъ морѣ начальствовалъ Вильгельмъ Хосте. Французскій комендантъ Катаро, генералъ бригадиръ баронъ Готье (Gauthier), добивался еще разъ союза съ Черногоріей и по этому поводу писалъ владыкѣ слѣдующее письмо: «Je sais, que des emissaires Anglais doivent se rendre près de Vous: les Anglais sont perfides: prenez garde Monseigneur, qu'il Vous trompent, comme il ont fait à toutes les puissances du contenent, qu'ils ont entrainées a des guerres malheureuses et les ont toujours abandonnés etc». Но всѣ усилія французовъ были напрасны: владыка зналъ, что англичане были въ это время союзниками Россіи,

и для него этого было довольно, чтобы заключить миръ съ англичанами 12-го іюля 1812 года. 27-го августа 1813 года владыка издалъ прокламацію, которой черногорцы призывались къ войнѣ противъ французовъ, и сообщилъ объ этомъ англійскому адмиралу, находившемуся возлѣ Виса. 11-го сентября черногорцы штурмомъ отняли отъ французовъ крѣпость Будуа, 12-го сентября взяли Тройцу, 15-го сентября одержали блестящую побѣду при Веригахъ, 18-го сентября взяли непріятельскую батарею при Росома, 28-го сентября блокировали французскій городъ Нови (Кастельнуово) и крѣпость Штаньолу. 1-го октября въ Катарскій заливъ пришелъ англійскій флотъ, подъ командой Хосте; въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Черногорію австрійскій посолъ, аббатъ Брунацци, и, явившись къ владыкѣ, вручилъ ему письмо отъ герцога Франца фонъ-Эста, въ которомъ этотъ послѣдній обѣщалъ Черногоріи большое количество оружія и военную помощь. Такая политика Австріи ясно показываетъ намъ, что и въ это время Австрія хорошо понимала значеніе восточнаго вопроса и предвидѣла его будущее. 2-го октября черногорцы взяли у французовъ Штаньолу и Кастельнуово; 16-го и 17-го октября 256 кроатовъ, находившихся во французской службѣ въ Катаро, принесли владыкѣ ключи отъ города, но интриги Брунацци помѣшали капитуляціи Катаро.

29-го октября, въ «гласовитой» скупштинѣ въ Добротѣ, Черногорія соединена въ одну провинцію; владыка отправилъ депутацію въ Петербургъ къ русскому двору, чтобы просить его объ утвержденіи рѣшенія скупштины, но католики Боки съ своей стороны, не замедлили послать депутацію въ Вѣну, съ просьбой о защитѣ со стороны Австріи; ихъ миссія, однако же, не имѣла успѣха; Катаро, самый важный стратегическій пунктъ и самая сильная крѣпость Боки, 27-го декабря сдался Черногоріи.

Какое счастье для Черногоріи! Она получила выходъ въ въ море изъ своихъ неприступныхъ, безплодныхъ скалъ; она

получила хорошій портъ, дававшій ей возможность начать торговлю! Но счастіе улыбнулось только на время: русскій царь опять приказалъ 20-го мая 1814 года, въ Парижѣ, передать Боку Австріи, и 2-го іюня владыка возвратилъ Боку австрійскому генералу Милутиновичу. Здѣсь опять русская политика сдѣлала непростительную дипломатическую ошибку, которую исправить можетъ только окончательное рѣшеніе восточнаго вопроса. Чѣмъ же объяснить эту ошибку русской политики? Единственное объясненіе—это близорукость русскихъ дипломатовъ, которые не понимали въ то время, какое огромное значеніе для Черногоріи могъ имѣть портъ въ Адріатическомъ морѣ; заподозрить русскую политику въ равнодушіи къ судьбѣ Черногоріи—невозможно, такъ какъ и послѣ того, какъ Бока была отдана Австріи, русскій дворъ не переставалъ оказывать матеріальную помощь Черногоріи; такъ, императоръ Николай I приказалъ выдать черногорцамъ громадную сумму, въ вознагражденіе за ихъ храбрость.

1830 года, 18-го октября, умеръ владыка Петръ Петровичъ, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ владыку Рада Петровича, знаменитаго поэта сербскаго. Петръ, умирая, завѣщалъ черногорцамъ всегда любить Россію, и маленькая, но сильная духомъ, страна свято исполняетъ завѣщаніе своего покойнаго владыки!

Съ Петромъ II или, какъ его называли, «владыкою Раде», начинаетъ Черногорія принимать видъ европейской державы, потому что этотъ умный поэтъ-государь съумѣлъ въ продолженіе своего владѣнія ознакомить Европу съ своей страной, которая, хотя и была извѣстна ей, но далеко не съ хорошей стороны. Его путешествія по Италіи, Австріи, Россіи, Германіи, Франціи и Англіи имѣли много и пользы и вреда для страны, находившейся въ постоянной враждѣ съ турками. Взаимныя отношенія Россіи и Черногоріи во время его владычества, вслѣдствіе разныхъ интригъ, поколебались, но справед-

ливость требуетъ сказать, что народъ былъ всегда вѣренъ своему историческому преданію: «любить великую Россію». Объемъ самой статьи не позволяетъ мнѣ останавливаться на выясненіи причинъ, временно порвавшихъ отношенія между Россіей и Черногоріей, и потому, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, я перейду прямо къ описанію эпохи перерожденія Черногоріи изъ владыката въ княжество.

Русскій дворъ того времени прекрасно зналъ, какое значеніе можетъ имѣть Черногорія въ будущемъ; онъ предвидѣлъ, что со временемъ она можетъ быть для балканскихъ славянъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Піемонтъ для Италіи и потому рѣшилъ преобразовать Черногорію въ княжество. Въ Черногоріи въ это время былъ наслѣдникомъ на владыческій санъ Данило I, умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свирѣпый деспотъ-реформаторъ, который, въ 1852 году, не желая принимать монашескій чинъ, поѣхалъ въ С.-Петербургъ просить русскаго императора именовать его княземъ, что императоръ Николай и исполнилъ, вопреки протесту западныхъ державъ.

Первый князь Черногоріи, Данило I, оказался очень хорошимъ и энергичнымъ правителемъ. Правда, въ его княженіе черногорцы раздѣлились на два враждебные лагеря: французофиловъ, подъ предводительствомъ самого Данилы, и руссофиловъ, подъ предводительствомъ его дяди, Пера Томова Петровича и Джоржіи. Эти послѣдніе потерпѣли пораженіе въ неравной борьбѣ съ Данилой, котораго горячо поддерживала Франція, и должны были бѣжать съ многими изъ своихъ приверженцевъ въ Австрію, гдѣ и приняли ихъ съ охотой, въ надеждѣ извлечь со временемъ изъ этого особенную выгоду для достиженія своей цѣли, но жестоко обманулись, такъ какъ черногорецъ никогда не измѣнитъ своему народу.

Съ уничтоженіемъ владыката и наименованіемъ Данилы I княземъ черногорскимъ, какъ жизнь черногорскихъ владѣтелей, такъ и политика приняли другой видъ. Данило женился на

Дарникѣ, дочери крупныхъ австрійскихъ коммерсантовъ Квекичей, воспитанной по европейски, можно сказать, даже на французскій ладъ; поэтому, надъ такой не трудно было французскому дипломатическому агенту въ Скутари, секретарю князя Деларю, г. Хакарту, пріобрѣсти вліяніе и убѣдить княгиню въ пользѣ для княжества примкнуть къ Франціи и видѣть въ ней свою покровительницу въ лицѣ ловкаго дипломата Наполеона III. Конечно, Хакартъ не упустилъ упомянуть княгинѣ, а черезъ нее и князю Даніилѣ, что Россія со временъ Петра I старалась пользоваться княжествомъ только въ случаѣ нужды, призывая ихъ къ оружію противъ враговъ Россіи, въ вознагражденіе чего давала имъ незначительное денежное вспомоществованіе и церковную утварь, но въ то время, когда русскіе заключали миръ, то черногорцевъ предоставляли на произволъ судьбы, что не разъ поставляло княжество въ безвыходное положеніе. Хакартъ объяснилъ Даніилѣ I, что союзъ черногорскаго владыки Петра I съ Александромъ Благословеннымъ противъ французовъ былъ ни что иное, какъ ловкая игра русской дипломатіи, которая подставила ловушку княжеству, пользовалась имъ, пока было нужно, а потомъ оставила его на милость и немилость Австріи и Турціи, предварительно приказавъ добродушному владыкѣ уступить Боку-де-Катаро Австріи, ту самую, которую черногорцы завоевали оружіемъ и которая стоила имъ нѣсколько тысячъ жертвъ! Взамѣнъ всѣхъ услугъ, русскіе пожертвовали нѣсколько сотенъ червонцевъ и нѣсколько старыхъ ризъ и евангелій. Ловкій и предпріимчивый Хакартъ еще привелъ въ примѣръ парижскій конгрессъ 1856 г., въ которомъ русскій посолъ гр. Орловъ не только оставилъ на произволъ судьбы Черногорію, но даже призналъ ее вассальнымъ государствомъ Порты, несмотря на то, что русскій императоръ Петръ Великій въ своей грамотѣ къ владыкѣ Даніилѣ I говоритъ: «Въ благодарность

за прежнія и нынѣшнія услуги черногорцевъ, я согласенъ признать васъ независимымъ государствомъ».

Помощь, которую давала Россія Черногоріи, Хакартъ обѣщалъ выхлопотать у Наполеона III, что и сдѣлалъ императоръ, приказавъ выдавать Даниллѣ по 50.000 франковъ ежегодно; такимъ образомъ, молодое княжество, благодаря хитрости и уму французскаго агента и бездѣятельности русской дипломатіи, достигло того, что отправило въ 1854 г. въ Парижъ своего адъютанта Вуковича съ миссіей предложить французскому императору дружбу и союзъ Черногоріи и принять ее подъ свое императорское покровительство.

Несмотря на то, что Данило I примкнулъ къ покровительству Франціи, народъ черногорскій, имѣя во главѣ дядю князя, Джорджія, предсѣдателя черногорскаго сената, бывшаго русскаго офицера, и нѣсколькихъ извѣстныхъ старшинъ, не переставалъ любить Россію и въ ней видѣлъ единственное спасеніе; но неспособность и отсутствіе характера и энергіи вождя Джорджіо Петровича Нѣгошъ, точно такъ же, какъ и неспособность русской дипломатіи, заставили эту партію уступить мѣсто французофиламъ, а самимъ искать убѣжища въ Австріи. Многіе оправдываютъ поведеніе Даниллы въ отношеніи къ Россіи, объясняя тѣмъ, что въ дѣйствительности русская дипломатія поступала неблагородно съ черногорцами все время съ Петра Великаго, и что очень легко можетъ быть, что проницательный умъ и мстительный характеръ князя много повліяли на политику княжества; ничего нѣтъ страннаго, если энергичный Данило не хотѣлъ больше ставить на карту свою родину для официальной Россіи, которая ее такъ часто обманывала, и что онъ видѣлъ болѣе выгоды въ союзѣ съ Франціей, которая ему обѣщала выхлопотать отъ Порты Зету и часть Герцеговины, если онъ согласится признать себя вассаломъ султана. Князь на это согласился, хотя не отъ души, а просто думая этимъ способомъ увеличить свою территорію и,

увеличивъ ее, ждать удобный случай завоевать вновь полную независимость княжества. Благодаря политическимъ обстоятельствамъ, это не состоялось.

Что касается того, почему черногорцы не вступили въ войну съ Европой, какъ союзники Россіи, то можно въ оправданіе ихъ сказать, что въ то время, когда вся Европа составила коалицію противъ Россіи, Черногорія, объявивъ себя союзницей Россіи, открыто вызывала на себя нападеніе всей Европы, которое она была бы не въ силахъ выдержать; не надо забывать, что въ одно время, когда черногорцы колебались, объявить или необъявить войну Турціи, послѣдовалъ ультиматумъ Австріи, въ которомъ говорилось, что если княжество нарушитъ нейтралитетъ, то Австрія будетъ принуждена объявить ей войну. Точно также англійскій и французскій дипломатическіе агенты пригрозили высадить десантъ въ Черногоріи и, совмѣстно съ Турціей, покорить и уничтожить Черногорію. Кромѣ того, неурожай и недостатокъ амуниціи ставили княжество, волею неволею, въ прямую зависимость отъ Австріи.

Какъ бы то ни было, но Черногорія не участвовала въ крымской войнѣ, которая, какъ извѣстно, окончилась пораженіемъ Россіи, послѣ котораго послѣдовалъ временной упадокъ могущества сильной имперіи. Послѣ упадка Россіи, Черногорія была принуждена поддерживать хорошія отношенія съ Франціей, но въ это же самое время замѣтно было сближеніе съ Россіею, которая снова искала добыть то вліяніе, которое потеряла, благодаря отсутствію хорошихъ дипломатовъ. Между тѣмъ, и Австрія, всѣми правдами и неправдами, старалась склонить княжество на свою сторону и часто существенной помощью парализировала помощь Россіи; чтобы все это выяснить, не лишнее будетъ прослѣдить войну Турціи съ Черногоріей въ 1852—3 году, которая была ни чѣмъ инымъ, какъ предисловіемъ кровопролитной войны 1858 года.

Открылась война турецко-черногорская въ 1852—3 г.

Тогда сильный Омеръ-паша съ четырехъ сторонъ сдѣлалъ нападеніе на княжество. Несмотря на многочисленность турецкой арміи и малочисленность черногорской, борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ, но въ концѣ концовъ турки все-таки имѣли перевѣсъ. Мустафъ и Селимъ-бей заняли въ Черницахъ село Липники, Омеръ-паша занялъ Грахово, Измаилъ и Рейсъ-паша, послѣ кровопролитныхъ битвъ, заняли верховья Острошскихъ горъ; Османъ-паша, поддержанный наемной племенъ кучи и пиперы, занялъ округъ Мартиничей и двинулся впередъ къ Бѣлопавличамъ, гдѣ хотѣлъ соединиться съ войсками Измаила и Рейсъ-паши, оперирующими со стороны Никшича.

Послѣ этой операціи энергичный Омеръ-паша рѣшилъ двинуться съ общими силами черезъ скалы Лѣшанскія и Рѣчкою Нахіи къ столицѣ Черногоріи, Цетинье; для этой цѣли онъ приказалъ перевести свой авангардъ черезъ рѣку Зету, но, къ счастью, этотъ отрядъ былъ на голову разбитъ не менѣе энергичнымъ княземъ Даніломъ; такой же участи подвергнулся и отрядъ Мустафа-паши, дѣйствовавшій со стороны Черницы, при селеніи Годины; дядя князя, Джорджіо Петровичъ, разбилъ его на голову.

Несмотря на всѣ эти успѣхи, положеніе Черногоріи, въ случаѣ продленія кровопролитной борьбы, было безвыходное. До какой степени ощущали недостатокъ въ порохѣ и пулях, можно видѣть изъ приказа князя Данила, чтобы употребить шрифтъ типографіи и церковныя книги на изготовленіе пуль и патроновъ. Между тѣмъ, со дня въ день высаживались свѣжіе турецкіе батальоны, съ которыми Омеръ-паша хотѣлъ снова попытать счастье. На эту неравную борьбу Европа, съ начала смотрѣвшая равнодушно, подъ конецъ вышла изъ терпѣнія и произнесла veto. Россія и Австрія, находившіяся въ то время въ дружбѣ, совмѣстно приняли на себя роль посредниковъ: Австрія, по совѣту Россіи, послала по этому случаю своего экстраординарнаго посла въ Константинополь; со стороны Австріи былъ отправленъ фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Лейнигеръ Ве-

стербургъ, который энергично протестовалъ противъ дѣйствій Турціи въ отношеніи княжества. и когда Порта отказывалась исполнить требованія Австріи и Россіи, то Австрія дала ей ультимантумъ, послѣ котораго Турція согласилась очистить черногорскую территорію и признать, по крайней мѣрѣ de facto, независимость Черногоріи. Миръ заключенъ былъ на основаніи bestatus quo ante Hum. Этотъ миръ не былъ ни чѣмъ другимъ, какъ перемиріемъ, послѣ котораго обѣ стороны готовились къ новой борьбѣ, которая вспыхнула въ 1858 году.

Теперь необходимо прослѣдить какъ эту войну, такъ и ея послѣдствія, чтобы ясно видѣть, на сколько былъ полезенъ Черногоріи союзъ съ Франціей.

Послѣ заключенія парижскаго трактата и вступленія Черногоріи въ сношенія съ Франціей, Данило I постарался измѣнить существующее ненормальное положеніе княжества, потому что настоятельно требовалъ отъ Порты разрѣшить слѣдующіе два вопроса: распредѣленія границы между Черногоріей и Турціей и вопросъ о сѣверовосточныхъ общинахъ, изъ за обладанія которыми между турками и черногорцами безпрерывно происходили погранічные споры и схватки, грозящіе превратится въ настоящую войну. Кромѣ этого, Данило требовалъ портъ Антивари съ прилегающей къ нему полосой и округленія его княжества со стороны Герцеговины. При замѣнѣ этихъ уступокъ князь обѣщался признать надъ собой сюзеренство султана.

Чтобы легче исполнить свой планъ, Данило, по совѣту Хакарта, предпринялъ путешествіе въ Парижъ, гдѣ былъ весьма любезно принятъ Наполеономъ III. Съ нимъ, какъ и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Валевскимъ, князь велъ переговоры на счетъ своихъ намѣреній.

Какъ Наполеонъ, такъ и европейскіе дипломаты, принимавшіе участіе на парижскомъ конгрессѣ, какъ казалось на первыхъ порахъ, приняли близко къ сердцу просьбу князя Данилы и обѣщали существенную поддержку. И въ дѣйствительности въ

Константинополѣ была созвана конференція, на которой разбиралось черногорско-турецкое дѣло, но подъ конецъ эта конференція не имѣла никакого результата и не достигла желанной цѣли.

Турція требовала отъ Данилы безусловнаго признанія себя вассаломъ Турціи, она же его пожалуетъ титуломъ мушира, съжалованьемъ, соотвѣтствующимъ чину маршала; кромѣ этого, обѣщала въ послѣдствіи провести границу между княжествомъ и Портою.

На все это Данило не согласился, и, заручившись благосклонностью Наполеона, оставилъ Парижъ и возвратился на родину, чтобы приготовить себя къ борьбѣ, которая не долго себя заставила ожидать. Прямымъ и непосредственнымъ поводомъ послужило герцеговинское возстаніе 1857 года, въ которомъ храбрый и честолюбивый Данило не могъ не принять участія 1858 года. Князь объявилъ войну Турціи и послалъ вспомогательный отрядъ въ Герцеговину, подъ предводительствомъ Радонича, который, совмѣстно съ храбрымъ вождемъ герцеговинцевъ Лукою Вукаловичемъ, напалъ на турокъ при селѣ Пуково; бой длился три дня; къ вечеру третьяго дня командующій турецкимъ войскомъ, Салигъ-паша, былъ на голову разбитъ и въ безпорядкѣ удралъ въ Требинью.

Послѣ этого кровопролитнаго сраженія, европейская дипломатія нашла нужнымъ вмѣшаться въ споръ турецко-черногорскій. Франція первая энергично протестовала противъ политики Порты и предложила свои услуги, какъ посредница. Примѣру Франціи послѣдовала и Россія. Австрія же со своей стороны постаралась услужить Турціи, предложивъ ей даже свои порты Клекъ и Суторину, чтобы провозить амуницію и войска и, предложивъ ей свои дипломатическія услуги, она ей посовѣтовала послать въ Требинью своего комиссара Кемаль-пашу, которому будто бы приказано было прекратить военныя дѣйствія и вступить въ переговоры съ Даниломъ. Но эта миссія была ни что иное, какъ ловушка Турціи, чтобы выиграть время, высадить и сконцентрировать армію и съ ней нанести силь-

ный и окончательный ударъ княжеству. Въ ловушку попалъ Данило, и приказалъ воеводѣ Радоничу немедленно оставить со своимъ отрядомъ Герцеговину и возвратиться въ Черногорію и началъ вести переговоры съ турецкимъ комиссаромъ. Переговоры, какъ нужно было ожидать, неудались. Турція требовала отъ Черногоріи безусловной передачи княжества на милось и немилость султана. Данило на это не согласился, послѣ чего Порта рѣшила двинуть свои войска во внутрь Черногоріи. Когда пронеслось по Европѣ это извѣстіе, Франція, которая отъ души покровительствовала княжеству, подняла свой голосъ въ пользу послѣдняго и сильно начала нападать на Турцію и издала манифестъ, въ которомъ грозилась Турціи, говоря, что Франція подъ конецъ съумѣетъ заставить ослушника дипломатически уважать независимость страны, на которую турки столь несправедливо изъявляютъ свои притязанія. Турція на это лаконически отвѣтила, что она намѣрена поддерживать свои права и не уступитъ какому-нибудь ничтожному народу изъ 140.000 человѣкъ, и что она намѣрена проникнуть въ Черногорію, чтобы наказать это разбойничье племя, и т. п.

Подобный отвѣтъ до того разсердилъ Францію, что она немедленно отправила въ воды Рагузы и Антивари одну дивизію морской эскадры. Россія послѣдовала ея примѣру и послала въ воды Гравозы фрегатъ «Полканъ». Но между тѣмъ, какъ дружественныя державы приказывали своему флоту идти на защиту княжества, въ это время разыгралось между черногорцами и турками кровопролитное сраженіе.

24-го апрѣля восьмитысячный отрядъ турецкій, подъ командой Гуссейнъ-паши, вторгнулся, послѣ незначительной стычки, въ Грахово, гдѣ и укрѣпился. Князь Данило, узнавъ объ этомъ, на скорую руку собралъ до 4000 человѣкъ, не имѣя ни одной пушки, и послалъ ихъ въ Граховацъ, подъ командой храбраго воеводы Мирко, отца князя Николая. И такъ, 1-го мая разыгралась кровавая драма. Черногорцы разбили на голову всю

турецкую армію, уничтоживъ ее почти до послѣдняго человѣка; они оставили на полѣ битвы до 8000 человѣкъ. Какъ трофей побѣды, черногорцамъ досталось восемь пушекъ, 6000 ружей, 4000 палатокъ, 5000 лошадей, огромное число разной амуниціи, сабель, пистолетовъ и ятагановъ и масса знаменъ. Черногорцы потеряли 60 убитыми и 300 ранеными. Граховская побѣда до того обрадовала французовъ, что тѣ поспѣшили въ официальной газетѣ «Moniteur» написать въ укоръ Австріи, державшей сторону Турціи: «При той строгости, съ какой австрійцы наблюдаютъ, чтобы черезъ ихъ порты не перевозились военные припасы въ Черногорію, лучшее средство доставить черногорцамъ порохъ и ружья—это снабдить ими турецкую армію, осаждающую страну».

Славная граховская побѣда была для Черногоріи дѣломъ великаго значенія, она побудила Европу ближе познакомиться съ народомъ, который въ состояніи разбивать арміи сильной имперіи, она распространила въ цѣломъ мірѣ славу черногорскаго оружія, чѣмъ вызвано было сочувствіе и любовь большей части европейскаго общества, а самое главное—престижъ черногорцевъ между славянами достигъ своего апогея.

Другими словами, эта побѣда заставила Европу призадуматься; послѣдовали дипломатическія ноты, телеграфная проволока дѣйствовала по этому поводу по всѣмъ направленіямъ; Европа видѣла въ этой побѣдѣ первый актъ великаго восточнаго вопроса; никто не желалъ этого рѣшенія, всѣ старались избѣжать его; къ этому надо еще прибавить, что вслѣдствіе турецко-черногорской войны прибавились еще натянутыя отношенія между великими державами.

Франція и Россія были сторонниками Черногоріи; Австрія и Англія—Турціи, вслѣдствіе чего Австрія первая протестовала противъ присутствія въ портахъ Адріатическаго моря французской и русской эскадръ и потребовала настоятельно ихъ удаленія. Протестъ этотъ былъ оставленъ парижскимъ и петербургскимъ

кабинетами безъ вниманія, когда Австрія приступила къ военнымъ демонстраціямъ и усилила гарнизоны кругомъ Черногоріи и приведеніемъ въ готовность австрійскаго флота. Послѣ этого послѣдовалъ протестъ Англіи. Вопросъ черногорскій считали всѣ какъ возможный casus belli, котораго никто не желалъ. Благодаря энергіи и иниціативѣ Наполеона III, были приглашены великія державы, подписавшія парижскій трактатъ, составить коммисію и рѣшить споръ воюющихъ сторонъ. Державы на это дали свое согласіе и послали ноту, какъ въ Константинополь, такъ и въ Цетинье, въ которой приказали прекратить военныя дѣйствія, послѣ чего султанъ 14-го мая далъ строгое предписаніе Гуссейнъ-пашѣ прекратить враждебныя дѣйствія. Послѣ прекращенія войны, въ Рагузѣ собралась европейская коммисія, въ которой приняли участіе представители Россіи, Франціи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Турціи и Черногоріи. Какъ базисъ, на которомъ основывались бы изслѣдованія коммисіи, положено было принять status quo ante bellum. Коммисія занималась съ 25-го іюля до осени, потомъ отправила свой трудъ въ Константинополь, гдѣ 25-го октября 1858 года, подъ предсѣдательствомъ великаго визиря, собралась конференція, на которой присутствовали послы всѣхъ великихъ державъ и въ ней рѣшали, куда должна проходить граница между княжествомъ и Турціей. Трудъ этотъ окончили только въ началѣ 1859 года. По новой демаркаціонной линіи, къ Черногоріи, со стороны Герцеговины, присоединены были округа: Грахово, половина Банянъ, Рудине, Никшичка Шупа, двѣ трети Дробняка, племена ускоковъ, Липово, Верхніе Васоевичи и одна треть Нижнихъ со стороны Албаніи, Додыши и часть Кучей.

Но Порта, несмотря на энергію Данилы, заступничество Франціи и Россіи, благодаря интригамъ Англіи, въ особенности Австріи, Черногоріи не получила.

Со дня формальнаго заключенія конференціи, Черногорія вступила въ новую эру и заняла мѣсто въ семьѣ европей-

скихъ державъ; всему этому она была обязана Франціи, которая такъ энергично и честно заступилась за свое протеже, которая ни на минуту не остановилась передъ тѣмъ, чтобы заставить уважать неприкосновенность Черногоріи, послать свою эскадру въ моря Турціи и Австріи, и если нужно и десантъ. Подобную честность со стороны католической и романской Франціи черногорцы цѣнили и будутъ цѣнить, пока будутъ существовать. Нельзя умолчать, что братская Россія оказала въ дѣлѣ не мало услугъ.

Какія бы отношенія ни существовали, но смерть Николая I такъ сильно повліяла и на народъ и на князя, что всѣ, безъ исключенія, какъ будто бы инстинктивно стали носить трауръ по одномъ изъ честнѣйшихъ государей міра.

1860 года князь Данило былъ убитъ въ Катаро однимъ изъ сторонниковъ Петра III Петровича, Тошъ Кадичемъ; это убійство было совершено не столько съ цѣлью политической, насколько имѣло характеръ личной мести къ князю.

Послѣ смерти Данилы I, престолъ черногорскій занялъ нынѣ царствующій Николай I; съ восшествіемъ на престолъ молодого и умнаго князя, поэта, Николая I, политика княжества совершенно измѣнилась, Россія заняла въ черногорскомъ народѣ то мѣсто, которое ей долженствуетъ, какъ великой славянской державѣ и какъ покровительницѣ угнетенныхъ единоплеменниковъ. Любовь между громаднѣйшимъ и малѣйшимъ изъ славянскихъ государствъ была вполнѣ возстановлена.

Здѣсь, конечно, не буду упоминать о тѣхъ матеріальныхъ вспомоществованіяхъ, которыми такъ щедро осыпалъ черногорскій народъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II, который отъ всего сердца любилъ и уважалъ непобѣдимый уголокъ славянскаго міра! Такимъ образомъ проходили года въ любви и дружбѣ съ Россіей, пока не насталъ 1877 годъ, когда Россія объявила священную войну Турціи. Въ этой войнѣ самымъ вѣрнымъ и храбрымъ союзникомъ Россіи оказа-

лись опять черногорцы. Кто не знаетъ, какъ гордо Черногорія отказалась отъ двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и большей части герцеговинской и зетской территоріи въ вознагражденіе за нейтралитетъ. Кто не помнитъ извѣстный отвѣтъ князя Николая турецкому султану, когда тотъ предлагалъ ему миръ: «Не сдѣлаю я ни мира, ни перемирія, пока русскій царь не вложитъ своей сабли въ ножны».

Участіе Черногоріи въ русско-турецкой войнѣ имѣло большое значеніе на ходъ всей войны; княжество со всѣхъ сторонъ окружено было турецкими войсками, числомъ до 120.000 человѣкъ, дѣйствовавшими отрядами: со стороны старой Сербіи подъ командой извѣстнаго полководца Махмедъ-али-паши; со стороны Герцеговины подъ командой храбрѣйшаго и опытнѣйшаго Мухтара паши и со стороны Зеты подъ командой али Саибъ-паши; всѣ эти полководцы, краса турецкой арміи, потерпѣли пораженіе. Вучи-долъ, Фундина, Рогамы, Андріевица, Височици, Баръ, Дульциньо и др. останутся памятными какъ въ исторіи турокъ, такъ и черногорцевъ! Точно такъже, какъ и прогулка Сулеймань-паши изъ Никшича въ Спужъ. которая стоила ему нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ!..

Войска эти иначе дѣйствовали бы противъ русскихъ и причинили бы не мало хлопотъ и безъ того малочисленной русской арміи; княжество на себя стянуло почти четверть всей оттоманской дѣйствующей арміи, и тѣмъ не мало принесло пользы послѣдней славяно-турецкой войнѣ.

Но. несмотря на храбрость Черногоріи, несмотря на симпатію и искреннюю любовь русскаго народа и русскаго императора, несмотря на завоеванія князя Николая, Черногорія на берлинскомъ конгрессѣ была почти позабыта и предоставлена графомъ Шуваловымъ на произволъ Австріи. Графъ Шуваловъ сказалъ черногорскому делегату, Божидару Петровичу, и сербскому Ристичу: «Россія ничего не можетъ сдѣлать для васъ, идите и попросите Андраши, австрійскаго министра» (историческій

фактъ). Черногоріи конгрессомъ отдана часть Герцеговины и Зеты, каковую территорію имъ пришлось вторично отъ турокъ съ оружіемъ въ рукахъ отбивать; кромѣ того, имъ уступленъ портъ Антивари, подъ присмотромъ австрійской полиціи и подъ защитой австрійскихъ броненосцевъ. Однимъ словомъ, черногорцы получили столько территоріи, сколько не хватило бы на могилы погибшимъ за честь и славу своей непобѣдимой родины. Причину всего этого считаю лишнимъ описывать, но только одно скажу, что существующую съ древнихъ временъ любовь Черногоріи къ Россіи не поколеблятъ даже и частые ошибки русскихъ дипломатовъ. Вѣра въ Россію и русскаго царя, вѣра въ будущее такъ сильна, что пропорціонально этой вѣры ростетъ и симпатія микроскопическаго племени къ гигантскому государству!..

Теперешнія отношенія Россіи и Черногоріи было бы лишнимъ описывать, потому что они всякому хорошо извѣстны; мнѣ остается только въ заключеніе своей статьи сказать, что Черногорія вполнѣ заслужила помощь и поддержку русскаго правительства не какъ милость, а какъ союзница, которая часто проливала кровь своихъ героевъ за русскій народъ; что она заслужила довѣріе и преданность русскаго народа, какъ защитница «вѣры, свободы и славянства»!

Изложеніе моей статьи, писанной по русскимъ документамъ, имѣло цѣль правильно и правдиво изложить ходъ отношеній Россіи и Черногоріи со временъ Петра I, указать ошибки русскихъ дипломатовъ, изъявить желаніе, чтобы въ будущемъ не повторялись эти ошибки, чтобы русская политика гармонировала съ чувствами русскаго народа; тогда, я увѣренъ, любовь между ними будетъ рости и вліяніе Россіи, какъ естественной и законной покровительницы славянъ, будетъ всегда велико въ миніатюрной, но благородной и непобѣдимой странѣ героевъ, какихъ рѣдко видывалъ міръ, какъ выразился лордъ Гладстонъ.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ.

I.

Ружейные выстрѣлы и геройскія эпическія пѣсни встрѣчаютъ новорожденнаго черногорца, да ими же провожаютъ его, въ большинствѣ случаевъ, и въ могилу. И мудрено-ли, что съ такой радостью встрѣчаетъ его родина, семья и племя: вѣдь новорожденный примкнетъ къ той немногочисленной, но непобѣдимой горсти борцовъ, которыми уже пятое столѣтіе держатся свобода и честь микроскопическаго княжества. Чѣмъ больше черногорцевъ, тѣмъ меньше враговъ, и славянскихъ вообще, и черногорскихъ—въ особенности.

И такъ, онъ родился... Ужасы, съ которыми онъ не разстанется во всю жизнь, иногда окружаютъ самый актъ его рожденія. Не рѣдко судьба призываетъ его къ жизни въ то самое мгновеніе, когда турки или албанцы, подпаливъ деревню, вступаютъ въ рукопашную съ ея обитателями, рѣжутъ голову отцу иногда въ глазахъ рождающей... Выходитъ высоко-драматическая вещь: послѣдній крикъ умирающей жертвы сливается съ первымъ новорожденнаго мстителя. Не рѣдко онъ рождается на неприступной скалѣ, и тогда, обвитый не мягкой шелковой тканью, а виноградными листьями, бросается на

жесткіе камни: матери за нимъ некогда ухаживать, ей нужно защищаться отъ турокъ, стремящихся овладѣть горной красавицей...

Да и надобности нѣтъ. Крѣпкій и здоровый, сынъ неизнѣженныхъ родителей,—черногорскій мальчуганъ не нуждается въ какой-либо изысканной обстановкѣ: она совершенно такая же, какъ и у примитивныхъ народовъ. О повивальныхъ бабкахъ, дѣтскихъ докторахъ и т. п. у нихъ нѣтъ и помину.

Черногорецъ какъ рождается бѣднякомъ, такъ и умираетъ бѣднякомъ: цѣль его жизни — въ усиліяхъ не капиталъ себѣ приличный составить, а возможно большее количество враговъ послать въ рай Магомета. Здѣсь тайна почета, которымъ пользуется Черногорія. Черногорцы считаются лучшими воинами въ мірѣ, и не безъ основанія. Стоитъ только припомнить, что этотъ маленькій клочекъ земли съумѣлъ отстоять свою независимость и отъ свирѣпыхъ турокъ, и отъ богатыхъ венеціанцевъ, и отъ коварныхъ австрійцевъ, и отъ гордыхъ французовъ.

По совершеніи надъ новорожденнымъ таинства св. крещенія, конечно, по обрядамъ православной церкви, онъ, обыкновенно, предоставляется матери-природѣ. Дальнѣйшее его воспитаніе носитъ совершенно спартанскій характеръ. Лишь онъ сталъ на ноги, какъ отецъ уже учитъ его обращаться съ оружіемъ: стрѣльбѣ изъ пистолета, пріемамъ ятаганной рѣзни и т. п., въ то время и мать старается воспитать прирожденныя мальчику удаль и геройство. То она подзадориваетъ сынишку, утверждая, что ему никогда «не бывать такимъ юнакомъ, какъ его дѣдъ», то ласкаетъ мальчика, рисуя ему картины его будущей боевой жизни, въ которыхъ турецкая голова занимаетъ первое мѣсто. Фраза: «Ты отрубишь турку голову, за что получишь медаль отъ князя», — такъ сказать, стереотипная въ Черногоріи. А туристу-европейцу приходится встрѣчаться тамъ съ сюрпризами чуть не на каждомъ шагу. То

онъ съ удивленіемъ останавливается при видѣ мальчугана, возящагося на глазахъ родителей съ заряженнымъ пистолетомъ, то—съ неменьшимъ удивленіемъ выслушивать приблизительно такую бесѣду взрослаго съ ребенкомъ: «Ты кто?»—спрашиваетъ взрослый. «Черногорецъ!» — отвѣчаетъ безъ запинки мальчуганъ.—«Юнакъ?»—«Понятно! Вотъ увидишь, какъ я въ первомъ же бою снесу турецкую голову. Всѣ мои предки были юнаками». Такая гордая самонадѣянность — черта народнаго характера. И не удивительно. Съ самаго рожденія черногорецъ слушаетъ «узъ гусларни звонъ» геройскія пѣсни, въ которыхъ величаются извѣстные герои изъ его предковъ. Зимой, около пылающихъ костровъ, начинается школа для черногорской молодежи. Старики, важно покуривая трубки, повѣствуютъ о своихъ и чужихъ подвигахъ, въ назиданіе своимъ юнымъ слушателямъ. Не рѣдко, во время этихъ разсказовъ, нападаютъ на деревню албанцы, и тогда только что усвоенная теорія примѣняется на практикѣ: всѣ вскакиваютъ, хватаются за оружіе, отгоняютъ врага, приносятъ трофеи, а съ ними, нерѣдко,—убитаго или раненаго брата, отца... Но бѣда, если мальчикъ заплачетъ... Его засмѣютъ... Онъ—«трусъ».

Самохвальство также занимаетъ не послѣднее мѣсто въ черногорскомъ характерѣ. Европейцамъ, обыкновенно, кажется страннымъ, что черногорецъ, говоря съ кѣмъ бы то ни было, даже княземъ, прежде всего упомянетъ, что онъ — «юнакъ», и при этомъ непремѣнно заведетъ рѣчь о своихъ подвигахъ. Часто случается, что къ князю придетъ какой-нибудь черногорецъ и начинаетъ громогласно заявлять, насколько онъ храбрѣе другихъ, насколько рѣшительнѣе и мужественнѣе, а между тѣмъ, не получилъ медали, отданной менѣе достойнымъ. Прежніе владѣтели нерѣдко дозволяли въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ поединокъ между соперниками, который обыкновенно оканчивался смертью того или другого, а то такъ и обоихъ.

Похвастать передъ боемъ вошло даже въ обыкновеніе. Иной

наобѣщаетъ собранію, женѣ, родственникамъ, что такъ или иначе отрубитъ одну или нѣсколько турецкихъ головъ, и, обыкновенно, или погибаетъ, или съ величайшимъ рискомъ выполняетъ данное обѣщаніе.

Въ доказательство приведу фактъ, имѣвшій мѣсто въ пограничныхъ стычкахъ снужанъ и пиперовъ. Вуличъ Марковичъ, собравъ свою дружину, обратился къ ней съ такими словами:

„Я не сынъ черноборки
И не носилъ поясъ мужчины,
Если головы я не снесу Хуссейну
И за воеводу Холета не отомщу".

И Хуссейнъ былъ убитъ. Марковичъ исполнилъ свое слово.

Намъ нѣтъ особенной надобности распространяться о другихъ характерныхъ чертахъ черногорскаго народа. Онѣ давно подмѣчены и описаны европейскими путешественниками.

Черногорцы горды, самонадѣянны, вспыльчивы, чувствительны и мстительны. Они не въ состояніи перенести обиду или насмѣшку, или гордое обращеніе съ ними. Въ этомъ отношеніи они готовы изъ-за малѣйшихъ пустяковъ жертвовать жизнью, изъ-за ничтожныхъ поводовъ драться на дуэли. Подчиниться чужой власти — для нихъ немыслимо. Холодъ, голодъ, самая смерть — но никогда рабство и униженіе! Черногорецъ бѣденъ, но гордится своей бѣдностью: она — результатъ національнаго мужества. Предки его предпочли безплодныя скалы плодороднымъ равнинамъ Зеты, Герцеговины и Старой Сербіи, иначе: вѣру отцовъ — магометанству, свободу — роскоши раба. Въ нуждѣ черногорецъ принимаетъ съ благодарностью помощь, но въ томъ случаѣ, если она не въ ущербъ его достоинству, не унижаетъ его, какъ свободную и разумную личность. Признательность и благодарность понятны черногорцу, когда ихъ не вынуждаютъ насильно, не требуютъ. Умный, хитрый и храбрый отъ природы, онъ не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь иноплеменный былъ храбрѣе и честнѣе его: эти два

качества—его идеалъ. Прежде онъ мало покорялся даже собственнымъ государямъ, но затѣмъ энергія и жестокость послѣднихъ владѣтелей привели его къ слѣпому повиновенію волѣ князя. Теперь на сколько онъ храбръ и безстрашенъ по отношенію къ непріятелю, на столько робѣетъ передъ строгой домашней властью: въ этомъ случаѣ онъ—рабъ. Мораль имѣетъ для него строго обязательную силу. Трудолюбіе также несомнѣнно, несмотря на увѣренія въ противномъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ религіозенъ, но не фанатикъ. Нельзя его упрекнуть и въ сладострастіи. Пьяницы—рѣдкость. Склонность къ бракамъ весьма развита, особенно къ раннимъ. Веселость, шутливость, добродушная иронія удачно гармонируютъ въ его характерѣ съ непоколебимой твердостью, напоминающей природу, среди которой онъ живетъ, гранитъ и мраморъ Черногоріи. Раздѣленія на сословія, въ европейскомъ смыслѣ, не существуетъ; всѣ считаютъ себя дворянами и родъ ведутъ отъ какого-нибудь давно истлѣвшаго боярина, со временъ, словомъ, незапамятныхъ. Но ужь если держаться непремѣнно дѣленія на сословія, то, по взгляду черногорца, ихъ два: «юнаки» и «трусы». Правда, въ послѣднее время кой-кто изъ молодежи, получившей образованіе въ европейскихъ столицахъ, и усиливаются создать яко-бы аристократію, но эти попытки встрѣчаютъ дружный отпоръ въ народѣ,—отношеніе къ выскочкамъ крайне презрительное. Даже конюху князя Николая никто не осмѣлится сказать: «Твой родъ — трусы, а мой — храбрѣе и почетнѣе твоего». До послѣдняго десятилѣтія можно было сказать, что во всемъ мірѣ нѣтъ и не было такого демократически-спартанскаго государства, какъ княжество Черногорское. «Свобода, равенство, братство» здѣсь являлись не пустымъ звукомъ, а въ ихъ примитивной чистотѣ, не запятнанной ошибками европейскихъ демагоговъ.

Вотъ характеристика Черногоріи, сдѣланная европейскими учеными и путешественниками (см. Петковича, Медаковича,

Попова, Ковалевскаго, бар. полков. Каульбарса, Viollа, Cuprin'a, Roberta, Ami Boué и др.) народу, о которомъ говоритъ весь міръ, которому онъ удивляется и котораго онъ не знаетъ. Я, съ своей стороны, готовъ охотно подписаться подъ такой характеристикой. Одно только замѣчаніе о физическихъ качествахъ черногорцевъ: по большей части, это рослые, плечистые молодцы, съ грудью колосса и тонкой, почти женской таліей: отсюда ихъ замѣчательная стройность. Черты лица грубоваты, но правильны. Блондины встрѣчаются рѣдко. Національный костюмъ очень наряденъ, даже если не вышитъ залотомъ и серебромъ, что бываетъ весьма немногимъ по карману.

II.

Благодаря вышеупомянутой системѣ воспитанія, въ черногорскихъ дѣтяхъ развивается храбрость одновременно съ гордостью и не только національной, но и племенной щекотливостью. Дѣти одного племени стараются быть храбрѣе и отважнѣе своихъ сверстниковъ изъ другого племени; отсюда возникающее соперничество нерѣдко разрѣшается жестокими схватками. Несмотря на плачевные результаты этихъ схватокъ, обыкновенно многіе изъ участниковъ бываютъ не шутя побиты камнями и дубинами; отцы смотрятъ на эту дѣтскую забаву очень хладнокровно. Я самъ въ ней нерѣдко участвовалъ и также нерѣдко приходилъ домой весь окровавленный. Но если бы на вопросъ: кто кого побилъ? я бы отвѣтилъ, что меня побили, мнѣ бы тотчасъ отказали въ самой возможности быть «юнакомъ», какъ разъ уже заявившему себя «трусомъ».

Эта война ребятишекъ получила права гражданства въ Черногоріи. Часто случается, что отцы, старинные друзья между собою, нарочно стравливаютъ мальчугановъ, недопуская ихъ до черезчуръ сердитой драки. Въ присутствіи роди-

телей дѣло ограничивается, по большей части, борьбой, но побѣжденный рѣдко забываетъ стыдъ пораженія, и вотъ, уже въ отсутствіи родителей, начинается серьезная потасовка, принимающая иногда печальный характеръ. Если же при ней будетъ присутствовать третье лицо, родственникъ котораго нибудь мальчугана, то онъ ограничивается лишь платоническимъ пожеланіемъ побѣды своему единокровному, не принимая никакого активнаго участія. Эта лойяльность проходитъ черезъ всю жизнь черногорца, и, поэтому, неудивительно, что примитивная черногорская дуэль бываетъ иногда правильнѣе общеевропейской, а правило «двумъ на одного—стыдно»—почти не знаетъ исключеній.

Быть храбрецомъ и имѣть богатое оружіе — мечта черногорскаго мальчугана. Для шашки, отдѣланной серебромъ и золотомъ, для пистолета въ дорогой оправѣ—онъ согласенъ на крайнюю бѣдность, почти на голодную смерть. Не даромъ одинъ австрійскій путешественникъ остроумно замѣтилъ, что черногорецъ три четверти всего состоянія носитъ на себѣ. Не даромъ и въ народной пѣснѣ поется: «Помнишь ты, побратимъ», —пишетъ Хаджи Маличъ, —рѣчь идетъ о битвѣ 1725 года: —«какъ стали мы братьями въ виду общей цѣли—избивать черногорцевъ. Но прошло полугодіе, а ничего-то мы не сдѣлали: не угнали ни единаго стада бараньяго, ни головы черногорской не снесли. Такъ сбери же, побратимъ, сотню молодцовъ, у которыхъ—ни роду, ни племени, ни земли, ни дому собственныхъ, ни барана нѣтъ единаго, а не то что стада бараньяго, у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго имущества, кромѣ богатаго оружія»...

Оружіе для черногорца—это святыня. Не рѣдко оно, при присягѣ, замѣняетъ крестъ и евангеліе. На это есть историческій примѣръ. Въ сраженіи при Чево, 1850 г., черногорцы, окруженные войсками турецкаго паши Чехайета, выбираютъ изъ своей среды сорокъ храбрѣйшихъ молодцовъ, которымъ

поставляется въ обязанность пробраться черезъ непріятельскую армію и убить пашу Чехайета, въ его же палаткѣ. Эти сорокъ молодцовъ и даютъ присягу на ружьѣ знаменитаго героя Никца изъ Равина.

Если во время боя нѣсколько черногорцевъ разомъ находятъ убитаго турка, то одному разрѣшается отрубить туркѣ голову, другому—взять съ собой эту голову, остальное дѣлятъ, какъ раздѣлили въ сраженіи при Круссахъ, 1796 г. 22-го сентября, извѣстнаго турецкаго героя и полководца Махмута визиря,—страхъ и трепетъ всей Турціи и даже самого султана:

„Молодыхъ мнѣ черногорцевъ
Разъ случилось видѣть:
Одинъ носитъ шлемъ визиря,
Другой—шапку, третій—турбанъ,
А четвертому досталась сабля паши золотая;
Пятый взялъ два пистолета“ и т. д.

Надо, однако, замѣтить, что съ послѣдняго времени воспитаніе черногорскаго юношества не ограничивается зимними вечерами у живописнаго костра, съ его неизбѣжными атрибутами: эпической пѣсней и такимъ же эпическимъ разсказомъ о подвигахъ предковъ. Теперешній князь Николай озаботился устройствомъ школъ въ каждомъ селеніи. Обученіе ведется настолько успѣшно, что сами европейскіе гости удивляются. И совершенно напрасно. Они выпускаютъ изъ виду способности горца, воспріимчивость его натуры и рѣдкостную любознательность.

III.

Съ десятилѣтнимъ возрастомъ настаетъ новый періодъ въ жизни черногорца: онъ дѣлается пастухомъ. Пастушество для него военная школа: нѣтъ черногорца, который не былъ бы

пастухомъ. Даже самъ князь Николай не избѣжалъ общей участи. Именно за это упрекаетъ его въ своей книгѣ: «Путешествіе по славянскимъ землямъ» извѣстный ученый Макушевъ. И съ словомъ пастухъ соединяется въ Черногоріи значеніе, неизвѣстное Европѣ. Быть хорошимъ пастухомъ—значитъ быть храбрецомъ: въ Черногоріи это синонимы. Пастбища расположены по границамъ съ албанцами и отчаянными герцеговинцами, народомъ схожимъ по обычаямъ съ черногорцами. И тѣ и другіе занимаются «четничествомъ», иначе отбиваютъ другъ у друга баранту. Не мудрено, что часто приходится черногорцу съ оружіемъ въ рукахъ защищать своего барана, и за голову барана класть свою собственную. Не рѣдко ему приходится видѣть, какъ падаютъ убитыми, при защитѣ стада, его отецъ, братья. Жизнь черногорскаго пастуха—не жизнь, а нескончаемый рядъ приключеній, вѣчная борьба за существованіе. Пастбища очень ограничены, какъ съ Черногоріи, такъ и въ сосѣдней Албаніи; такія мѣста, гдѣ удобно пасти скотъ («Кома Планина», «Великій Бердъ» и т. п.), въ тоже время и спорные пункты, поле вѣчнаго сраженія. Черногорцы отбиваютъ ихъ у албанцевъ, албанцы у черногорцевъ. Въ особенности этимъ дѣломъ занимаются такъ называемые «гайдуки и четы». Промышляя барантой, они въ тоже время стараются упрочить за собой пастбища, какъ это и подтверждаетъ слѣдующій историческій фактъ, имѣвшій мѣсто въ 1799 году на Лукавицѣ.

IV.

Кричитъ герой Савичъ Дадоевъ турецкимъ старшинамъ города Подгорицы: «Слышите, турки-молодцы, видано-ли, слыхано-ли, чтобы волкамъ жить съ ягнятами,—двумъ пастухамъ на одномъ полѣ, черногорцамъ вмѣстѣ съ турками? Не

пора-ли разрѣшить теперь, кому должны принадлежать ровныя долины Лукавицы? Только смотрите: ваши були одѣли-ли сапоги, а то мнѣ будетъ жаль смотрѣть, какъ они пустятся бѣжать по острымъ камнямъ!»

Не успѣлъ выговорить эти слова Савичъ Дадоевъ, какъ храброе племя пиперовъ, «призвавъ Христа», бросилось въ ятаганы на турокъ. Началась свирѣпая свалка. Среди общаго гвалта рѣзко выдѣляются молящіе о пощадѣ крики турокъ и побѣдоносные возгласы черногорцевъ. Пастбище взято штурмомъ, баранта угнана, черногорцы возвращаются съ трофеями: кто съ турецкой головой, кто съ живымъ туркомъ, кто съ отбитымъ оружіемъ. Въ горахъ, однако, нагоняютъ ихъ турецкія войска, подъ предводительствомъ Хаджи-Муша. Энергія турокъ и сравнительная малочисленность черногорцевъ заставляютъ черногорцевъ начать отступленіе, какъ вдругъ въ эту минуту Савичъ Дадоевъ, выбѣжавъ впередъ, крикнулъ отступающимъ: «Стой, молодцы мои пиперы! По день бѣлый,—посмотримъ кто изъ насъ «юнакомъ» родился!» Пиперы, сконфуженные своимъ предводителемъ, быстро переходятъ сами въ наступленіе, убиваютъ Хаджу-Муша, бѣгство турокъ только прибавляетъ имъ энергіи. Сраженіе изъ за клочка луговой земли оканчивается рѣшительной побѣдой черногорцевъ. Турки болѣе никогда не показывались на равнинахъ Лукавицы.

Въ такихъ-то опасныхъ мѣстахъ и положеніяхъ приходится черногорскимъ дѣтямъ привыкать къ войнѣ и брать первые уроки военнаго искусства. Я могъ бы насчитать цѣлыя сотни черногорцевъ, которымъ въ 10—15 лѣтнемъ возрастѣ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои стада отъ нападенія многочисленныхъ шаекъ турецкихъ, но, чтобы не заподозрили меня въ пристрастіи къ своему народу, я упомяну только тѣхъ, которые стали безспорно историческими лицами (см. Огледало. Ср. Вл. П. П. 16). Такимъ историческимъ лицомъ сталъ извѣстный черногорскій гайдукъ-герой Никца,

изъ Равина. По разсказу черногорской исторіи, онъ пасъ овецъ съ двумя малолѣтними сыновьями: Богданомъ и Вукайломъ, на которыхъ и нападаетъ сильная турецкая шайка (изъ 500 человѣкъ), подъ начальствомъ Хамзы-капитана. Надо замѣтить, что этотъ Хамза-капитанъ далъ слова Никцу не нападать на него зимой, но послѣдній не слишкомъ полагается на турецкое слово, и еще до нападенія, какъ бы его предчувствуя, беретъ ружье и обращается къ нему съ такими словами (кстати: бесѣда съ оружіемъ—обычай всѣхъ черногорцевъ и указываетъ на ихъ страстную любовь къ оружію): «Могу-ли я, ружье мое, на тебя надѣяться, какъ на друга вѣрнаго? Или какъ на присягу турецкую? Ей не вѣрю я, неужели же и ты измѣнишь мнѣ, ружье мое родимое? Слушай-ка: вѣть ты отецъ, и мать родная. Не измѣни смотри, а то мнѣ отъ юнаковъ обоимъ намъ достанется.. Скажутъ—скверное ружье да и руки, видно, скверныя.. А поможешь мнѣ покончить турку храбраго—расхвалятъ насъ: вотъ ружье славное, да и руки, видно, славныя».

Бесѣда заканчивается такимъ обѣщаніемъ:

„И вотъ, божусь Создателемъ,
Лишь домой вернусь нераненнымъ,
Серебромъ тебя отдѣлаю,
Позолотой и каменьями,
Чтобы знали всѣ,
Какъ служило мнѣ
Ружье мое безцѣнное“.

Предчувствіе Никца оправдывается. Турки, дѣйствительно, нападаютъ. Малолѣтніе Богданъ и Вукайло пробираются сквозь непріятельскіе ряды и даютъ знать въ Чево черногорцамъ, Никцъ убиваетъ, между тѣмъ, Дерву-баракторa и еще семь человѣкъ, — онъ героически борется одинъ со всей шайкой, пока не подоспѣваетъ черногорская помощь. Въ этомъ дѣлѣ черногорцы отрубили восемьдесятъ головъ; кромѣ мужчинъ, участвовала въ немъ и одна черногорка, храбрая Васкови Даница, которой исторія не позабыла отвести подобающее мѣсто.

Возьмемъ еще, въ качествѣ примѣра, изъ героической пѣсни, эпизодъ войны 1755 года. Въ этомъ эпизодѣ описывается, какъ турки напали изъ Никшича на стадо Никца, какъ доблестный черногорецъ палъ на поединкѣ вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, знаменитымъ туркомъ Бабичемъ Якшаромъ. Турки успѣваютъ угнать баранту, но «малютка Богданъ Никчевичъ», по словамъ пѣсни, унесъ оружіе Никца—старика и, засѣвъ въ засаду, долго защищалъ свое стадо, крича въ тоже время знаменитымъ черногорскимъ юнакамъ, чтобы шли скорѣе на помощь. Но увы! его никто не слышетъ. Пять разъ онъ выстрѣлилъ—и пятерыхъ не стало турокъ: двухъ убитыми, трое были ранены. Но тутъ у него не стало пороха, и турки угнали баранту, только голову оставили молодца Якшара Бабича, да трупъ доблестнаго «Никца»: ихъ отбилъ «малютка Богданъ Никчевичъ».

Я думаю, что этихъ двухъ примѣровъ совершенно достаточно для характеристики черногорскаго пастуха: иначе я привелъ бы ихъ тысячи.

V.

Отбитіе баранты—любимое занятіе черногорцевъ. Да и не однихъ черногорцевъ, а и герцеговинцевъ, албанцевъ, турокъ помаковъ, которые весьма не много уступаютъ въ храбрости черногорцамъ. У нихъ у всѣхъ, какъ и вообще у воинственныхъ народовъ, весьма развитъ обычай «четничества» или «гайдучества».

«Чета» организуется изъ разнаго количества гайдуковъ: отъ 10 до 600 человѣкъ. Вступленіе въ чету обусловливается не знатностью или богатствомъ рода, а личной храбростью. Возрастъ не играетъ особенной роли. Изъ среды гайдуковъ избирается предводитель четы, или «четобаша», иначе: «харам-

баша». Ему всѣ слѣпо подчиняются. Власть его хотя не принадлежитъ къ числу неограниченныхъ, но правомъ, напримѣръ, выгнать труса изъ четы, назначить часъ и способъ нападенія и т. п. онъ пользуется, какъ любой полководецъ. За то у него есть и извѣстныя права. Лучшая часть добычи отводится ему безпрекословно. Товарищи даже ищутъ нарочно случая подарить ему великолѣпную саблю, отбитое ружье или т. п. цѣнную вещь; не рѣдко предлагаютъ ему турецкаго скакуна, чтобы только нагляднѣе выразить свою благодарность и симпатіи харамбашѣ.

Народная пѣсня характеризуетъ «гайдука» слѣдующими чертами:

«У хорошаго гайдука—сердце молодецкое, мало молодецкое, а еще холостое и не старое. Въ нуждѣ онъ съумѣетъ удрать, такъ что туркѣ за нимъ не угнаться. А захочетъ самъ врага нагнать—нагонитъ и голову ему снесетъ. Но:

И удирая вѣчно помнитъ,
Какъ бы друга отъ опасности спасти,
А зарвавшемуся турку
Башку турецкую снести" и т. д...

Черногорецъ идетъ въ чету не только изъ-за бѣдности, а ради любви къ приключеніямъ, ради случая отличиться и принести домой трофеи съ убитыхъ мусульманъ; поэтому, въ четѣ мы всегда встрѣчаемъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ черногорцевъ.

Чета собирается въ условленномъ мѣстѣ и въ условленное время, обыкновенно на Юрьевъ день, выбираетъ человѣкъ десять, знающихъ мѣстность. На ихъ обязанности лежитъ предварительная рекогносцировка, съ цѣлью узнать, гдѣ лучше произвести нападеніе. Каждый изъ нихъ запасается провизіей на пять, на восемь дней. Если же придется пробыть въ походѣ

и дольше. то въ этомъ случаѣ надежды возлагаются или на боевое счастье или на подаяніе христіанъ, которые, опасаясь гайдуковъ, въ то же время смотрятъ на нихъ, какъ на покровителей. Вездѣ, во всѣхъ краяхъ Турціи, гайдуки—гроза турокъ; это мстители за угнетенную райю, не оставляющіе ни одного турецкаго звѣрства безъ подобающаго наказанія. Христіане это знаютъ и къ истому гайдуку относятся безъ страха, даже тогда, когда встрѣчаютъ его въ турецкихъ рядахъ или пастухомъ турецкихъ стадъ. Народная пѣсня о похожденіяхъ Вука Томановича 1735 г. разсказываетъ, какъ чета знаменитаго харамбаши нападаетъ въ Невессиньѣ на стада беговъ Любовичей, и

„Ухватиша двонайстъ чобана
Подъ оружѣмъ жива свако его
Све то бѣху власи сиромаси
Нехчеше ихъ посѣчъ черногорцы".

(Т. е. взяла въ плѣнъ 12 вооруженныхъ и невредимыхъ пастуховъ: это были бѣдные христіане, и черногорцы не захотѣли ихъ посѣчь).

Вообще надо сказать, что во время самаго ожесточеннаго боя черногорцу достаточно, чтобы его противникъ перекрестился—и онъ будетъ пощаженъ. Мало того: онъ найдетъ въ черногорцѣ еще и защитника отъ другихъ сражающихся. Турки, зная этотъ обычай, постоянно пускали его въ дѣло и обманывали довѣрчивыхъ горцевъ.

Нерѣдко случается. что пастухи у турокъ не только христіане, а еще и черногорцы, такъ называемые «ускоки»,— прозелиты славянства. По большей части, они убѣжали въ Турцію изъ-за боязни кровной мести, и обыкновенно лихіе «юнаки». Турки принимаютъ ихъ подъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ, въ знакъ своего отреченія отъ родины, убилъ своего единокровнаго черногорца. «Ускоки» вѣрно служатъ своимъ хозяевамъ и нерѣдко спасаютъ ихъ жизнь и имущество

при нападеніяхъ черногорцевъ. Такъ, въ сраженіи у Зеты 1800 года, черногорскій ускокъ, пастухъ Степанъ Вратница, увидавъ своихъ соотечественниковъ, нападающихъ на домъ турокъ Враничей, не хочетъ измѣнить хозяевамъ, и послѣ энергической борьбы побиваетъ своихъ братій, спасаетъ иноплеменныхъ. Турки одобряютъ такіе поступки, одобряютъ ихъ и черногорцы: слово «ускокъ» у послѣднихъ вовсе не имѣетъ ругательнаго характера. Подробная рѣчь о нихъ будетъ идти при изложеніи «кровной мести».

VI.

Нападеніе гайдуковъ на баранту происходитъ слѣдующимъ образомъ: добыча высматривается ночью; день чета проводитъ гдѣ-нибудь въ засадѣ, въ непроходимыхъ лѣсахъ или на неприступныхъ возвышенностяхъ, а если ихъ тамъ подмѣтятъ турки, участь четы — безотрадная. Окруженнымъ приходится почти умирать съ голоду, ѣсть сырое мясо, безъ соли, прохлаждаться, вмѣсто воды, порохомъ и т. п. Нерѣдко случается, что, подвергшись нападенію, они бываютъ подавлены турецкой массой и погибаютъ до послѣдняго. Бываетъ и наоборотъ: тогда они возвращаются съ трофеями. Какъ скоро баранта открыта, обдуманъ способъ приблизиться къ ней, харамбаша немедленно выбираетъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые сдѣлали бы нападеніе на пастуховъ, остальные должны угнать въ это время баранту. Обыкновенно, безъ выстрѣловъ, безъ шума и безъ пролитія крови при этомъ не обходится, что, въ свою очередь, привлекаетъ турокъ изъ ближайшихъ селъ, городовъ и крѣпостей: они пускаются въ погоню за гайдуками. Иногда черногорцы отдѣляютъ часть четы въ арьергардъ, на обязанности котораго лежитъ прикрытіе отступленія, благодаря чему баранта благополучно достигаетъ предѣловъ Черногоріи. Бы-

ваетъ и иначе: турки нерѣдко отбиваютъ обратно свое имущество.

Если во время схватки кто-нибудь изъ гайдуковъ будетъ убитъ или раненъ, то, сохрани Богъ, чтобы черногорцы оставили его во власти турокъ! Скорѣе погибнутъ всѣ, чѣмъ оставить товарища. Исторія нашего и пограничныхъ народовъ турецкихъ указываетъ на такіе факты, что изъ-за одного убитаго погибаетъ отъ 40 до 100 человѣкъ, единственно чтобы спасти отъ позора трупъ единокровнаго.

«Четничество» получило начало только тогда, когда черногорцы, поселившись на неприступныхъ скалахъ, начали дѣлать набѣги на окрестныхъ турокъ, съ цѣлью наводить ужасъ и уничтожать мусульманъ. Обычай отбивать баранту возникъ уже впослѣдствіи. По убѣжденію черногорцевъ, грѣшно и подло красть, но отбить баранту съ оружіемъ въ рукахъ, рискуя собственной жизнью,—своего рода молодечество и даже добродѣтель... Кто больше времени былъ гайдукомъ, тотъ считается лучшимъ юнакомъ. Наиболѣе удалыми гайдуками считались морачане, жившіе въ Морачскихъ горахъ еще съ 1795 года. Потомъ занимаютъ видное мѣсто взриничи. Затѣмъ, давали хорошихъ гайдуковъ и остальныя племена черногорскія, которыя, несмотря на свою малочисленность, удивляли міръ своей удалью. Въ качествѣ примѣра, я приведу историческій фактъ, относящійся къ 1835 году (10 марта), а именно взятіе сильной турецкой крѣпости Жабляка. Исторія и народныя пѣсни разсказываютъ это событіе слѣдующимъ образомъ.

VII.

Въ твердомъ городѣ Жаблякѣ вѣрная жена Диздаръ-Якубъ-аги, Диздаръ-аганица, увидѣла сонъ, будто густыя облака поднялись съ горъ Черногоріи и зокутали гордые валы

Жабляка, а изъ нихъ посыпались дождь и молнія. Молнія зажгла городъ, а громомъ разнесло богатые дворы Диздаръ-аги. Немного спустя, изъ темнаго облака вылетѣли двѣнадцать орловъ, а одинъ подлетѣлъ даже къ ней, красавицѣ, и укрылъ ее окровавленнымъ платкомъ. Вслѣдъ за орлами Диздаръ-аганица увидѣла множество соколовъ: всѣ они поднялись съ неприступныхъ скалъ Сербіи и закрыли собой городъ. Испуганная сномъ, бѣдная жена Диздара вскочила съ мягкихъ подушекъ, оставивъ утомленнаго агу, который весь день ѣздилъ по Джаблякскому полю, упражняясь въ стрѣльбѣ съ своими гостями. Она зажгла восковую свѣчу и въ испугѣ начала проливать надъ спящимъ агой горькія злезы, которыя катились по бѣлому лицу, какъ жемчугъ по бѣлому шелку. Одна изъ слезинокъ упала нечаянно на лицо аги, который, проснувшись, заговорилъ сердитымъ голосомъ:

— Это что значитъ? Только въ прошломъ году я построилъ свой домъ, покрылъ цермницкой черепахой, а ужъ онъ протекать начинаетъ?

— Нѣтъ, ага, жизнь моя, то не дворецъ твой протекъ, а прослезилась подруга твоя вѣрная.

И, разсказавъ ему содержаніе сна, прибавила аганица:

— Молодой ага, мой милый государь, повѣрь сну: онъ не даромъ. Навѣрное черногорцы займутъ Жаблякъ и ограбятъ, тебя убьютъ или ранятъ, дворецъ твой огнемъ сожгутъ и меня, молодую, въ плѣнъ уведутъ. Такъ скорѣе, другъ мой, встань ты на ноги и съ высокой башни Баярлы дай два пушечные выстрѣла, чтобы міръ весь зналъ, въ какой ты находишься опасности. Вся турецкая окраина отъ Зеленаго озера до Морача придетъ къ тебѣ на помощь. И не бойся, государь, что тебя на смѣхъ поднимутъ: всѣмъ извѣстно, что ты на границахъ храброй Черногоріи...

— Замолчи ты, була, ты просто дурочка... Еще услышатъ мои храбрые слуги... Вѣдь слово не шелковый платокъ,

его на груди не укроешь... Пойдетъ оно изъ устъ въ уста, разойдется по свѣту, разнесется слухъ, что я въ неприступномъ Жаблякѣ испугался черногорцевъ, въ то время, какъ у нихъ нѣтъ не только пушекъ, а пороху... Засмѣются надо мной въ глаза, всѣ кто знаетъ, что у меня двѣ сигнальныя пушки и что по первому сигналу у меня будетъ десять тысячъ воиновъ, а по второму соберется вся Малесія и Скадаръ на Баяни. Если бы на насъ напалъ весь народъ до Дуная и моря синяго, то и онъ вернулся бы разбитымъ, а ужъ тѣмъ болѣе несчастная Черногорія!.. Самъ нѣмецъ, со всѣми пушками и со всей Черногоріей, былъ побитъ подъ стѣнами нашими. Не бойся же, моя вѣрная жена: сонъ есть—ложь, а правда Богъ. Вѣрно у тебя подушка худо лежала, и голова затекла, отъ того и сны такіе приснились..

— Ахъ, нѣтъ, мой государь,—стояла на своемъ аганица, — вчера мнѣ довелось побывать у моей родственницы Кадуны Дервишевой, а она мнѣ разсказала, что слышала сама отъ ея брата Ахмета, будто черногорцы съ того времени, какъ турки измѣною зарѣзали нѣсколько кучей, сильно волнуются. Ходятъ они по кабакамъ и божатся, что отмстятъ за зарѣзанныхъ, что на турецкую крѣпость нападутъ, займутъ ее, ограбятъ и огнемъ сожгутъ.

— Ахъ, замолчи ты! Попусту безпокоишь, только спать недаешь!—крикнулъ на жену ага, засыпая на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ.

Но аганицѣ не спится, она взяла вязанье и, когда заблистала «Венера», признакъ близкаго разсвѣта, а на востокѣ замерещилась заря, она позвала вѣрную служанку Орфаку, чтобы та принесла ей воды. Благочестивой магометанкѣ нужно было совершить «авдесъ», предписанное религіей утреннее омовеніе.

Орфака отправилась за водой и, зачерпывая ее, случайно взглянула на валъ крѣпости, гдѣ обыкновенно сторожилъ

Юсуфъ-ага съ своими подчиненными. Можно же представить испугъ служанки, когда въ это самое время вошли въ крѣпость двѣнадцать черногорскихъ «соколовъ», связали Юсуфъ-агу и заняли валъ. Орфака уронила посудину и что было духу побѣжала въ гаремъ, извѣстить свою госпожу о случившемся. Агиница, увидя ея блѣдное, разстроенное лицо, вскикнула въ страхѣ:

— О, чтобы тебя, собаку, змѣя ужалила въ шею!.. Чего ты такъ испугалась? Развѣ не видишь, заря взошла.

— Нѣтъ,госпожа, есть съ чего испугаться!—отвѣчала та... —Когда я воду зачерпывала и на крѣпость взглянула, то знаете-ли что я увидѣла?.. Черногорцевъ и несчастнаго Юсуфъ-агу связаннаго...

— Тише,чтобы не проснулся мой милый ага!—прошептала аганица и, открывъ окно, начала всматриваться въ крѣпость, пока не убѣдилась, что Орфака не солгала.

Тогда она позвала ее и начала такую рѣчь:

— Служанка моя несчастная! Правда, что въ крѣпость вошло двѣнадцать «соколовъ», — двѣнадцать черногорскихъ храбрецовъ, одинъ лучше другого. Отсюда можно каждаго по одиночкѣ разсмотрѣть: разскажи же мнѣ про каждаго,—ты вѣдь ихъ всѣхъ знаешь..

— Госпожа моя, Якубъ-аганица!—начала разсказывать Орфака:—вотъ смотри—два серба, тѣ, что держатъ съ крестомъ знамя: побратимы. Первый Милошъ знаменоносецъ, а второй Петръ Джукановичъ, единственный сынъ у матери и не щадилъ жизни для военной славы. Дальше тамъ, тѣ, что гуляютъ по площадкѣ—двое юнаковъ, герои изъ Рѣчскаго округа, одинъ Периша Радовичъ, который знаетъ какъ найти любой проходъ отъ Зеты до Баяни и днемъ и ночью: это ему все равно, другой, на которомъ перекинута морская бурка и опоясанъ длинный мечь, попъ изъ Враки. У него турки домъ сожгли и ограбили. даже богатую одежду и оружіе унесли,

едва онъ успѣлъ спасти два пистолета. А мечъ и бурку онъ взаймы взялъ, чтобы пугать ими турокъ. А вотъ тѣ, что еще подальше, тѣ два юнака, которые стерегутъ Юсуфа, одинъ Кеньо Станковичъ, удалой юнакъ; ему и въ тысячѣ равнаго, по уму и храбрости, не отыщется. Счастливъ молодой Юсуфъ-ага, что его стережетъ такой герой! Другой, что возлѣ Кеньо стоитъ, это Преле Ивановичъ. Про него поговорка пошла: «гдѣ чета, тамъ и онъ». А остальные шесть юнаковъ, которые сидятъ около пороховаго склада—шесть жуплянъ: братья Иванъ и Николай Газиводы, потомъ два брата Костича: про нихъ разсказываютъ, что если они въ кого прицѣлятся, мать того навѣрно безъ сына останется. Остальные два Оташевичъ и Кралевичъ, благодаря которымъ говорятъ, что въ томъ бою не отличишься, въ которомъ черногорцы удальствомъ шикуютъ.

Аганица въ испугѣ начала будить спящаго агу, и когда ударила его по лицу мягкимъ шелковымъ платкомъ, ага спрыгнулъ съ кровати и сердито крикнулъ на жену:

— Чтобы околѣть тебѣ, була, покоя не даешь...

— Не даю я тебѣ покою, мое солнышко,—отвѣчала аганица,—потому, что сербы Жаблякъ у тебя заняли... Не вѣришь ты?—взгляни... Вонъ на башнѣ развѣвается знамя крестовое.

Тогда ага призвалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, а самъ, взявши богатое ружье, серебромъ и золотомъ отдѣланное, прицѣлился съ верхняго этажа въ сокола Янковича. Янковичъ былъ бы навѣрное убитъ, еслибы ага не боялся убить своего роднаго брата, Юсуфъ-агу. Черногорцы, въ свою очередь, замѣтивъ цѣлящагося агу, дали по немъ залпъ и раздробили ему обѣ ноги повыше колѣна. Но не унываетъ и раненый ага, онъ подбадриваетъ своихъ молодцовъ... только напрасно! Не воевать воронамъ съ соколами... Борьба разгорается по всему городу, туркамъ обороняться не въ силу, они, покинувъ городъ, сбѣгаются въ гаремъ, откуда защищаются ружейными выстрѣлами. Мало-по-малу, ихъ силы поддерживаются партіями

турокъ, спѣшащихъ отовсюду на помощь своимъ. Сначала приходятъ 130 человѣкъ и черногорцы удаляются въ башню. Турки переходятъ въ наступленіе, пробуютъ штурмовать башню:—напрасно; ихъ не подпускаютъ и близко. Затѣмъ, спустя нѣсколько времени, сбѣгается вся Подгорица, со Спахіей, Лекичемъ и кадіей Бибезичемъ во главѣ. Здѣсь же и многіе другіе именитые турки. Всего собирается до 600 подгоричанъ, да до 300 грудянъ. Собравшись въ Жаблякъ уже подъ вечеръ, турецкіе старшины садятся обѣдать и обсудить за обѣдомъ, какъ имъ напасть на башню. Ну, бѣдная чета,—думали защитники башни,—въ тебѣ всего 12 человѣкъ, а противъ тебя цѣлая армія... Врядъ-ли ты удержишь за собой башню... Не суждено-ли скорѣе погибнуть... Но въ такомъ случаѣ нужно какъ можно подороже продать свою жизнь?

Но въ то время, какъ чета думала лишь о томъ, какъ бы продать свою жизнь подороже, счастье неожиданно перешло на ея сторону: съ горъ явилась черногорская помощь изъ Рѣчскаго округа. Юнаками командовали сердарь Филипп и Груица Лоничичъ, которые и раздѣлили свое войско слѣдующимъ образомъ: одну часть себѣ оставили, а другую отдали Вуку Лѣшевичу, для нападенія на городъ съ восточной стороны. Третьей командовалъ попъ Гражданскій. Ему предстояло напасть на городъ съ сѣверной стороны и поддерживать атаку Вука Лѣшевича. Диспозиція была выполнена въ совершенствѣ. Черногорцы со всѣхъ сторонъ ворвались въ городъ, но съ страшными усиліями. Такой отчаянной рѣзни не запомнятъ черногорскія преданія. Всѣ отдѣльные крики тонули въ страшномъ ружейномъ гулѣ и общемъ гвалтѣ сражавшихся. Въ общей сумятицѣ не было видно кто погибаетъ и кто губитъ другого. Борьба шла по улицамъ, пока турки не заперлись въ цитадели... Начался штурмъ... Первый вошелъ на нее Вукъ Лѣшевичъ... Вслѣдъ за нимъ другіе... Цитадель была уже взята, какъ къ воюющимъ сторонамъ подоспѣли подкрѣпленія:

къ туркамъ въ количествѣ 3.000 албанцевъ, а къ черногорцамъ племена цеклинское и люботинское, извѣстныя своими подвигами, потомъ доберляни и граждани, одни изъ самыхъ удалыхъ племенъ, наконецъ, цетиняне, настоящіе соколы,—послѣдніе подъ предводительствомъ сербскаго орла, сердаря Мартиновича. Не успѣли встрѣтиться эти арміи, изъ которыхъ одна была храбрѣе другой, какъ завязалась борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Но видно самъ Богъ помогъ черногорцамъ. Они загнали турокъ въ дома и башни, заперли тамъ, и начали ихъ обстрѣливать съ цитадели турецкими же пушками. Три дня и три ночи продолжалось обстрѣливанье... Штурмы слѣдовали одинъ за другимъ. Но напрасно. Лишь на четвертый день башня и дворцы Омери Чеханча, Пашовича, Зеновича, Мушиновича, Харапова уступили энергическому нападенію соединившихся племенъ.

Въ дворцахъ найдено было множество серебра и золота, множество оружія и дорогихъ шелковыхъ и суконныхъ тканей, но дорого стоило овладѣть этими сокровищами, дорого стоило побѣдить албанцевъ!

Спустя нѣкоторое время, сдалась цитадель и остальной городъ: они были сожжены. Плѣнные турки получили пощаду. Самъ Якубъ-ага, вмѣстѣ съ его гаремомъ, былъ отправленъ въ Подгорицу: пусть тамъ разсказываетъ, каково воевать съ черногорцами! Черногорцы ограничились тѣмъ, что сняли съ него дорогое оружіе.

Потеря черногорцевъ была также велика. Смерть героя Ивана Мартиновича и Митра Знаменоносца до сихъ поръ не можетъ простить Черногорія. Но, съ другой стороны, пусть гибнутъ счастливцы! Ихъ матери не плачутъ, а радуются. Онѣ увѣрены, что души храбрецовъ пойдутъ въ царство небесное. Они умерли въ бою за честь и свободу, и за вѣру православную. Они отомстили за кровь своихъ соотечественниковъ, погибшихъ отъ руки невѣрныхъ!

Изъ этого историческаго разсказа видно, какую роль играетъ чета въ нашихъ краяхъ. Двѣнадцать отчаянныхъ головъ рѣшаются, на глазахъ цѣлой Турціи, овладѣть почти неприступной крѣпостью, рѣшаются на такую вещь безъ пушекъ, безъ артиллеріи, съ одними ятаганами въ рукахъ и смѣло осуществляютъ свое намѣреніе. Тайкомъ они поднимаются въ цитадель, снимаютъ и обезоруживаютъ часовыхъ, затѣмъ, рискуя поголовнымъ истребленіемъ, защищаются противъ трехтысячной албанской толпы, пока не выручаютъ ихъ соплеменники. И это все единственно въ видахъ отмщенія за гибель нѣсколькихъ кучей. Надо замѣтить, что примѣровъ, когда чета побиваетъ турецкіе отряды,—масса.

Въ настоящее время, между Турціей и Черногоріей установлены демаркаціонныя линіи и подобныя четы или гайдуковане мыслимы только въ военное время. Многіе харамбаши мирно живутъ въ Черногоріи, скорбя о добрыхъ старыхъ временахъ. Они, однако, и теперь пользуются величайшимъ уваженіемъ, особенно такіе, какъ Стоянъ Ковачевичъ, попъ Мило, Пеко Павловичъ, Суло Радива и др., зарѣзавшіе собственноручно не менѣе сорока турокъ.

VIII.

Черногорцы идутъ въ чету съ цѣлью мстить, рѣдко, чтобы отбивать баранту; у турокъ иныя побужденія. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ хорошенькія женщины и дѣвушки. Наконецъ, и самая турецкая чета значительно сильнѣе числомъ черногорской: она напоминаетъ армію... И командуютъ ею не какіе-нибудь бѣдные удальцы, а именитые турецкіе паши. Въ качествѣ иллюстраціи, я приведу довольно интересный историческій фактъ, относящійся къ 1847 году. Главную роль въ немъ игралъ паша Плевальскій.

Кто не читалъ или не слышалъ въ послѣднее время о твердой крѣпости Никшичѣ, для насъ второй Плевнѣ? Подлѣ нея лежитъ широкое ровное и романтичное Никшичское поле, окруженное неприступными скалами, между которыми высится Дурмиторъ, и пересѣкаемое шумными и быстрыми рѣками, которыя какъ будто конфузятся, что текутъ по турецкой землѣ и отъ стыда спѣшатъ скорѣе провалиться въ глубокій Сливальскій оврагъ, и тамъ, отдохнувъ немного, выходятъ болѣе веселыми на черногорскую территорію, подъ высокой горой Навія и проходятъ мимо знаменитаго историческаго монастыря подъ Острогомъ (на великую радость черногорцевъ, крѣпость Никшичъ теперь въ ихъ рукахъ; въ ней развѣвается красное съ бѣлымъ крестомъ знамя).

Да! Нѣтъ и не можетъ быть меньше пространства, на которомъ бы больше легло турецкихъ и черногорскихъ труповъ. Въ продолженіе 450 лѣтъ оно было ареной ожесточенной борьбы, на ней не разъ разрѣшалась судьба маленькой Черногоріи, не разъ оно посѣщалось то черногорскими гайдуками-юнаками, то свирѣпыми турецкими пашами и баши-бузуками.

Герцеговинско-боснійско-албанскіе паши, беги аристократы, наскучивъ домашней жизнью, сбирали дикихъ арнаутовъ и съ ними нападали на Черногорію. Такъ сдѣлалъ и могущественный паша Плевальскій. Онъ, собравъ сильное войско, расположился лагеремъ на Никшичскомъ полѣ, на Широкихъ Барахъ, подъ Риджани.

Со всѣхъ сторонъ пріѣзжали племенные старшины кланяться могучему пашѣ и, въ знакъ покорности, приносили ему «харачъ». Особенно отличилось этимъ племя дробняки и жупа грачаница.

Пришелъ и старшина-князь, изъ Риджанъ, въ богатую, изукрашенную палатку паши, въ которой сидѣлъ турецкій аристократъ, окруженный пестрой свитой, молча курившій наргилъ—эту свѣчку пророка Магомеда. Входя, князь скрестилъ

руки на груди, смиренно преклонившись, поцѣловалъ край шелковой одежды своего повелителя.

Паша принялъ его ласково и, поговоривъ кой о чемъ, перешелъ на слѣдующую тему:

„Да ниси гдѣ гад цгледао
Удовице ал дѣвойке дивне,
Ал невѣсту скоро доведену
А коя би зи ме требовала
Давно самъ се с оджака креную
Вѣрне сам се любе зажелио!“

(Не видалъ-ли ты гдѣ вдовушки или дѣвицы красавицы или новобрачной, которая бы мнѣ пригодилась. Давно я оставилъ родной очагъ и вѣрную любовницу и соскучился).

Князь, въ надеждѣ получить большую награду отъ сластолюбиваго паши, отвѣчалъ ему: «Знаю, свѣтлый паша государь, одну невѣсту красавицу, въ деревнѣ Стубицѣ, въ окрайнѣ черногорской».

„Вѣрна люба Джуровичъ Батрича
Не ма такве ни у гору виле,
За цара бы твого требовала
Ма ѣ мука отети Срикиню
Из крваве куче Никчевича“.

(Вѣрная жена Джуровичъ Батрича, подобной нѣтъ ни въ горскихъ русалкахъ; она и твоему царю пригодилась бы, но трудно похитить сербку изъ кроваваго дома Никчевича).

Паша на эти слова нахмурился, глаза его моментально опустились на землю и, послѣ короткой паузы, онъ сказалъ:

— Ты, князь, не начинай схватокъ и дуалей: неприлично храброй четѣ проливать свою кровь изъ-за женщинъ. Но ты постарайся какъ нибудь хитростью, обманомъ увезти дужу Батричеву. Если ты это исполнишь, я подарю тебѣ десять кесъ золота и изъ-за моего пояса выну два золотые пистолета; кромѣ того, я выхлопочу у султана фирманъ, которымъ и тебя, и

твое потомство съ прочими родственниками освободятъ отъ платежа дани, «харача». Вали била влахъ, клянусь те аллахомъ святцемъ Магомедомъ, кораномъ и рамазаномъ, клянусь тебѣ бородой султана, что не обману тебя.

Риджанскій князь, обрадованный такимъ пріемомъ и обѣщаніями своего повелителя, поцѣловалъ благосклонно поданную ему руку и сказалъ при этомъ:

— Свѣтлый паша, наше солнце. Услужу я вамъ, приведу свою сноху Ружу Батричеву... До свиданія!

Онъ отправился въ Стубицу и, найдя тамъ Ружу одну, обманомъ связалъ ее и привезъ въ подарокъ пашѣ Плевальскому. Тотъ, увидѣвъ ее, крайне обрадовался такому сюрпризу и, обрадованный, очарованный ея красотою, закричалъ въ восторгѣ:

— Бре аферимъ дяюръ, дѣйствительно подобной не имѣетъ и самъ падишахъ въ Стамбулѣ! Ну-ка, Муса ефенди, ступай поскорѣе и дай приказаніе четѣ сдѣлать ружейный и пушечный салютъ, пусть всѣ мои рабы радуются моему счастію. А ты, черногорская красавица, слѣдуй за мной; хорошо тебѣ будетъ: турокъ умѣетъ любить!..

И увелъ ее въ большую палатку, на полу которой валялись богатые персидскіе ковры, пропитанные розовыми духами, которые турки страстно такъ любятъ.

Вдругъ послышались салюты... У паши закипѣла кровь, застучало сердце, разгорѣлись глаза... Закипѣла кровь и у Ружи, загорѣлись тоже глаза и застучало сердце, но не отъ того инстинкта, который завладѣлъ пашой. Съ жадностью звѣря, требующаго удовлетворенія скотскимъ страстямъ, паша накинулся на свою плѣнницу, чтобы поцѣловать ее, но сильная рука отбросила его въ сторону и онъ въ изнеможеніи валялся въ ногахъ гордой черногорки.

Но пока войска радовались, стрѣляли и пили подъ музыку, на противоположной сторонѣ скалъ суетились тридцать пастуховъ, недоумѣвая, съ чего такая радость въ турецкомъ ла-

герѣ. Между ними былъ и Живко Дюрковичъ. «Ужъ не напали-ли турки на Стубицу?»—подумалъ онъ и волнуемый этою мыслью, побѣжалъ къ родному очагу. Но тамъ, увы! онъ нашелъ свой домъ пустымъ и, что еще хуже, не нашелъ своей belle soeur, на которой такъ недавно женился его братъ.... Онъ поблѣднѣлъ и закричалъ:

„Аох мене до Бога милого!
Я не жалим мою пусту кулу,
Него жалим мою снаху младу
Кого менѣ отведоше турци
Веч образи на краину не мам
Корит че ме стиемъ черногорцы!“

(Боже мой, несчастный я! Я не жалѣю свой разграбленный домъ, но мнѣ жаль моей снохи молодой, которую у меня похитили турки. Потерялъ я честь въ крайнѣ, смѣяться надо мной будутъ черногорцы).

— Но помогите же, братцы-пастухи, ради единаго Бога и святого Ивана. Поспѣшимъ догнать турокъ по дорогѣ къ Отоку!

— Пойдемъ, дядя,—сказали ему его два двѣнадцатилѣтніе племянника.

— Нѣтъ! сохрани Боже!.. Пока я живъ, вы со мной не пойдете сегодня, вы молоды еще... Заклинаю васъ: оставайтесь дома!

— Никакимъ образомъ! Мы хотимъ, наша обязанность спасти нашу милую Ружу! Поспѣшимъ, дядя, догнать башибузуковъ.

Когда Живко увидалъ, что съ ними ничего не подѣлать, онъ сказалъ:

— Хорошо я согласенъ, но съ условіемъ подождать меня на берегу рѣки, пока я поползу къ палаткѣ паши. Если мнѣ будетъ нужно, я позову васъ; вы мнѣ поможете.

— Хорошо, согласны... По, крайней мѣрѣ, можно будетъ за тебя отомстить. Но поспѣши!...

— Пойдемъ!—было послѣднее слово Живка и они отправились

по дорогѣ къ Бари, подъ Риджани. Была темная ночь; она помогла сѣльчанамъ приблизиться къ турецкому лагерю. Тамъ они разстались. Живко ползкомъ приблизился къ самой палаткѣ паши. Не узналъ бы, что тамъ Ружа, если бы не слышалъ ея разговора съ пашой. Въ это самое время, паша, обнимая Ружу, обѣщалъ ей дать дворецъ, въ тысячу разъ лучше того, который она имѣла, обѣщалъ одѣть ее въ шелкъ и бархатъ, а для услугъ подарить двѣнадцать рабынь, обѣщалъ сдѣлать ее царицей всего и даже его самого, только согласись, мой ангелъ!.. — дрожащимъ голосомъ, заканчивалъ сластолюбивый паша.

— Нѣтъ! Никогда ты, извергъ, не получишь съ добра моего согласія... Черногорка умѣетъ убивать турка, но не умѣетъ его любить.

Въ эту минуту открылъ палатку Живко и вошелъ въ нее съ ятаганомъ въ рукахъ. Паша побѣднѣлъ, слово замерло у него на губахъ, душа, что называется, въ пятки ушла, при видѣ статнаго, черноусаго съ дикими, полными огня глазами мстителя черногорца, съ обнаженнымъ ятаганомъ въ рукахъ.

— Молчи, турокъ, или убью безъ пощады за первое слово... Вставай и иди, но не губи себя!.. Вставай и ты, моя милая Ружа.

Паша понялъ, какая ждетъ его участь, если онъ закричитъ, и въ надеждѣ золотомъ откупиться изъ плѣна, онъ смиренно слѣдовалъ за Живкомъ и Ружей, направлявшихся къ тому мѣсту, гдѣ обѣщали ихъ ждать племянники. Ихъ, однако, не было: пылкая черногорская натура не могла сдержать себя. Они напали на первый попавшійся турецкій шатеръ и начали схватку.

Слышны были выстрѣлы и шумъ. Что дѣлать? Нужно помочь, а если они погибли, то отомстить за нихъ... думалъ Живко.

— Ружа, дорогая моя, вотъ тебѣ сабля, береги связаннаго пашу и если:

„Ако чуеш да смо погинули
Држи саблю паше Плевальского
Сабљом нашим посѣци главу".

Нар. пѣсня.

(Если услышишь, что мы погибли, то вотъ, держи саблю паши Плевальскаго и отруби ею ему голову).

Живко направился прямо на шумъ и на выстрѣлы и тамъ нашелъ своихъ молодцовъ-племянниковъ, которые уже успѣли убить двухъ турокъ, но подверглись нападенію трехъ башибузуковъ, которые съ дикимъ ревомъ хотѣли умертвить удальцовъ. Однако, Живко двумя ударами спасъ ихъ. Наконецъ, забравъ лошадей и оружіе, какъ добычу, они возвратились невредимыми на берегъ рѣки Граганицы, гдѣ ихъ ждала Ружа и связанный ага.

— Ну, что, наша дорогая невѣстка, что дѣлаетъ твой плѣнникъ, здоровъ-ли онъ? Вставай, паша, пойдемъ въ Стубицу!..—говорилъ Живко. Всѣ встали и пошли. Въ Стубицѣ они застали горюющаго о женѣ Батрича. Увидѣвъ связаннаго агу, онъ хотѣлъ умертвить его, но ему это сдѣлать не позволили, и рѣшили:

„На кад свану и сунце ограну,
Добро паши утврдише руке,
Нань метнуше коньску дрвеницу,
Сведоше га уз полѣ Никшиче.
Вѣжи ядан паша осамарен
Кадѣ пашу войска угледали
Од нега ѣ ибрет учинила
И побѣже главом безъ обзира".

(Когда засіяла заря и показалось солнце, крѣпко пашѣ связали руки и на него положили лошадиное сѣдло изъ дерева, проводили его на край ровнаго Сливля и пустили его по Никшичскому полю. Бѣжитъ несчастный паша осѣдланный. Войско, увидавъ его, подняло на смѣхъ и убѣжало, не оборачиваясь).

IX.

Между турками и черногорцами такъ называемая «малая война» почти не прекращалась. Набѣги, нападенія, угонъ баранты и т. п. слѣдовали одинъ за другимъ непрерывно. Обѣ враждующія стороны изощряли всѣ силы мозга, лишь бы нанести почувствительнѣе уронъ противнику. Единственная возможность избавиться, отдохнуть отъ вѣчно напряженнаго ожиданія непріятельскаго вторженія обусловливалась взаимнымъ согласіемъ сторонъ, иначе — договоромъ, носившимъ названіе «вѣры».

«Вѣра» для черногорца — святыня, драгоцѣнный залогъ чести и правды; зеркало естественной, неиспорченной морали человѣческой. На «вѣрѣ» основана свобода княжества, на «вѣрѣ» держатся отношенія черногорца къ окружающимъ турецкимъ народамъ, вѣра проникаетъ и взаимныя отношенія черногорцевъ. Извѣстно, какъ развита въ Черногоріи страсть къ «кровавой мести». Еврейскій законъ око за око, зубъ за зубъ ничуть не нашелъ лучшаго примѣненія. Но предъ «вѣрою» и «кровная месть» ступшевывается. Если черногорецъ скажетъ убійцѣ его жены, дѣтей, старика-отца, дряхлой матери: «Божа ти вѣра—не сдѣлаю тебѣ ничего»—убійца можетъ совершенно спокойно спать въ домѣ оскорбленнаго, отдавъ ему предварительно свое оружіе. Послѣдняго требуетъ обычай: оскорбившій долженъ показать оскорбленному какъ можно болѣе довѣрія.

Не разъ случалась и такая вещь: убійца, котораго давно ищутъ родственники убитаго, спасаясь отъ какой-нибудь погони, не имѣющей ничего общаго съ прежнимъ преступленіемъ, и добѣжавъ до дому убитаго, кричитъ во весь голосъ: «Отъ Бога ти вѣра: спасите меня!» И что же? Родственники уби-

таго, принимаютъ его въ свой домъ, защищаютъ его до послѣдней крайности отъ преслѣдующихъ, жертвуютъ собственной жизнью, оставляютъ на мѣстѣ схватки иногда десятокъ тѣлъ, и когда, наконецъ, убійца окажется въ полной безопасности, его осторожно выпроваживаютъ съ такимъ заявленіемъ: Теперь «вѣра» кончилась, уходи, да смотри не попадайся. Найдемъ— заплатишь жизнью за кровь нашего отца» (или брата).

«Вѣра» играла выдающуюся роль въ нашей внѣшней и внутренней исторіи. Черногорцы, какъ народъ совершенно патріархальный, вѣчно враждовали между собою. Племена вели систематическую, упорную войну иногда въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, а иногда въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Сколько бывало убитыхъ и раненыхъ изъ-за одного убитаго, сколько было невинныхъ жертвъ изъ-за одного виновнаго, — одному Богу извѣстно! Разъ началась такая «осыта», съ каждымъ годомъ усложняясь и втягивая въ борьбу постороннія племена, ее могла прекратить только «Божа вѣра». Все остальное: деньги, власть черногорскихъ владѣтелей и т. п. оказывалось безсильнымъ предъ разгоряченными страстями. Но разъ заключенъ договоръ не драться въ теченіи нѣсколькихъ дней, мѣсяцевъ, даже лѣтъ, онъ строго соблюдался. «Божа вѣра» особенно часто имѣла мѣсто во время войны съ окружающими народами. Какъ скоро отечество находилось въ опасности, враждующія племена немедленно заключали миръ на все время пограничной войны, враги дрались за одно общее дѣло въ однихъ и тѣхъ же рядахъ, искренно помогая другъ другу. Но разъ непріятель разбитъ, война, такъ или иначе, оканчивается, оканчивается вмѣстѣ съ нею и «вѣра», начинается вновь старая пѣсня, на старый же ладъ. Мѣсто войны занимаетъ не менѣе кровопролитная усобица.

Если же случайно нашелся бы такой человѣкъ или родъ, которые измѣнили бы «вѣрѣ», то ихъ ждетъ всеобщее презрѣ-

ніе. Не только ихъ, а даже ихъ женъ и дѣтей черногорцы будутъ называть «безвѣрниками».

Народъ свято выполняетъ вѣру и по отношенію къ своимъ вѣковѣчнымъ врагамъ-туркамъ, и по отношенію къ другимъ національностямъ, къ которымъ онъ относится дружелюбнѣе. Интересна случайная встрѣча турка и черногорца. Увидавъ другъ друга на разстояніи ружейнаго выстрѣла, они идутъ осторожно впередъ, карауля малѣйшее движеніе противника и готовясь, при малѣйшей удобной случайности, уложить его на мѣстѣ. Когда дистанція, наконецъ, становится опасною, начинаются переговоры. «Даешь-ли «вѣру», чтобы намъ сойтись, карадакъ»? (тур. «черногорецъ»)—кричитъ турокъ. «Даю «вѣру», не бойся меня!»—отвѣчаетъ черногорецъ. Тогда турокъ смѣло подходитъ къ черногорцу и начинается дружелюбный разговоръ. Нерѣдко турокъ оказывается убійцей отца или брата его собесѣдника и черногорецъ говоритъ съ досадой: «Эхъ, жаль, турокъ, что я далъ тебѣ вѣру, да видно дѣлать нечего. На вѣру сошлись, на вѣру и разойдемся. Но впередъ — берегись! Такъ или иначе, а я отомщу за моего отца (или брата)». Нерѣдко бываетъ и такъ: турокъ и черногорецъ, взаимно увидя другъ въ другѣ врага, говорятъ: «Мы дали «вѣру», но не лучше-ли будетъ намъ помѣряться. Станемъ на дистанцію, съ которой мы другъ друга по началу замѣтили, и тогда «вѣрѣ» конецъ». Сказано — сдѣлано. Турокъ, знающій цѣну черногорской «вѣрѣ», безъ всякаго страха и предусмотрительности, уходитъ на извѣстную дистанцію, но, придя къ ея концу, немедленно готовится къ борьбѣ, результатомъ которой бываетъ смерть одного или обоихъ противниковъ.

«Вѣру» можно заключить не только отдѣльнымъ личностямъ, но и цѣлому роду, племени. Тогда черногорцы говорятъ: «Условили емо «вѣру» съ турцима отъ Дюрдева дня— до Митрова дня». Насколько она бываетъ тверда и непоколебима, можетъ уяснить слѣдующій примѣръ: въ началѣ этого

столѣтія Церминская нахія (округъ) дала «вѣру» албанцамъ на четыре мѣсяца, въ продолженіи которыхъ черногорцы оказались вынужденными объявить войну албанцамъ. Несмотря на весь свой патріотизмъ, на родственныя связи съ соплеменниками и на полное желаніе помочь имъ въ войнѣ съ иновѣрными, церминчане не сдѣлали ни одного выстрѣла въ албанцевъ. Но лишь прошелъ срокъ «вѣры», они яростно напали на врага и отплатили имъ за свое вынужденное бездѣйствіе въ теченіе войны.

Такимъ образомъ, если убить турка въ схваткѣ или на поединкѣ считается геройствомъ, то убить во время «вѣры» («на вѣру») считается, наоборотъ, несмываемымъ грѣхомъ и подлостью. Отсюда множество поговорокъ: «безвѣрницы убиша вѣру», «сломише вѣру» и т. п. Есть одинъ историческій фактъ, служащій примѣромъ тому, какъ иногда «ломалась вѣра». Въ 1843 году, колашинскіе турки изъ племени піюковъ измѣнически убили «на вѣру» родственника сердаря Милеты Меденицы изъ Морачи. Милета рѣшилъ отомстить тѣмъ же способомъ. Онъ пригласилъ колашинцевъ «на вѣру» разсчитаться за пролитую кровь, но не пошелъ на свиданіе, а послалъ на него Митра-капитана, а самъ въ засадѣ ожидалъ турокъ.

Турки, не подозрѣвавшіе никакого умысла, явились, не принимая никакихъ предосторожностей. Чтобы окончательно отвлечь ихъ вниманіе, Митръ началъ любезно потчивать ихъ яблоками. Вдругъ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и пошла потѣха. Рѣзня была, очевидно, не въ пользу турокъ, они смѣшались и начали отступать, пока не попали на засаду, устроенную Милетой, здѣсь они потерпѣли новый уронъ. Такъ произошла эта грустная исторія, къ которой черногорцы отнеслись съ справедливымъ презрѣніемъ, и про которую сложилась поговорка, употребляющаяся, если кого нужно упрекнуть въ измѣнѣ: «держать вѣру, како колашинцы и морачани».

Всѣ наши пѣсни переполнены разсказами о томъ, какъ турки, давъ «вѣру» черногорцамъ, не сдержали ее, подобно Хамзѣ-капитану, который въ 1754 году именно такъ обманулъ князя изъ Пиперовъ.

Въ черногорской исторіи трудно найти примѣръ, чтобы отрядъ, племя, родъ или единичный человѣкъ сдавались въ плѣнъ туркамъ. Даже умереть, не отомстивъ за себя, считается позоромъ юнаку. Мать, отправляя своего сына въ бой, только ему и толкуетъ, чтобы онъ не погибалъ, не отомстивъ за себя. Кружокъ черногорцевъ и черногорокъ, получивъ горестное извѣстіе о смерти своего собрата, только о томъ и спрашиваютъ, погибъ-ли онъ, отомстивъ прежде за свою смерть? И если дѣйствительно онъ продалъ свою жизнь дорогой цѣной, всѣ говорятъ хладнокровно: Чтожъ? горевать не о чемъ, онъ и родился для того, чтобы умереть на полѣ сраженія, а не по женски, на кровати. Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что турки тогда лишь могутъ похвастать плѣннымъ черногорцемъ, если онъ измѣннически захваченъ во время «вѣры». Такимъ именно образомъ были схвачены нѣсколько черногорцевъ Чупреничемъ-визиремъ и впослѣдствіи зарѣзаны. Черногорцы отомстили за нихъ въ сраженіяхъ въ Цуцѣ, при селеніи Травино. Во время турецкаго бѣгства, которымъ завершились эти сраженія, черногорцы взяли въ плѣнъ двухъ извѣстнѣйшихъ турецкихъ аристократовъ, братьевъ Ченгичей, и бея Любовича, а съ ними до 170 турокъ. Очень часто случается, что черногорцы, изъ желанія какъ можно злѣе отомстить туркамъ, обмѣниваютъ плѣнныхъ на свиней. Выходитъ комическая вещь: турки, какъ истые магометане, не могутъ смотрѣть на свиней безъ отвращенія, а между тѣмъ, оказываются вынужденными покупать ихъ, кормить и самое главное обмѣнивать на своихъ же собратій. Изъ многихъ фактовъ такого рода я приведу, въ качествѣ примѣра, относящійся къ 1796 году. Черногорцы, разбивъ турокъ въ сраженіи при Терминахъ, взяли въ плѣнъ

триста человѣкъ и за всѣхъ ихъ взяли выкупъ свиньями. Такое жестокое оскорбленіе до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нашими сосѣдями помаками.

Говоря о «вѣрѣ», не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ черногорцевъ, которые, попавъ во время «вѣры» въ турецкій плѣнъ, совершали такія чудеса храбрости, что удивляли ими не только сочувствующую намъ Россію, но и ненавидящую насъ Турцію... Вотъ эпическій разсказъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ:

«Плачутъ горькими слезами трое удалыхъ черногорцевъ — плѣнники скутарскаго визиря. Одинъ изъ нихъ, воевода Лѣшъ, изъ Пиперовъ, другой—Васо Васоевичъ, третій—Вуксанъ Булатовичъ. Плачутъ они не безпричинно: «вѣроломный визирь» схватилъ ихъ «на вѣру» и посадилъ въ холодную и темную тюрьму, гдѣ и сидятъ они до дня св. Иліи: этотъ день для нихъ—день смерти, такъ, по крайней мѣрѣ, убѣждены черногорцы. Вотъ почему одинъ изъ нихъ, воевода Вуксанъ, и обращается къ товарищамъ съ такой рѣчью: «Дорогіе братья мои! Для насъ для всѣхъ ясно, что мы сегодня погибнемъ... Такъ нѣтъ-ли же, побратимы мои, у котораго-нибудь изъ васъ гроша или золотого дуката, чтобы послать на рынокъ за церковнымъ «причастнымъ» виномъ, въ Ильинъ день причаститься и, такимъ образомъ, исполнить христіанскій долгъ... Почему знать, еще не поможетъ-ли намъ Господь, и умремъ мы не прежде, чѣмъ отомстимъ за свою смерть?» Но денегъ ни у кого ни гроша не оказалось; нашелся только у самого Вуксана-воеводы серебряный ятаганъ, который и былъ отправленъ на рынокъ вмѣстѣ съ такимъ предложеніемъ скутарскому купцу: «Богомъ братъ, скутарскій купецъ! Посылаю тебѣ ятаганъ, который стоитъ тридцать червонцевъ. Но мнѣ не нужно тридцати червонцевъ, пришли мнѣ вмѣсто нихъ хорошаго вина и напой троихъ сербскихъ воеводъ». Купецъ согласился, вина прислалъ вдоволь. Сначала имъ «причастились», потомъ вы-

или во славу Божію, а потомъ начали попивать ради удовольствія, въ дружескихъ бесѣдахъ. Между прочимъ, воевода Вуксанъ обратился къ своимъ побратимамъ съ такимъ вопросомъ: которому изъ васъ тяжелѣе покинуть бѣлый свѣтъ? Пиперскій воевода на это отвѣтилъ: «Я недавно построилъ домъ и также недавно женился. Теперь, если я умру, домъ мой останется пустымъ, а жена милая — не цѣлованной и не облюбленной»... Васо Васоевичъ сказалъ: «Я жалѣю лишь моихъ старыхъ родителей: они останутся безъ всякой поддержки.» Самъ Вуксанъ закончилъ общую исповѣдь такими словами: «Побратимы мои! Вы жалѣете домъ, да жену, да старыхъ родителей, а я жалѣю только о томъ, что мы всѣ трое погибнемъ, не отомстивъ за нашу смерть».

«Не успѣли прозвучать эти слова, какъ послышался голосъ джелата: «Эй! кто между вами пиперскій воевода? Пусть выходитъ: жена выкупила его у скутарскаго визиря». Обрадовался пиперскій воевода и вышелъ, но лишь перешагнулъ порогъ, какъ джелатъ однимъ ударомъ отрубилъ ему голову. Тогда вновь послышался голосъ джелата: «Кто изъ васъ воевода Васо, пусть выходитъ и отправляется домой: его выкупили родители». Васо вышелъ и былъ такъ же убитъ, какъ и его товарищъ, воевода изъ Пиперовъ. Настала очередь Вуксана. «Выходи, воевода Вуксанъ», кричалъ джелатъ, «тебя выкупило у визиря рабское племя!» Вуксанъ вышелъ, но, увидя джелата, сказалъ ему: «Богомъ братъ, турецкій джелатъ, на мнѣ оклопъ серебрянный, позолоченный, сними его съ меня, иначе золото потускнѣетъ отъ горячей крови». Джелатъ развязалъ руки Вуксана и началъ снимать драгоцѣнность. Вуксанъ, между тѣмъ, выждавъ минуту, такъ сильно ударилъ джелата ногой, что тотъ упалъ, и, выхвативъ у упавшаго ятаганъ, перерубилъ трехъ джелатовъ. Еще минуту и онъ былъ на улицѣ, среди вооруженныхъ албанцевъ. «Слава и благодареніе Господу», восклицаетъ эпическая пѣсня, «за тѣ чудеса,

какія дѣлаетъ ятаганъ воеводы Вуксана! Онъ рѣжетъ вправо и влѣво перепуганныхъ турокъ, очищая герою дорогу, оставляя за нимъ окровавленный путь!» Такъ успѣлъ Вуксанъ добѣжать до моста черезъ рѣку Бояну, но увы! Здѣсь онъ встрѣтилъ Оджу и Кадію съ тридцатью турками, преграждавшихъ дорогу. Скутарскій Кадія крикнулъ ему: «Не ходи сюда, воевода Вуксанъ, здѣсь не найдешь ты спасенія!» Отвѣчалъ ему на это Вуксанъ: «Если тамъ не найду я спасенія, то навѣрно не найду его и позади себя». «Впрочемъ, подожди меня Оджа и Кадія, добавилъ онъ, ты, по крайней мѣрѣ, увидишь, какъ умѣютъ умирать черногорцы». И, бросившись съ этими словами на турокъ, въ одно мгновеніе отрубилъ голову и Оджѣ, и Кадіи. Другіе турки, чтобы не попасть подъ ятаганъ Вуксана, искали спасенія въ волнахъ Бояны... Темная ночь прикрыла бѣжавшаго воеводу, онъ успѣлъ скрыться въ горѣ Румія, оттуда добрался до Цермницы, а уже изъ Цермницы возвратился въ свое родное племя ровцы, черезъ Чево. По дорогѣ онъ побратался съ воеводой Джуканомъ».

Этотъ историческій фактъ достаточно характеризуетъ храбрость черногорца. Надо замѣтить, что такихъ фактовъ тысячи. Недаромъ одинъ извѣстный путешественникъ, ознакомившись съ нашей исторіей, воскликнулъ: «Какъ жаль, что черногорцы принадлежатъ къ славянской расѣ! Будь они германской или романской, ихъ родина была бы усѣяна монументами героямъ вродѣ швейцарскаго Телля и др.» Но, за отсутствіемъ монументовъ, черногорцы довольны и тѣмъ, что пользуются прозвищемъ и репутаціей «Славянской Спарты».

Разсказавъ историческій фактъ, какъ воевода Вуксанъ спасъ себѣ жизнь своей личной храбростью, я не считаю себя вправѣ обойти воспоминаніемъ и храбрую смерть Ивана Николича, изъ деревни Цеклинья (1772 года). Разсказъ о ней, долгое время передававшійся изъ устъ въ уста, считается достовѣрнымъ въ слѣдующей его редакціи:

«Небольшая чета, человѣкъ, приблизительно, въ тридцать, собралась тамъ, гдѣ не разъ собиралась изъ залитого кровью Спужа. Ею командуютъ харамбаша, бей Зотовичъ, и бей Джаковичъ. Чета, пройдя Джемовское поле, пришла въ село Поноре, во дворецъ Вука Шикмановича. Вукъ принялъ ихъ любезно, накормилъ и напоилъ. Послѣ обѣда турки начали разсуждать куда имъ всей четой направиться? Бей Зотовичъ просилъ совѣта у Вука Шикмановича, такъ какъ туркамъ предстояли три дороги: къ Церничскому виру, къ Наратскому лугу и на баранту Перишича. Отвѣчалъ ему Вукъ: «Нѣтъ, побратимъ, не слѣдуетъ идти ни къ одному изъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, въ каждомъ изъ нихъ опасность велика, въ каждомъ изъ нихъ насъ замѣтятъ и разобьютъ черногорцы. Лучше всего пойдти въ Крстцы; тамъ, сѣвъ въ засаду, мы будемъ поджидать черногорцевъ».

«Чета его послушалась. На лодкахъ она поѣхала по Скутарскому озеру, добралась благополучно до Керстова, въ Керстовѣ засѣла въ засаду. Времени прошло порядочно, но никто не показывается. Турки уже начали сердиться, какъ, вдругъ, на утро плыветъ молодой черногорецъ на лодочкѣ и, по собственной неосторожности, въѣзжаетъ прямо туда, гдѣ сидѣла засада турецкая.

«Увидавъ свою ошибку, молодой юнакъ уже взялся за пистолетъ и ятаганъ, чтобы броситься на турокъ и, по крайней мѣрѣ, продать подороже свою жизнь, но Вукъ Шикмановичъ закричалъ ему въ эту минуту: «Не бойся, молодой черногорецъ, пока я живъ тебѣ не сдѣлаютъ ничего дурного!». Мы уже говорили, какую обязательную силу имѣетъ «вѣра» для черногорца; мудрено-ли, что онъ и на этотъ разъ повѣрилъ ей. Онъ спокойно вошелъ въ турецкую лодку, но, изъ инстинктивнаго недовѣрія къ туркамъ, спряталъ въ свою одежду ятаганъ.

«Только что онъ вошелъ въ лодку, вѣроломные турки, обе-

зоружинъ его, начали допрашивать, какъ зовутъ молодого черногорца и какого онъ рода-племени? «Зовутъ меня, отвѣчалъ онъ, Иваномъ Николичемъ, а родомъ я изъ Цеклина, изъ храбраго племени стругарей. Мнѣ ясно, что погибель моя неминуча, скажите же мнѣ, нѣтъ-ли между вами, турками, бея Зотовича, онъ бы меня спасъ, такъ какъ наши предки были въ дружескихъ отношеніяхъ?

«Бей Джаковичъ, выслушавъ это, разгнѣвался и Ивана такъ ударилъ по лицу, что кровь хлынула ручьемъ. И сказалъ тогда бей Джаковичъ: «Нѣтъ здѣсь, незаконнорожденное дитя Черногоріи, бея Зотовича, а есть здѣсь бей Джаковичъ, и не хуже онъ и не трусливѣе бея Зотовича». Молодой Иванъ такъ отвѣтилъ ему: «Несчастное ты твореніе, извергъ турецкій, зачѣмъ бьешь меня рукой, какъ женщинъ бьютъ? Меня мать родимая не ударила съ тѣхъ поръ, какъ мужскимъ поясомъ опоясала?» И, схвативъ ятаганъ, скрытый подъ платьемъ, съ такой силой воткнулъ его въ горло вѣроломнаго турка, что впослѣдствіи самъ не могъ вынуть его никоимъ образомъ. И это было очень хорошо для турокъ: иначе не одинъ изъ нихъ поплатился бы жизнью за измѣну «вѣрѣ». Заколовъ турка, молодой черногорецъ прыгнулъ изъ лодки въ воду и могъ бы спастись, не приди къ нему идея утопить всѣхъ турокъ, находившихся въ лодкѣ. Ухватившись руками за бортъ, онъ употреблялъ всѣ усилія перевернуть ее вверхъ дномъ. Къ несчастію, Вукъ Шикмановичъ, подвергавшійся наравнѣ съ другими опасности взять ванну въ чистыхъ, но холодныхъ черногорскихъ водахъ, ударомъ ятагана обрубилъ пальцы Ивану, а турецкіе выстрѣлы докончили жизнь молодого удальца.

«Раненный харамбаша Джаковичъ бей, съ ятаганомъ въ горлѣ, былъ отнесенъ въ Жаблякъ. Ятаганъ былъ вынутъ, но турецкая собака издохла во время этой операціи. Богъ да проститъ душу Ивана Николича!» — оканчиваетъ свой эпическій разсказъ черногорская пѣсня.

Какъ храбръ черногорецъ въ одиночномъ бою, такъ несомнѣнно его мужество и въ общемъ сраженіи, въ открытой войнѣ. Примѣромъ этому служатъ его войны съ французами, австрійцами, венеціанцами, турками и албанцами. Ихъ завѣтный ятаганъ далъ имъ имя храбрѣйшихъ воиновъ въ мірѣ, ихъ пятивѣковая борьба за свободу и православную вѣру дала имъ названіе мортировъ (мучениковъ) свободы, ихъ побѣды—непобѣдимыхъ, ихъ исчезающія въ облакахъ горы и скалы—неприступныхъ.

X.

Оригинальна организація черногорскаго народа, а войска—особенно. Европейцу покажется она странной и невѣроятной. Мнѣ лично самому приходилось не разъ отъ души разсмѣяться, когда попадались мнѣ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ извѣстія подобнаго рода: «Князь черногорскій объявилъ второй (или третій) призывъ новобранцевъ подъ знамена. Или: черногорскій князь приказалъ такимъ-то корпусамъ и дивизіямъ двинуться къ такому пункту»... etc.

Дѣло въ томъ, что въ Черногоріи нѣтъ войска въ европейскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ т.-е. регулярнаго войска, въ извѣстные сроки пополняющагося призывами новобранцевъ. Войско тамъ—всѣ черногорцы, не исключая и женщинъ. Возрастъ не играетъ никакой особенной роли: въ рядахъ черногорскихъ можно встрѣтить и столѣтняго старика, и десятилѣтняго мальчика... Можно встрѣтить и двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку и восьмидесятилѣтнюю старушку, храбро таскающихъ на спинѣ провіантъ подъ ружейными выстрѣлами. Въ бою вы увидите и богатаго и бѣднаго, рядомъ защищающихъ одно общее дѣло. Короче сказать: Черногорія одинъ огромный «военный лагерь», откуда дѣлаютъ и энергическіе набѣги на окружающія богатыя поля, нѣкогда принадлежавшія черногорцамъ,

и защищаютъ собственныя, почти неприступныя позиціи. Но какимъ же образомъ безъ обязательной военной службы, безъ дисциплины и т. п. ухитрились черногорцы такъ удачно отстоять свое отечество отъ налетавшихъ на него всяческихъ бурь?—задаютъ себѣ вопросъ европейцы, интересующіеся судьбами маленькаго княжества. На этотъ вопросъ отчасти можно отвѣтить описаніемъ политическаго устройства Черногоріи.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что въ Черногоріи нѣтъ сословій. И законъ первыхъ черногорскихъ владѣтелей—Черноевичей, и потомъ законъ князя Данилы, оба категорически утверждаютъ, что всѣ черногорцы одинаково свободны и равны между собой. Но, въ послѣднее время, когда власть митрополита перестала существовать, замѣнившись княжескимъ началомъ, изъ общей массы полноправныхъ гражданъ начали постепенно выдѣляться нѣкоторыя фамиліи, отчасти благодаря родственнымъ отношеніямъ съ княземъ, отчасти благодаря богатству (напримѣръ, фамилія Вербицей Матиновичей etc.). Надо замѣтить, что эти фамиліи, по мнѣнію черногорскаго народа, не принадлежатъ къ числу храбрѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ, а къ числу посредственныхъ, не играющихъ роли до послѣдняго времени.

Что черногорцы уважаютъ ровенство, свободу и братство, въ этомъ всѣ согласны и сомнѣній никакихъ быть не можетъ. Мало того: исторія черногорская свидѣтельствуетъ, что иначе и быть не могло: такъ сложились условія черногорской исторической жизни. Уже одинъ тотъ фактъ, что всѣмъ черногорцамъ приходилось одинаково драться и умирать за свободу отечества могъ служить основой для такихъ идеальныхъ для европейца и вполнѣ естественныхъ, привычныхъ для черногорца отношеній. Затѣмъ, въ Черногоріи никогда не бывало такихъ особенно выдѣляющихся изъ массы личностей,

которыя самостоятельно бы принесли выдающуюся пользу отечеству, сдѣлали бы собственными силами особенную ему услугу и этимъ подчинили бы себѣ другихъ; никогда не бывало такихъ, положимъ, сановниковъ, которые, благодаря личному уму и талантамъ, заняли бы видное мѣсто, не въ примѣръ прочимъ. Нѣтъ, если у насъ и существуютъ такія видныя мѣста, то они занимаются извѣстными родами и отъ одного члена рода переходятъ къ другому, какъ обыкновенное наслѣдство. Притомъ сфера черногорскихъ властей была крайне ограничена; начальникъ одного рода не имѣлъ никакой власти надъ другимъ родомъ, что становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что родъ ни что иное, какъ близкіе родственники, связанные одной фамиліей, гордящіеся одними предками, живущіе однѣми и тѣми же исконными традиціями. Родъ иногда насчитываетъ у себя до нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ.

Вся Черногорія дѣлится на «нахіи» (округа), «нахіи» — на «племена», «племена» — на «роды», «роды» — на «семейства». «семейства» — на «дома». Коренными черногорскими нахіями считаются тѣ, которыя принадлежали княжеству со дня его образованія, т.-е. Катунская, Рѣчская, Лѣшанская и Церницкая нихіи. Какъ дѣлятся онѣ на племена, для примѣра можно взять Катунскую. Всего у нея племенъ девять (9); во 1-хъ) цетиняни; во 2-хъ) нѣгуши; въ 3-хъ) цекличи; въ 4-хъ) бѣлице; въ 5-хъ) цуци; въ 6-хъ) озриничи; въ 7-хъ) пѣшивцы; въ 8-хъ) комани; въ 9-хъ загарчане. Племя цетиняни въ свою очередь дѣлится на восемь (8) родовъ: 1) балцы; 2) хумцы; 3) владиславичи; 4) иванишевичи; 5) ябучаны; 6) бѣлоши; 7) огиничи; 8) угничи. Родъ балцевъ дѣлится на нѣсколько домовъ Мартиновичей.

Большинство племенъ имѣетъ своего старшину, иначе воеводу или сердаря. Занятіе этой должности обусловливается правами наслѣдства и старшинствомъ въ родѣ. Но если претендентъ не будетъ имѣть необходимыхъ достоинствъ, а даже.

напротивъ, извѣстенъ какими-либо недостатками, напримѣръ, трусостью—этимъ величайшимъ, по мнѣнію черногорцевъ, порокомъ, то родъ имѣетъ право замѣнить его слѣдующимъ: старшаго брата—младшимъ или близкимъ родственникомъ. Власть сердаря, или воеводы даже не можетъ быть названа властью: она не имѣетъ отличительнаго признака власти, принудительной силы и самъ сердарь просто старшій между равными. Его значеніе—значеніе умнаго и испытанно храбраго человѣка, роль совѣщательная, въ правительственномъ черногорскомъ совѣтѣ. На войнѣ онъ предводитель племени, но обязанъ при каждомъ важномъ моментѣ, напримѣръ, при составленіи плана кампаніи или атаки, совѣтоваться съ прочими сердарями. Жалованья до послѣдняго времени они не получали, вслѣдствіе чего въ домашней жизни мало чѣмъ отличались отъ другихъ черногорцевъ, развѣ только богатствомъ оружія.

Кромѣ воеводы или сердаря, въ каждомъ племени есть еще «капитанъ», въ мирное время и при наличности сердаря занимавшій должность судьи, а въ военное и при отсутствіи или неимѣніи сердаря—и должность военачальника.

Затѣмъ одна изъ почетнѣйшихъ должностей—это должность «знаменоносца». Она переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну и отъ сына къ внуку. Человѣкъ, занимающій эту должность, обязанъ быть храбрецомъ изъ храбрецовъ, уже потому, что во время боя подвергается ежеминутно самой страшной опасности. По уставамъ черногорской тактики, онъ во время боя долженъ идти первымъ, его личное удальство служитъ какъ бы мѣркою боевыхъ качествъ цѣлаго племени. Чей знаменоносецъ впереди, ближе къ турецкому центру, то и племя храбрѣе и воинственнѣе. Интересно смотрѣть, какъ соперничаютъ одинъ съ другимъ знаменоносцы, но жаль видѣть, какъ они падаютъ, точно мухи. Турки первымъ дѣломъ стараются укокошить знаменоносца. Не рѣдко случается, что разъ убитъ знаменоносецъ отецъ, знамя беретъ старшій сынъ,

убьютъ старшаго сына, знамя поступаетъ къ младшему, съ которымъ происходитъ таже печальная исторія, затѣмъ, чередуются остальные сыновья, пока не останется самый младшій изъ братьевъ, иногда двухлѣтній мальчикъ, который, конечно, не въ состояніи нести знамя, и тогда его беретъ мать и рискуетъ жизнью, чтобы только сохранить званіе знаменоносца своему сыну. Знамя плетеное, батальонное теперь красное съ бѣлымъ крестомъ посрединѣ. А правительственное княжеское знамя («алай барякъ»), носимое «алай баряктаромъ», обыкновенно родственникомъ князя, состоитъ изъ куска желтой шелковой матеріи, на которой изображенъ двуглавый орелъ, а у него на груди—левъ. Это гербъ царствующихъ сербскихъ государей; левъ перешелъ сюда изъ герба удѣльнаго княжества земскаго, наслѣдниками котораго считаются черногорцы.

Затѣмъ, въ Черногоріи существуетъ еще должность «перяниковъ», напоминающая, характеромъ своей дѣятельности, русскій корпусъ жандармовъ,—съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что перяники у насъ пользуются большимъ почетомъ и избираются изъ храбрѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ фамилій. Правда, въ настоящее время, они не таковы, какими были во время владѣнія Черногоріей митрополита Петра II. Ихъ тогда насчитывалось до сорока чѣловѣкъ и всѣ они были отчаяннѣйшими, храбрѣйшими и честнѣйшими черногорцами. На ихъ обязанностяхъ лежало ловить убійцъ, во время войны занимать отвѣтственныя мѣста, во время усобицъ усмирять бунтующихъ. Первую и послѣднюю должности выполнять было не легко и всегда соединялось съ значительной опасностью для самихъ перяниковъ. При родовомъ и племенномъ устройствѣ государства, каждый родъ и каждое племя защищало до послѣдней крайности своего преступнаго члена и уступало его государю только съ боя; задача перяниковъ въ этомъ случаѣ усложнялась еще безсиліемъ тогдашней княжеской власти, существовавшей почти номинально. Къ особѣ владѣтеля черногорцы относились

не со страхомъ, а съ уваженіемъ, и то потому, что она была въ санѣ митрополита и казалась священной. Но съ водвореніемъ мірской княжеской власти, непокорность исчезла; черногорцы, по отношенію къ князю, сдѣлались ягнятами. Главной причиной такого страннаго явленія была непомѣрная жестокость энергичнаго, храбраго, но и черезчуръ свирѣпаго князя Даниды и, затѣмъ, его брата Мирка: они пустили въ ходъ всѣ законныя и незаконныя средства, чтобы только утвердить свой родъ на престолѣ княжескомъ.

XI.

Интересно хотя бы вкратцѣ прослѣдить, какъ живали наши предки встарину, а особенно князья и митрополиты. Сначала, т. е. съ 1516-го года, когда послѣдній князь черногорскій, Юрій Черноевичъ, отказался отъ престола и уѣхалъ на жительство въ Венецію, оставивъ власть въ рукахъ митрополита Вавилы, съ этого времени и по 1697-й годъ митрополиты избирались изъ разныхъ родовъ, но съ 1697-го года идетъ рядъ митрополитовъ изъ дома нынѣ владѣющаго Черногоріей князя Николая Петровича Нѣгуша. Переходя отъ дяди къ племяннику, митрополичій санъ держался за владѣтелями черногорскими до 1852-года, когда Его Величеству, Императору Всероссійскому было угодно пожаловать молодому Данилѣ титулъ «князя Черногорскаго».

Дворецъ митрополитовъ въ это время былъ старый и неуютный: Цетиньскій монастырь, онъ же и митрополичій дворецъ, болѣе похожъ на цитадель, чѣмъ на резиденцію владѣтельнаго князя. Внѣшняя и внутренняя отдѣлка дворца свидѣтельствовала о скромности митрополичьихъ вкусовъ; о роскошной мебели не было и помина. Бѣдное подаяніе черногорскаго и русскаго народа, едва доходившее до 2000 рублей, замѣняло содержаніе митрополиту и его двору. Да и оно не однажды употреблялось, въ трудныя времена для Черногоріи, на

покупку пороха. Тогда митрополиту приходилось кормиться подарками изъ барановъ и другой скотины.

Сюда-то, въ Цетиньскій монастырь, вкругъ святого владыки, какъ называли его черногорцы, сбирались старшины родовъ и племенъ, на совѣщанія о томъ, какъ защитить вѣчно находящуюся въ опасности свою родину и какъ успокоить вѣчно враждующія племена изъ за кровной мести. Не пышная, роскошно убранная зала конференціи, съ зеленымъ столомъ, чернильницей и предсѣдательскимъ звонкомъ по срединѣ ждала дикихъ депутатовъ примитивнаго народа, а дымная кухня нижняго этажа или, въ зимніе вечера, пылающій костеръ и неизбѣжная трубочка. Здѣсь собирались черногорскіе вожди, съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ и ружьемъ, «джефердаремъ», за спиной; за вольтеровскія кресла отвѣчала «торбица», мѣшокъ, наполненный провизіей дней на пять приблизительно. Скрестя, по восточному, ноги, они, эти угрюмые, сосредоточенные юнаки, обсуждали способы веденія войны, планы кампаніи, задумывались надъ дипломатическими запросами европейскихъ кабинетовъ и, сбитые съ толку множествомъ дипломатическихъ уловокъ, ничего въ нихъ не понимая, ни до чего не додумавшись, не безъ комическаго отчаянія предоставляли традиціонному ятагану разрѣшить этотъ Гордіевъ узелъ. А затѣмъ, спустя какой нибудь мѣсяцъ, черногорскіе «главари» искупали жизнью, на полѣ битвъ, свое непониманіе дипломатическихъ увертокъ и страстную привязанность къ своей суровой, скалистой Черногоріи.

Черногорскіе митрополиты обыкновенно немногимъ выдѣлялись изъ массы простого народа. Какъ они, такъ и «попы» нигдѣ не оканчивали курса уже потому, что всѣ учебныя заведенія, существующія теперь въ Черногоріи, дѣло нашихъ дней, самаго послѣдняго времени. Писали они не перьями и чернилами, а собственнаго издѣлія палочками и разведеннымъ въ водѣ порохомъ, на листахъ толстѣйшей бумаги, которую они разными способами добывали изъ Австріи. Какъ скоро листъ былъ

окончен, онъ не бросался, какъ нѣчто никуда не пригодное. наоборотъ: его тщательно вымывали, сушили на солнцѣ и продолжали писать, какъ на новомъ. Читать учились по требнику и псалтири, при чемъ въ чтеніи по собственной книгѣ достигали нѣкоторой виртуозности, но въ чужой, мало знакомой — это и теперь можно всегда испытать — съ грѣхомъ пополамъ разбирали буквы. Церковныя службы, отдолбленныя на память, правились на распѣвъ, какимъ-то своего рода речитативомъ, напоминавшимъ передачу эпической пѣсни.

Священническій санъ пользуется большимъ почетомъ въ Черногоріи быть можетъ потому, что и самъ владѣтель былъ духовная особа. Онъ переходилъ отъ отца къ сыну, по наслѣдству. Самыя лучшія черногорскія фамиліи имѣли каждая по нѣсколько членовъ въ священническомъ санѣ. Это очень понятно при той свободѣ, которая соединена въ Черногоріи съ священническимъ саномъ. «Попъ» не подлежитъ тѣмъ стѣсненіямъ, которыя стали закономъ для духовенства въ Россіи. Ни образомъ жизни, ни костюмомъ онъ не отличается отъ своихъ земляковъ. А между тѣмъ, вліяніе его на массу очень велико. Во время войны и на общественныхъ сходкахъ ему принадлежитъ выдающаяся роль. Проклятіе митрополита, къ которому онъ прибѣгалъ, какъ къ средству усмиренія непокорныхъ, враждующихъ племенъ, всегда успѣвало во время остановить разбушевавшіяся страсти.

Черногорская исторія справедливо гордится подвигами своихъ «поповъ» и митрополитовъ, которые, съ мечомъ въ правой рукѣ и съ ятаганомъ въ лѣвой, вели юнаковъ къ боевой славѣ. Митрополиты, какъ и попы, вѣчно носятъ оружіе. Даже въ церкви, при отправленіи службъ и совершеніи обрядовъ, они вооружены, въ виду неожиданнаго турецкаго нападенія или изъ боязни «кровной мести».

Попъ могъ занимать высшія военныя должности, могъ быть воеводой, сердаремъ, полководцемъ и даже судьей. И въ на-

стоящее время, когда цивилизація нѣсколько проникла къ Черногорію, мы видимъ, что попы занимаютъ высшіе государственные посты. Такъ, напримѣръ, военный министръ, Илья Пламенацъ — попъ, полководецъ Богданъ Зимоничъ—попъ, герой Мило — попъ и т. д. Наши пѣсни переполнены разсказами о подвигахъ поповъ. Неоднократно они, имѣя девизомъ «вѣру православную и свободу отечества», спасали отечество, или, покоренные турками, по собственной иниціативѣ, сбрасывали несносное иго. Вотъ какъ разсказываетъ исторія о сраженіи при Чурилицѣ, въ 1792 году.

Турецкія власти, и прежде всѣхъ визирь Бушатлія, узнали, что богатый и многолюдный округъ Бѣлопавличей, подстрекаемый попомъ Бошковичемъ, отправилъ депутатовъ къ владыкѣ черногорскому, чрезъ которыхъ и предложилъ ему начать войну за свободу и вѣру православную противъ мусульманъ, съ цѣлью освободиться отъ тяжелаго ига мусульманскаго. Владыка принялъ ихъ радушно и, несмотря на всѣ угрозы визиря, обѣщалъ имъ свою помощь. Возстаніе началось. Бѣлопавличи рѣшились или добиться присоединенія къ Черногоріи, или погибнуть до единаго. Попы, и во главѣ ихъ Бошковичъ, руководили движеніемъ. Въ то время, какъ Бѣлопавличи осадили крѣпость Спужъ, къ осажденнымъ подоспѣла турецкая помощь, состоявшая изъ двѣнадцати тысячъ храбрыхъ воиновъ, подъ командой Джона-Марка и Хота-Хасана, которымъ визирь далъ приказаніе внести огонь и мечь въ округъ Бѣлопавличей, старшинъ привести къ нему связанными въ Скутари, хорошенькихъ дѣвушекъ и женщинъ также, жителей обезоружить и дать имъ сохи и воловъ, чтобы занимались земледѣліемъ и исправно платили подати султану.

Турецкій отрядъ занялъ и сжегъ Чурилицы. Жители были захвачены въ плѣнъ. Увидя это, попъ Бошковичъ закричалъ: «Бѣлопавличи! Что съ вами, несчастные? Развѣ вы не видите, что турки заняли Чурилицы и приближаются къ церкви св.

Феклы?» Но церковь и безъ того защищаетъ храбрый попъ Роде; онъ, запершись въ ней, рѣшился кое съ кѣмъ изъ пріятелей или погибнуть, или не дать во власть магометанамъ христіанское святилище. Борьба продолжалась долго; горсть героевъ дралась противъ цѣлой арміи, но побѣда, видимо, склонялась на сторону турокъ. Къ счастью Бѣлопавличей, и къ нимъ явилась многочисленная помощь, которая дружно напала на турокъ и обратила ихъ въ бѣгство. Разбитый отрядъ вернулся въ Скутари къ визирю, принеся ему въ подарокъ, вмѣсто черногорскихъ дѣвушекъ, массу собственныхъ труповъ. Свобода прочно укрѣпилась за Бѣлопавличскимъ округомъ.

Кромѣ бѣлаго духовенства, въ Черногоріи существуетъ и черное, такъ называемые «калу-дѣры». Несмотря на множество монастырей, монаховъ изъ природныхъ черногорцевъ очень немного въ Черногоріи: они, большей частью, иностранцы. Затворническая жизнь, исключающая семью, не позволяющая носить живописнаго національнаго костюма, такъ какъ монахи носятъ рясы и камилавки, не нравится. Тѣмъ не менѣе, они относятся къ монашествующимъ съ величайшимъ уваженіемъ, при встрѣчахъ съ ними почтительно снимаютъ шапки и цѣлуютъ руку со словами: «благослови, оче». Во время войны, затворническая жизнь не обязательна для черногорскихъ монаховъ; ихъ нерѣдко можно видѣть въ бою съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ: борода тогда у нихъ закрыта бѣлымъ платкомъ. Вотъ, что говоритъ народная пѣсня объ острожскомъ игуменѣ Юріѣ:

«Развѣ это монахъ изъ Острога? На него и посмотрѣть-то пріятно... Верхомъ гоняетъ на бойкомъ конѣ, за поясомъ два пистолета, а за спиной «убойное» ружье... Припоясалъ онъ длинную саблю, волчьей шкурой закутанную», и т. д.

Не рѣдко случалось, что монахи командовали отрядами войска. Такъ, въ 1821 году, турки напали на округъ Морачу, но осажденнымъ пришло на помощь племя бердяни съ

храбрымъ острожскимъ игуменомъ во главѣ, который, сдѣлавъ нападеніе, разбилъ на голову турецкій отрядъ. Одна часть его была перерѣзана, другая утонула въ Моравѣ.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ историческомъ лицѣ: храбромъ игуменѣ Стефанѣ изъ Пиперской Геліи, который игралъ видную роль при нападеніи Махмута-паши (въ 1792 году) на Пиперы.

Какъ мы говорили уже ранѣе, черногорцы очен. религіозный народъ, но безъ фанатическаго оттѣнка въ характерѣ. Догматы православной религіи имъ неизвѣстны. До послѣдняго десятилѣтія рѣдко можно было встрѣтить знающаго «Отче нашъ» или какую-нибудь другую молитву. Несмотря на это, они очень набожны, хотя и молятся своими словами, почитаютъ святыхъ, соблюдаютъ посты и т. д. Среди черногорцевъ вы никогда не замѣтите кощунственнаго отношенія къ святымъ или религіи, какъ это нерѣдко бываетъ у другихъ юго-славянскихъ народовъ. Иностранца, который осмѣлился сказать что-либо невыгодное для христіанской вѣры, ждетъ, безъ дальнихъ разговоровъ, или пуля или ударъ ятаганомъ. Вообще, насмѣшки, а тѣмъ болѣе руготня, не въ ходу въ Черногоріи, такъ какъ малѣйшее оскорбленіе смывается кровью. Наиболѣе уважаемые святители тѣ, которые по рожденію принадлежатъ къ черногорскому племени, напримѣръ, св. Петръ Цетиньскій, св. Василій Острожскій, св. Арсеній Церничскій; ихъ имена часто употребляются при торжественныхъ присягахъ, а также и при обыденныхъ случаяхъ жизни. Черногорецъ не примется ни за какое дѣло, не сказавъ предварительно: «Помоги Боже и св. Петре!» Или: «Да Богъ да, и среча (счастье) юначка» (молодецкое). Точно также вошло въ обыкновеніе въ народѣ употреблять кстати и некстати такія выраженія: «Бога мы», «Вога ты» (ей-Богу, клянусь Богомъ).

Кажется, нѣтъ другой націи въ мірѣ, у которой было бы больше церквей. Каждая деревня, каждое село имѣетъ по

церкви, которыя обыкновенно строятся внѣ деревни и окружаются кладбищами. Архитектура и живопись примитивныя. Стѣны дѣлаются изъ тесанаго камня, крыши кроются черепахой. Внутренняя отдѣлка бѣдна до крайности. Книгъ и церковной утвари очень мало, кромѣ тѣхъ церквей, которыя получили пожертвованія изъ Россіи. Не мудрено, поэтому, что сложилась поговорка: «Дание было Русіе, не было керста от три перста». Немудрено также и то, что до вступленія на престолъ князя Данилы I вспоминали въ церквяхъ царствующаго русскаго царя. Черногорцы также любятъ пожертвовать передъ смертью что-нибудь въ церковь, а въ праздники приносить восковыя свѣчи, хотя бываютъ сами далеко не каждый праздникъ. Тѣмъ не менѣе, доходъ поповъ и монаховъ очень незначителенъ, благодаря общей бѣдности народа. Изъ монастырей, сколько-нибудь выдѣляющихся богатствомъ, можно насчитать восемь; лучше другихъ: Цетиньскій, Острожскій и Морачскій. Послѣдній гордится красотой и древностью своей церкви, построенной сербскими царями изъ рода Немановичей, въ 1250 году.

Въ настоящее время умнаго княженія Николая I, черногорскій народъ много ушелъ впередъ въ образованіи. Масса молодыхъ людей съ успѣхомъ учится въ европейскихъ, преимущественно русскихъ, университетахъ, и затѣмъ занимаетъ высшія государственныя должности княжества. Благодаря русской помощи, устроена довольно хорошая семинарія, женскій пансіонъ подъ покровительствомъ русскихъ дамъ, основана гимназія. Кромѣ этого, въ каждой деревнѣ существуетъ школа для дѣтей обоего пола. Первоначальное образованіе сдѣлано обязательнымъ.

XII.

Домашній бытъ очень простъ у черногорцевъ, какъ и ихъ нравы. Нравы до сихъ поръ патріархальные, чуждые пороковъ, которыми заражено цивилизованное европейское общество. Черногорецъ считается главой семьи; его отношенія къ женщинамъ мною подробно описаны въ ст. «Черногорскія женщины».

Черногорцы не любятъ холостой жизни и женятся рано. Бракъ считается счастливымъ въ томъ случаѣ, если его послѣдствіе — мальчики. Въ пищѣ и питьѣ черногорцы весьма умѣренны, питаются по большей части картофелемъ, капустой, кукурузнымъ хлѣбомъ, бараниной, рыбой, водку предпочитаютъ вину, которое, по мнѣнію знатоковъ, не хуже французскаго «бордо». Гостепріимство въ Черногоріи очень развито; до 1840 года не было ни одной гостинницы въ княжествѣ. Домъ каждаго черногорца, будетъ-ли его хозяинъ богатъ или бѣденъ, всегда къ услугамъ путешественника. Пятковскій, посѣщавшій Черногорію, такимъ образомъ описываетъ гостепріимство въ Черногоріи.

«Гостепріимство оказывается въ Черногоріи какъ своимъ, такъ и иностранцамъ на широкую ногу. Самый бѣдный черногорецъ никогда не откажется принять въ свой домъ путешественника или иностранца и сдѣлать все, что отъ него зависитъ для того, чтобы успокоить, накормить и напоить своего гостя. Хозяйка обыкновенно разуваетъ и умываетъ гостей. Дома черногорцевъ служили и служатъ еще и теперь убѣжищемъ для ускоковъ (выходцевъ изъ Албаніи и Герцеговины), для бѣглецовъ австрійской арміи и вообще для людей гонимыхъ; въ этомъ отношеніи черногорцы не дѣлаютъ различія въ религіи или народности, они одинаково радушно принимаютъ и христіанъ и турокъ. Какъ иллюстрацію къ словамъ Пятковскаго

можно привести выдающійся фактъ изъ турецкой исторіи 1787 года. Скутарскій паша, Махмутъ Бушатлія, тотъ самый, который въ 1785 г., во время путешествія владыки Петра I по россіи, измѣнически напалъ на Черногорію, половину ея выжегъ и опустошилъ, не давъ пощады даже столичному монастырю въ Цетиньѣ, вообще человѣкъ извѣстный своей энергіей и храбростью, поднялъ возстаніе противъ самого султана, который и выслалъ противъ бунтовщика сильную армію. Махмутъ, узнавъ объ этомъ и опасаясь за неудачный исходъ начатаго имъ дѣла, счелъ за лучшее заручиться заблаговременно убѣжищемъ и, въ этихъ видахъ, обратился къ своему злѣйшему врагу, владѣтелю Черногоріи, Петру I-му, прося его не отказать, въ случаѣ нужды, ему въ убѣжищѣ, а покуда принять на сохраненіе огромное имущество изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Владыка отвѣтилъ ему: дома Черногоріи открыты для всѣхъ страдающихъ, безъ различія религій и сословій. Дома эти, правда, бѣдны, но, взамѣнъ богатства, ты найдешь здѣсь радушіе и спокойствіе: прошу пожаловать въ гости, когда будетъ угодно. Махмутъ, однако, не имѣлъ надобности воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ: отославъ имущество въ Черногорію, онъ счастливо разбилъ армію султана.

Еще одинъ характерный примѣръ: изъ двѣнадцати турокъ Никшичскихъ девять были захвачены черногорцами и перебиты, трое же, видя свое безвыходное положеніе, убѣжали въ домъ одного черногорца, который принялъ ихъ ласково и держалъ у себя въ теченіе трехъ дней, пока не нашелъ удобный случай перепроводить ихъ цѣлыми и невредимыми въ Сливле, а оттуда въ Оногомтъ.

Принятіе подъ кровъ иностранца сопровождается такой церомоніей: пришлецъ, входя въ домъ, говоритъ домашнимъ: помози Богъ! Ему отвѣчаютъ: добра ти среча (счастье), пришлецъ! Може-ли се у овомъ поштеномъ дому преночити е ме іе невоља причерала, да незнам ни што чу, ни куд чу?—продол

жаетъ гость (могу-ли я въ этомъ почтенномъ домѣ переночевать, нужда меня заставляетъ, не знаю что дѣлать, куда дѣваться?) Дом е Божи и твой, а начичемо што год да се поѣде ако пшита а оно по двѣ кертоле и добре волѣ и любави кою подіелит неможемо,—отвѣчаютъ ему.

Послѣ этихъ словъ кто-нибудь изъ хозяевъ мужчинъ подходитъ къ гостю и беретъ у него оружіе, а кто-нибудь изъ женщинъ помоложе снимаетъ ему сапоги и умываетъ ноги. Одежда, если она замокла подъ дождемъ или снѣгомъ, также снимается и сушится подлѣ огня. Самого гостя усаживаютъ къ пылающему костру и начинаютъ его угощать, чѣмъ Богъ послалъ. Пѣсня подъ гуслярный звонъ—необходимый аксессуаръ подобнаго ужина или обѣда. Когда, на слѣдующій день, гость уходитъ, женщины цѣлуютъ ему руку; прощанье съ мужчинами ограничивается рукопожатіемъ и лаконическимъ: «благодарю». Иди и спрости,—отвѣчаютъ ему. Хозяинъ обыкновенно беретъ на себя трудъ проводить гостя, и когда извѣстное разстояніе пройдено, гость съ послѣднимъ «прощай» стрѣляетъ изъ пистолета. Хозяинъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же.

Всѣ, и русскіе, и англійскіе, и австрійскіе, и французскіе путешественники единагласно подтверждаютъ фактъ гостепріимства черногорцевъ. Нѣтъ на свѣтѣ бѣднѣе народа, но нѣтъ и болѣе гостепріимнаго. Радушіе, однако, всего болѣе сказывается во время домашняго черногорскаго праздника: въ керстно имя.

У каждаго племени свое «керстно имя» (патрономъ дома выбираютъ какого-нибудь святого). По всей вѣроятности, это остатокъ старины, одинъ изъ сохранившихся языческихъ обычаевъ, весьма напоминающій вѣру въ древнихъ домашнихъ пенатовъ. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ онъ существуетъ только у сербовъ. Къ этому празднику бѣдный черногорецъ готовится весь годъ. Цѣлый годъ онъ согласится голодать, лишь бы имѣть возможность какъ слѣдуетъ провести праздникъ. Въ день праздника къ нему сбираются гости и тѣ, которые жи-

вутъ на разстояніи восьмидневнаго пути, пируютъ у него тогда по трое сутокъ. Все это время черногорецъ придерживается пословицы: что есть въ печи—все на столъ мечи.

Доказательство языческаго происхожденія этого праздника слѣдующее. Наканунѣ «керстнаго имени» ходятъ по домамъ три священника, освящая масло въ каждомъ домѣ. Обрядъ освященія совершается такъ: берутъ въ стаканъ немного вина и прованскаго масла и одну сплющенную свинцовую пулю. Пуля въ трехъ мѣстахъ проверчена, отверстія заложены трутомъ, который зажигается и горитъ, пока священники не окончатъ молитвы. Когда одинъ изъ священниковъ начинаетъ читать евангеліе, его товарищи зажигаютъ свѣчи, а хозяинъ со всѣми домашними подходитъ подъ эпитрахиль. Посторонніе въ это время держатся подальше. Какъ скоро обрядъ оконченъ, хозяинъ дома подноситъ священникамъ три вишневые хлыстика, изъ которыхъ одинъ беретъ старшій священникъ и, помакнувъ въ масло, помазываетъ сначала хозяина, затѣмъ всѣхъ его домашнихъ. Второй священникъ, вторымъ хлыстикомъ, помазываетъ гостей, третій, третьимъ хлыстикомъ, помазываетъ своихъ сотоварищей священниковъ. Затѣмъ всѣ три хлыстика бросаются въ огонь.

На слѣдующій день посылаютъ въ церковь съ сыномъ, а если таковаго не имѣется, то съ близкимъ родственникомъ хлѣбъ, бутылку краснаго вина и восковую свѣчку, все это освѣщается. По окончаніи литургіи, приходитъ священникъ и поетъ молебенъ, вслѣдъ за тѣмъ начинается пиршество. Хозяинъ и женщины прислуживаютъ гостямъ. Интересны тосты на такомъ пиршествѣ. Привожу одинъ: «Въ добрый часъ и во славу Бога, и за здоровье св. Ивана (или другого святого), св. Николая Путника, св. Богородицы, святого Архангела, св. Георгія и всѣхъ святыхъ, стоящихъ у престола Бога. Чтобы помогли они нашему брату-хозяину! Чтобы крыша на его домѣ всегда держалась твердо! Чтобы

у него не прекращались хорошія сѣмяна! Чтобы гдѣ онъ ни пахалъ—у него во сто разъ больше рождалось! Чтобы особенно умножалось потомство у него, и т. п. За твое же здоровье, хозяинъ!» Обыкновенно каждый гость считаетъ своимъ долгомъ произнести приличный случаю спичъ.

Въ заключеніе объ этомъ торжествѣ можно прибавить, что оно празднуется всегда, даже во время войны, въ послѣднемъ случаѣ женщины замѣняютъ хозяевъ-мужчинъ.

XIII.

Между различными черногорскими обычаями весьма не безъ интересенъ обычай «кумства». Въ книгѣ г. Медаковича, въ которой нуждаются всѣ изслѣдователи черногорской жизни, какъ въ лучшемъ сборникѣ черногорскихъ обычаевъ, «кумства» дѣлятся на пять видовъ: 1) «вѣнчаное» (свадебное), 2) «шишано» («стриженое»), 3) «неволѣ» (по необходимости) и 4) «умира о свете» (при умиреніи кровной мести).

1) «*Кумство вѣнчано*». «Кумъ» этого вида почти не считается родственникомъ и въ свадебномъ кортежѣ занимаетъ почти послѣднее мѣсто. Его обязанность дать священнику около трехъ франковъ и подарить невѣсту, приблизительно, тремя рублями; взамѣнъ этого онъ получаетъ носки или шелковый платокъ.

2) «*Кумство крштено*»—для черногорца высшее и навсегда святое родство, аналогичное «кумовству» русскому. Кумъ, считающійся почти роднымъ братомъ, послѣ таинства крещенія, совершающагося по обрядамъ православной церкви, даритъ священника и своего крестника. На пиршествѣ, сопровождающемъ это семейное событіе, въ свою очередь и кумъ получаетъ въ подарокъ отъ родильницы рубашку или платокъ.

Когда куму приходитъ время уходить, провожающій его хозяинъ стрѣляетъ изъ пистолета на порогѣ дома съ словами: «Прощай, кумъ! Дай Богъ тебѣ счастья!». Кумъ отвѣчаетъ ему: «Оставайся съ Богомъ, кумъ. Пусть Богъ будетъ тебѣ въ помощь!».

3) «*Кумство шишано*». Оно такъ же, какъ и «кумство вѣнчано», не устанавливаетъ родства между покумившимися, а только родъ пріятныхъ отношеній, дружбу. Черногорецъ и заключаетъ его, по большей части, случайно. Пораженный храбростью земляка, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ предложить храбрецу «кумство». Тотъ, конечно, не прочь отъ этой чести, приходитъ въ домъ къ земляку. Къ нему немедленно подводятъ мальчика или дѣвочку и подаютъ на тарелкѣ ножницы. Гость въ трехъ мѣстахъ (во имя св. Троицы) стрижетъ волосы ребенка и кладетъ ихъ на тарелку: впослѣдствіи волосы бросаются. Затѣмъ кумъ даритъ крестнику или крестницѣ рубль, а самъ получаетъ платокъ или носки. Съ этого времени онъ называется не иначе, какъ кумомъ, и если впослѣдствіи родится въ семействѣ ребенокъ, то его непремѣнно пригласятъ и въ кумы «керштени». Этотъ обычай существуетъ и у турокъ. Они нерѣдко приглашаютъ въ кумы черногорцевъ.

4) «*Кумство неволѣ*» получило названіе отъ того, что заключается въ случаяхъ нужды и крайней необходимости, напримѣръ, въ критическій моментъ боя, когда жизнь какого-нибудь черногорца виситъ, что называется, на волоскѣ. Не видя возможности сладить съ врагами собственными силами, онъ кричитъ соотечественнику: «Помоги ради Бога и св. Іоанна! Первому же ребенку ты будешь крестнымъ отцомъ». Отказаться отъ подобнаго кумовства, по мнѣнію черногорцевъ, великій грѣхъ и не меньшая подлость; человѣка, допустившаго ее, всѣ презираютъ.

5) «*Кумство умыра осветe*» — имѣетъ громадное нрав-

ственное значеніе. Оно въ состояніи загладить самую тяжелую вину. Отецъ убитаго сына, случайно оказавшійся кумомъ убійцы, прощаетъ ему это преступленіе; мало того, убійца пользуется любовью, какъ лучшій другъ или ближайшій родственникъ. Этотъ обычай, обыкновенно, практикуется въ видахъ прекращенія кровной мести.

XIV.

Отрубаные головъ (кстати сказать, операція совсѣмъ не такая легкая, какъ думаютъ), этотъ остатокъ варварства, мало по малу, выводится въ Черногоріи. Черногорцы нынѣ не только берутъ плѣнныхъ, но и смотрятъ на нихъ, не какъ на вѣчно ненавистныхъ враговъ, но именно, какъ на несчастныхъ плѣнниковъ.

Интересный случай былъ разсказанъ въ европейской печати о траги-комическомъ происшествіи съ извѣстнымъ черногорскимъ героемъ, Вукомъ Пиперомъ, въ 1878 г., въ дѣлѣ при Высочицѣ.

Вукъ, при Вучемъ-долу взявшій въ плѣнъ Османа-пашу, кромѣ денежной награды за этотъ подвигъ, получилъ еще высшую военную награду, медаль «Милоша Обилича», благодаря чему нажилъ себѣ множество завистниковъ. Не останавливаясь передъ средствами, лишь бы повредить герою, они распустили слухъ, что паша взятъ въ плѣнъ случайно. Вукъ сначала смѣялся, затѣмъ началъ сердиться, пока, не выведенный изъ терпѣнія, далъ въ одномъ собраніи слово привести плѣннаго турка въ первой же черногорско-турецкой войнѣ или погибнуть. Война не заставила себя ждать. Вуку пришлось участвовать при оборонѣ Высочицы, которую штурмовала сильная турецкая армія. Послѣ жаркой перестрѣлки турки сошлись съ черногорцами на близкое разстояніе. Вукъ, все время сражавшійся въ первыхъ

рядахъ, въ порывѣ страстнаго желанія выполнить свое обѣщаніе, гонялся за какимъ-то туркомъ по полю и турокъ уже готовъ былъ сдаться, какъ вдругъ, турецкая пуля раздробила ему колѣно. Положеніе Вука было самое печальное. Смерть его не пугала: Вукъ былъ убѣжденъ, что умереть на полѣ сраженія— участь, общая для всѣхъ черногорцевъ, но вотъ, если его вынесутъ раненымъ изъ боя и въ тоже время не выполнившимъ обѣщанія... Вотъ, что позорно, вотъ чего онъ боялся. Какъ бы то ни было, а пораздумавъ, Вукъ рѣшился еще разъ попытать счастья, подождать, не наткнется-ли на него какой турокъ. Умирать, молъ, такъ отомщенному!

Разсчетъ Вука оказался вѣрнымъ. Зебекъ, турокъ громаднаго роста, проходилъ мимо, не замѣчая притаившагося черногорца. Вукъ, подпустивъ его на нѣсколько шаговъ, прицѣлился изъ пистолета и крикнулъ: «Сдавайся на вѣру!» Смертельно испуганный, турокъ бросилъ ружье, и, скрестивъ на груди руки, крича: «Бесса!», покорно подошелъ къ раненому Вуку. Тотъ объяснилъ ему знаками, что если хочетъ быть живымъ, то долженъ свезти его въ черногорскій лагерь. Дѣлать нечего: турокъ, изъ страха смерти, посадилъ раненаго на спину и притащилъ его къ черногорцамъ. Можно представить себѣ удивленіе всѣхъ окружавшихъ главнокомандующаго Петровича при такомъ странномъ зрѣлищѣ.

Разъ поле сраженія удержано за собою черногорцами—начинается обираніе убитыхъ. Кто что нашелъ, то тому и принадлежитъ. Другое дѣло, если попадается кому хорошая сабля лошадь или тому подобное, всѣ такія вещи отсылаются къ князю, въ качествѣ подарка; рѣже военачальнику.

Черногорцы хорошіе пѣхотинцы; кавалеріи совсѣмъ не существуетъ, артиллеріи очень мало, да и завѣдуютъ ею люди, совершенно съ дѣломъ незнакомые, кромѣ двухъ братьевъ Мартиновичей, окончившихъ курсъ военныхъ наукъ въ Австріи. Впрочемъ, забавно было и требовать отъ черногорцевъ знанія

артиллерійскаго дѣла. Ему, потомку «головорѣзовъ», жаждущему встрѣчи съ врагомъ глазъ-на-глазъ, и вдругъ разить врага съ разстоянія нѣсколькихъ верстъ?! Неудивительно, что артиллерійское дѣло черногорцы называютъ «бабьимъ дѣломъ». Неудивительно и то, что князю стоило не малаго труда собрать нѣсколько сотъ охотниковъ, да и тѣ въ послѣднюю кампанію предпочитали рѣшающій натискъ съ ятаганами въ рукахъ медленному дѣйствію снарядовъ. Неоднократно черногорцы, въ порывѣ страстнаго одушевленія, бросали пушки на произволъ судьбы, а сами съ ятаганомъ бросались въ рукопашную.

Въ настоящее время, благодаря частымъ войнамъ, въ которыхъ черногорцы отбили массу пушекъ и ружей, затѣмъ благодаря закупкамъ оружія въ Вѣнѣ княземъ Николаемъ, благодаря, наконецъ, подаркамъ Россіи, черногорцы вооружены превосходно; у каждаго есть ружье Крика или Генри-Мартини, а за поясомъ блеститъ традиціонный ятаганъ, возлѣ него—револьверъ. Пушекъ—вдоволь. было бы только кому управлять ими.

Убитые и раненые ни въ какомъ случаѣ не оставляются на полѣ сраженія: это считается величайшимъ грѣхомъ въ Черногоріи. На тотъ родъ, который допустилъ бы возможность поруганія со стороны турокъ надъ трупомъ родича, легло бы пятно несмываемаго позора. Тѣмъ болѣе непростительно оставить во вражескихъ рукахъ раненаго. Нерѣдко бывали случаи, что, не имѣя возможности спасти раненаго отца, сынъ собственноручно отрубалъ ему голову и уносилъ съ собой, чтобы не мучиться впослѣдствіи мыслью объ отцовскихъ страданіяхъ въ рабствѣ и знать навѣрное, что сѣдая голова не украшаетъ собою верки турецкіе.

Трупы хоронятся по правиламъ православной церкви, а оружіе и одежда отправляются домой, гдѣ надъ этими вещами родные горько плачутъ о погибшихъ. Мы еще разсмотримъ

этотъ обычай, оставшійся по наслѣдству отъ древнѣйшихъ поколѣній славянъ.

Но, вотъ война окончена... Герои возвращаются въ свои дома, величаясь своими подвигами. Начинается на нѣкоторое время мирная жизнь. Устраиваются пирушки, сбираются старинные друзья, заключаютъ браки и побратимства.

XV.

«Побратимство» и «посестримство» — одинъ изъ интереснѣйшихъ обычаевъ нашего народа.

Оно не просто дружба, а какъ бы родство, родство не менѣе цѣнимое, чѣмъ и естественное, кровное. Побратимы обязаны всегда и вездѣ вступаться другъ за друга и даже пожертвовать жизнью въ случаѣ нужды спасти побратимскую честь. Нерѣдко любовь между побратимами бываетъ болѣе развита, чѣмъ между родными братьями, хотя бы одинъ изъ нихъ былъ «латинянинъ» или турокъ. Но если турки и заключаютъ побратимство съ черногорскими гайдуками, то бываютъ нерѣдко съ ихъ стороны и факты измѣны. Таковъ именно историческій фактъ, относящійся къ 1700 г.

Тоскуетъ, плачетъ узникъ
Цуца храбрый, Батричъ Перовичъ,
Въ рукахъ крѣпкихъ у Османа, у Горовича;
Ему не то досадно, что погибнетъ въ юности,
Нѣтъ, на Османову измѣну вѣрѣ—побратимству
Храбрый Цуца плачется...

Каждому черногорцу дозволительно имѣть сколько угодно побратимовъ. Такъ, еще въ 1750 году, были побратимами три знаменитѣйшіе черногорца: харамбаша Никацъ Томаковичъ, Жупковичъ и князь Станко изъ Предиша. Всѣ трое жили въ разныхъ мѣстахъ княжества, но разстояніе ихъ не удержива-

ло, если оказывалась необходимость помочь тому или другому или отомстить за нанесенную обиду.

Побратимъ не можетъ жениться на сестрѣ или близкой родственницѣ другого побратима.

Побратимствъ два рода:

1) Малое. Оно ограничивается простымъ поцѣлуемъ. Кто первый предложилъ его—обязанъ сдѣлать какой-нибудь подарокъ второму. Если они живутъ дружно, то къ малому побратимству прибавляется нерѣдко «причастное», заключающееся въ слѣдующемъ: они идутъ въ церковь, гдѣ священникъ имъ читаетъ молитву. Во все время ея продолженія, побратимы держатъ голову наклоненною подъ эпитрахилемъ. Послѣ молитвы имъ даютъ чашу съ виномъ, изъ которой они пьютъ одновременно, закусывая кусочкомъ хлѣба. Далѣе слѣдуетъ прикладыванье ко кресту, евангелію и св. иконамъ—обыкновенно троекратное—и имъ оканчивается обрядовая сторона обычая. Троекратный поцѣлуй въ губы, взаимные подарки, судя по состоянію, и пирушка завершаютъ братскій союзъ. Съ этой поры онъ неразрывенъ. Побратимы обязаны любить другъ друга, какъ любятъ родныхъ братьевъ.

2) *Побратимство по нуждѣ* заключается въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и «кумство неволѣ». Если кто-нибудь изъ юнаковъ вынесетъ, съ опасностью жизни, раненаго или убитаго черногорца, то братъ или близкій родственникъ спасеннаго предлагаетъ юнаку побратимство. Точно также во время кровной мести или вообще въ какой бы то ни было опасный критическій моментъ, если находящійся въ опасности кричитъ первому встрѣчному: «помози ми, тако ти Бога и светог Іоанна! узимам те за брата!» при такомъ обращеніи ни одинъ черногорецъ не откажется выручить земляка. По избавленіи отъ опасности, цѣлуются три раза другъ съ другомъ, дарятъ взаимно что-нибудь изъ оружія и навсегда остаются друзьями. Это побратимство также нерѣдко переходитъ въ причастное. Слу-

чается какъ рѣдкость, что черногорцы заключаютъ побратимство и съ турками, напримѣръ, князь Николай имѣлъ побратима мусульманина изъ крѣпости Никшича.

XVI.

Устройство внутренней черногорской администраціи въ настоящее время слѣдующее: въ каждомъ племени или большомъ селѣ — князь или капитанъ. Первый титулъ переходитъ по наслѣдству, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Капитанъ-администраторъ — ближайшій къ народу: онъ сбираетъ подати, объявляетъ народу княжескія приказанія, получаемыя устно отъ посланнаго изъ Цетинье перяника, наконецъ, онъ же судья не по важнымъ проступкамъ: въ послѣднемъ случаѣ его власть умѣряется кружкомъ старцевъ, извѣстныхъ храбростью и честностью, обыкновенно, принимающихъ участіе въ судѣ. Такимъ образомъ капитанъ съ своими помощниками «стотинаши», «десечарами» (сотниками и десятниками) — является первою, низшею административною и судебною инстанціею. Вознагражденіемъ имъ, кромѣ жалованья, весьма незначительнаго, около 80 австр. гульденовъ или 62 руб. въ годъ, полагается еще штрафъ съ тяжущихся, если онъ не превышаетъ 20 талеровъ. Высшія цифры штрафа отсылаются въ сенатъ, а оттуда переходятъ въ правительственную кассу.

Въ Черногоріи имѣетъ обязательную силу законъ князя Данилы I, состоящій изъ 89 §§, но его очень мало придерживаются, судъ производится по самымъ древнимъ примитивнымъ славянскимъ обычаямъ. Приходитъ пострадавшая сторона и жалуется на такого-то, по такому и по такому поводу. Хорошо, если при этомъ прямо указывается на виновника: задача суда проста. Но что дѣлать капитану, если существуетъ только

фактъ преступленія и сама пострадавшая сторона не можетъ указать на виновника? Самъ онъ, конечно, не придетъ въ судъ; сыскной полиціи не имѣется... Суду остается одно, особенно когда преступленіе важно: это предложить «сочбину». «Сочбина» — подарокъ тому, кто откроетъ виновнаго соку. Лицо, занимающееся этимъ ремесломъ, раскрытіемъ преступленій, отправляется къ потерпѣвшему и предлагаетъ ему, за извѣстную сумму, разъискать виновнаго. Потерпѣвшій соглашается и даетъ соку задатокъ. Тогда сокъ называетъ преступника, которому, съ общаго согласія, даютъ знать, что онъ извѣстенъ. Если преступленіе подходитъ подъ понятіе кражи, то виновному при этомъ совѣтуется возвратить украденную вещь, а соку уплатить извѣстную денежную награду, цифру которой сокъ можетъ уменьшить по соглашенію съ преступникомъ. Если же преступникъ отрицаетъ свою виновность, то идутъ уже въ судъ, гдѣ сокъ долженъ представить доказательства виновности обвиняемаго.

Сокъ находится обыкновенно въ презрѣніи у народа. Его репутація та же, что и у шпіона. Тѣмъ не менѣе, крайняя нужда заставляетъ продавать свои секреты за деньги.

Когда судъ, по разсмотрѣніи доказательствъ, представленныхъ сокомъ, увѣрился въ виновности обвиняемаго, капитанъ говоритъ ему: Ну, теперь защищаться нечего, дѣло выяснено. твои безстыдства открыты: плати соку, возвращай украденное и плати штрафъ.

Присяга допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: когда потерпѣвшій твердо увѣренъ въ виновности обвиняемаго, но не въ состояніи этого доказать; когда улики клонятся къ обвиненію обвиняемаго, который твердо убѣжденъ въ своей невиновности. Разъ обѣ стороны согласились на присягу, онѣ идутъ къ мощамъ св. Петра или св. Василія, кладутъ руки на гробницу или на св. евангеліе, при чемъ потерпѣвшій начинаетъ: Если ты это сдѣлалъ (т. е. то, въ чемъ обвиняешься и что

отрицаешь), то дай Богъ и св. Петръ и св. Іоаннъ, чтобы у тебя не было мужской породы, чтобы крыша протекла, корова не телилась, овца не имѣла ягнятъ, чтобы замерла всякая жизнь въ твоемъ домѣ и около него, чтобы на тебя язвы сѣли и т. п. Обвиняющійся долженъ, въ отвѣтъ на эти заклинанія, три раза повторить: аминь! Какъ сильно боятся черногорцы послѣдствій ложной присяги видно изъ того, что многіе, до сихъ поръ не признававшіеся въ своей винѣ, за которую имъ приходилось поплатиться жизнью, сознавались во время присяги *).

Если стороны недовольны рѣшеніемъ своихъ племенныхъ судей, то онѣ имѣютъ право обратиться въ дальнѣйшую инстанцію, въ сенатъ, состоящій изъ двадцати воеводъ или сердарей, которые славятся личной и родовой храбростью и умомъ или, какъ въ послѣднее время, пользуются симпатіей князя и родственными съ нимъ связями. При сенатѣ полагается одинъ секретарь. Эти сенаторы засѣдаютъ поочередно въ Цетиньѣ и

*) Нѣкоторые черногорцы не довольствуются разъ данной присягой, а заставляютъ обвиняемаго давать ее въ церкви каждое утро въ продолженіе девяти дней. Обвиняемый беретъ въ этихъ случаяхъ крестъ въ руки и самъ начинаетъ: Заклинаюсь этимъ животворящимъ крестомъ, а если солгу, то пусть откажусь отъ него, пусть буду съумасшедшимъ плевать на него, пусть меня поразитъ Богъ, св. Іоаннъ, св. Петръ, св. Василій и всѣ святые, которые сидятъ вокругъ престола Бога, пусть у меня родъ прекратится и т. д., если *я это* сдѣлалъ... Бываютъ молодцы, которые и въ теченіе девяти дней даютъ ложную клятву, но они обыкновенно подпадаютъ подъ всеобщее презрѣніе. Народъ зоветъ ихъ кривоклетниками. Что касается до проклятія владыки, то оно имѣетъ необычайно устрашающую силу. Въ народѣ по этому поводу ходитъ множество разсказовъ. Одинъ изъ нихъ записанъ у Медаковича, именно о проклятіи Петромъ I, котораго черногорцы считаютъ святымъ, одного черногорца. Петръ I сказалъ: чтобы не было у него потомства и чтобы весь родъ его угасъ! Дѣйствительно изъ его рода никто теперь не существуетъ. Другого черногорца, Банц

получаютъ: предсѣдатель 1500 гульденовъ, вице-предсѣдатель 1200 и сенаторы по 255 гульденовъ.

Сенаторскій судъ почти не отличается отъ племеннаго. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ нѣтъ и помина о торжественности европейскихъ судовъ. Крики, шумъ, гвалтъ, угрозы ятаганомъ—обычное явленіе. Замѣчанія публики сыпятся отовсюду, потому что судъ происходитъ на улицѣ и множество черногорцевъ участвуютъ въ качествѣ зрителей. Угрюмые сенаторы, съ трубками въ зубахъ, сидя на землѣ и скрестивъ ноги, вершатъ по совѣсти дѣла. Безпристрастіе, однако, не принадлежитъ къ числу судейскихъ качествъ сенаторовъ, каждый старается обѣлить своего соплеменника. Въ послѣднее время начали нѣсколько придерживаться закона князя Данилы, да и то смотря по указаніямъ секретаря, который долженъ прочитывать подходящія мѣста изъ закона. Обыкновенно, очень немногіе изъ сенаторовъ умѣютъ читать; про умѣнье писать и говорить нечего.

Черногорцы, недовольные рѣшеніемъ сената или учрежденнаго впослѣдствіи «верховнаго суда», обращаются къ суду

Петръ I проклялъ такими словами: чтобы отъ язвъ онъ умеръ! Такъ и случилось, съ ужасомъ говорятъ черногорцы. Затѣмъ, существуетъ разсказъ о вологскихъ рыбакахъ, которые арендовали у митрополита рыбную ловлю и постоянно обманывали его, говоря: Отецъ святой! Нѣтъ въ озерѣ рыбы. Владыка, наконецъ, разсердился и пожелалъ, чтобы ея и никогда и не было. На слѣдующій годъ рыбаки не поймали ни одной рыбы. Понявъ въ чемъ дѣло, они стали просить митрополита освятить воду. Митрополитъ согласился и рыба вновь появилась.

Какое значеніе соединяется народомъ съ проклятіемъ владыки-видно изъ того, что онъ помнитъ таковые случаи изъ временъ сербскихъ царей XIV столѣтія. Такъ деревня Глуходоляна называлась тогда Добродоляна и новое названіе получила со времени проклятія королевой Еленой. Глуходоляне—глухіе жители долины.

самого князя. Русскіе путешественники нерѣдко бываютъ свидѣтелями, какъ бѣдные черногорцы останавливаютъ на улицѣ своего князя, просто крикнувъ: «Господару, остановись и суди меня!» Князь останавливается со всей своей свитой, и, выслушавъ дѣло, на мѣстѣ постановляетъ рѣшеніе, съ которымъ тяжущіеся, по большой части, и соглашаются. Бываютъ, впрочемъ, и такіе случаи, что черногорецъ, недовольный даже княжескимъ рѣшеніемъ, смѣло говоритъ: «На твою душу, князь!» Обыкновенно, княжескій судъ происходитъ на площади передъ дворцомъ, въ тѣни большой ясени, тамъ ожидаютъ князя черногорцы—обычай, существовавшій въ древнее время у всѣхъ славянъ. Здѣсь же, подъ ясенью разсуждали о политическихъ, экономическихъ и административныхъ дѣлахъ княжества, причемъ простые черногорцы свободно могли спорить съ княземъ, несоглашаться съ его мнѣніями. Такъ бывало, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена. Нынѣ, благодаря стараніямъ князя ввести этикетъ цивилизованныхъ народовъ, его особа стала менѣе доступною.

Мѣсто народныхъ законовъ занялъ теперь законникъ проф. Богишича, но онъ оказывается безполезнымъ, за отсутствіемъ юристовъ въ Черногоріи и нежеланіемъ князя ихъ имѣть. Это можно заключить изъ того, что число молодежи, посылаемой въ другія страны, въ видахъ полученія ею высшаго образованія, крайне незначительно. Такое печальное явленіе я лично приписываю дурному вліянію на князя нѣкоторыхъ сербскихъ авантюристовъ, опасающихся, вмѣстѣ съ появленіемъ молодой черногорской интеллигенціи, потерять свой единственный modus vivendi.

Разъ зашла рѣчь о судопроизводствѣ, нельзя не упомянуть о наказаніяхъ, которымъ подлежатъ черногорцы. Гордый отъ природы, какъ истый потомокъ сербскихъ бояръ, онъ никогда не допускалъ на своей родинѣ тѣлеснаго наказанія. За

каждый ударъ онъ имѣетъ право мстить смертью, хотя бы ударившій принадлежалъ къ владѣтельной фамиліи. Смертная казнь практикуется и нынѣ по отношенію къ убійцамъ и то имѣвшимъ какія-нибудь грязныя цѣли грабежа или т. п.; убійца изъ кровной мести, обыкновенно, платитъ такъ называемую «керварину», если только суду удастся уговорить на эту сдѣлку потерпѣвшихъ. По большей части, черногорецъ предпочитаетъ въ этихъ случаяхъ держатся принципа «зубъ за зубъ» и «кровь за кровь».

Владыка Петръ II, въ видахъ искорененія нѣкоторыхъ вредныхъ обычаевъ, заставлялъ убивать уличеннаго—его же родственниковъ и этимъ сдѣлалъ смертную казнь страшною и для преступника и для всего племени.

Смертная казнь черезъ разстрѣляніе исполняется слѣдующимъ способомъ: послѣ пріобщенія св. таинъ преступника, его выводятъ, съ связанными руками, на площадь и позволяютъ бѣжать, какъ можетъ; въ ту же минуту, когда онъ воспользуется позволеніемъ, нѣсколько человѣкъ открываютъ по немъ ружейную стрѣльбу. Если онъ окажется цѣлымъ или только раненымъ, разстрѣливанье не повторяется, преступнику даютъ свободу, въ томъ предположеніи, что, видно, самъ Богъ не желаетъ его смерти. Женщины также подвергались смертной казни черезъ каменованіе («подъ гомилу»). Въ послѣднее время смертная казнь почти всегда замѣняется тюремнымъ заключеніемъ.

Смѣло можно сказать, что нѣтъ страны въ мірѣ, въ которой было бы такъ мало случалось преступленій, какъ въ Черногоріи. Понятно, что на все княжество совершенно достаточно одной тюрьмы, которая и помѣщается въ Цетиньѣ. Да и въ ней одновременно никогда не содержится болѣе 20 человѣкъ.

Наконецъ, есть еще денежный штрафъ, сущая бѣда для черногорцевъ, при ихъ обычной бѣдности. Если у черногорца нѣтъ денегъ («то глобу»), онъ имѣетъ право платить оружіемъ, землей или барантой. За каждое преступленіе онъ дол-

женъ платить «глобу» и «осудбину». «Глоба» идетъ судьямъ, а «осудбина» пострадавшему. Величина штрафа опредѣляется цѣнностью украденной вещи. «Осудбина» стоитъ дороже украденной вещи въ пять разъ, а «глоба»—въ десять. Впрочемъ, штрафуютъ по возможности соразмѣряясь съ состояніемъ виновнаго.

ЧЕРНОГОРСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

I.

Родилась черногорка... Мать убаюкиваетъ ее словами юнацкихъ пѣсенъ, обѣщая въ нихъ ей мужа—не богача, не красавца, но богатыря:

„Расти, кчери, докле не порастеш,
Кад порастеш, кад лепа нарастеш,
Удаћу те за добра јунака".
(Рости, дочка, пока не выростешь красивою дѣвушкою,
тогда я выдамъ тебя замужъ за храбреца).

Вотъ первое воспитаніе черногорки,—первое пророчество и желаніе ея матери, которая только объ одномъ и думаетъ, чтобы ея дочь вышла замужъ за богатыря. Но что отецъ, какъ онъ относится къ новорожденной? «Извините», говоритъ отецъ, разсказывая о рожденіи дочери, «у меня родилась дочь»— и это «извините» («опростите»), характеризующее отношеніе отца къ новорожденной, сопровождаетъ ее до могилы: черногорецъ о своей дочери, женѣ, сестрѣ, матери, не можетъ иначе говорить, какъ прибавляя слово «опростите». Почему же это такъ?

Многіе путешественники, не проникнувъ въ центръ страны,

по незнанію языка и нравовъ, по недоступности горъ и самаго народа, не любящаго сближаться съ иностранцами, поняли этотъ обычай, какъ фактъ, говорящій въ пользу ихъ предположенія, что черногорка — рабыня. Но они очень ошибаются: я, зная свою родину и ея обычаи, готовъ опровергнуть эти нелѣпыя свѣдѣнія, распространяемыя по Европѣ, и постараюсь дальше объяснить, что черногорка пользуется полнымъ равенствомъ съ черногорцемъ.

Дѣйствительно, черногорецъ не радуется новорожденной: онъ предпочитаетъ, чтобы у него родился сынъ; но этого самаго мнѣнія придерживаются поселяне всего міра, потому что, получая сына, они со временемъ пріобрѣтаютъ рабочую силу. А въ Черногоріи и еще болѣе нуждались въ сыновьяхъ: историческая жизнь этого народа сложилась такъ, что ему приходилось 500 лѣтъ бороться за свободу своей родины съ врагомъ, гораздо сильнѣйшимъ его—турками, и очень естественно, что онъ, какъ народъ воинственный, желалъ имѣть побольше людей, способныхъ воевать; во-вторыхъ, общественная жизнь черногорца заставляла его постоянно съ нетерпѣніемъ ожидать сына: до владыки Петра II между самими черногорцами шли племенныя распри, происходившія изъ «кровной мести», и надѣяться на побѣду должна была та сторона, въ которой преобладало мужское населеніе. Въ-третьихъ, домъ и, наконецъ, племя, въ которомъ находилось больше мужчинъ, брало верхъ надъ другими племенами и называлось «кучичи», а другіе—«никоговичи» (это замѣняло въ Черногоріи несуществующія тамъ сословія). Нельзя было не желать сыновей,— и такъ это бывало и бываетъ у всѣхъ воинственныхъ народовъ.

Но почему же «опростите», почему съ такимъ пренебреженіемъ встрѣчаетъ черногорецъ черногорку, появляющуюся на свѣтъ? Какъ вы увидите изъ моего разсказа, черногорецъ уважаетъ женщину и готовъ погибнуть за нее; но патріархаль-

ные нравы смотрятъ вообще на отношенія къ женщинѣ, какъ на грѣхъ, и черногорецъ также говоритъ «опростите» и о родившемся сынѣ. Если ему необходимо сказать, что его супруга находится въ интересномъ положеніи, онъ не находитъ словъ для выраженія этого обстоятельства, и смѣшно смотрѣть, какъ усиливается онъ подыскать болѣе приличное и удобное слово.

Но, несмотря на предпочтеніе сыновей, черногорская дѣвочка растетъ, встрѣчая такую же любовь; съ того времени, какъ дѣвочка начинаетъ говорить, отецъ не пренебрегаетъ ею, играетъ съ ней, цѣлуетъ ее. Хотя она при появленіи на свѣтъ и не возбуждаетъ такого одушевленія и радости, какъ сынъ, котораго встрѣчаютъ выстрѣлами, поздравленіями и пиршествами, но все-таки она считается равнымъ членомъ семейства, какъ и ея братъ. Ея воспитаніемъ — опять, какъ вездѣ — занимается мать, сестра, тетка, вообще женщины. Дочь внимательно слушаетъ, какъ отецъ, сидя вечеромъ у костра, поетъ эпическія пѣсни своего народа, «уз гуслярски звон», и также съ ребячества напитывается духомъ храбрости и самопожертвованія, который отличаетъ черногорскихъ женщинъ.

II.

Воспитаніе черногорской женщины — спартанское. Она растетъ въ родительскомъ домѣ до седьмого года; подросши, она исключительно занимается уходомъ за птицами; на нее до этого времени и не обращаютъ много вниманія. Но когда исполнилось дѣвочкѣ семь лѣтъ, въ ней уже появляется инстинктивное стремленіе къ труду, ее начинаютъ считать членомъ семейства, которое своимъ трудомъ заработываетъ хлѣбъ. Не разъ путешественникъ встрѣчалъ на отвѣсныхъ скалахъ Черногоріи молодую дѣвчонку, которая тащитъ на плечахъ тяжу

дровъ, ею самою нарубленныхъ, — не разъ онъ могъ видѣть румяную восьмилѣтнюю дѣвочку, которая, какъ серна, прыгаетъ по неприступнымъ скаламъ романтичнаго Ловчена за бѣлорунным стадомъ; она становится пастушкой.

Несмотря на родъ, племя и развитіе, всѣ черногорки переживаютъ эту фазу жизни.

Странно это кажется многимъ путешественникамъ; одинъ изъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ удивлялся, что черногорскій князь былъ прежде пастухомъ... Но пастушество для черногорца—и военная школа. За недостаткомъ въ своемъ краю пастбищъ, черногорцы принуждены были водить свои стада на турецкую территорію и тамъ пасти ихъ силой. Окруженные со всѣхъ сторонъ ренегатами, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ имъ самимъ, черногорцы неоднократно вынуждены бывали съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать своего барана,—иной баранъ стоитъ головы черногорскаго юноши, нерѣдко и дѣвушки. Благодаря этой обстановкѣ, и у черногорской дѣвушки и женщины формируется такой характеръ пастушествомъ,—пріобрѣтается энергія, храбрость, которыя стали славой черногорскаго народа. Здѣсь черногоркѣ-дѣвицѣ случается увидать раненаго брата, убитаго дядю, обезглавленнаго отца! Нервы ея крѣпнутъ, она исполняется местью туркамъ; ей не разъ приходится и самой участвовать въ схваткѣ...

Вотъ одинъ случай. На восточномъ краю Черногоріи живетъ племя древаловичей, которые пасутъ свои стада въ густыхъ лѣсахъ высокаго, вѣчно покрытаго снѣгомъ Дурмитора, большая часть котораго принадлежитъ туркамъ-колашинцамъ. Паслось стадо черногорца Митры, смотрѣла за нимъ двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка Яница, рядомъ паслись стада и другихъ черногорцевъ: всего въ этомъ краю находилось до двадцати пастуховъ и пастушекъ. На противоположной сторонѣ пасли турки-колашинцы. Въ одно майское утро, раньше зари, по-

слышался голосъ Яницы: «Братцы, на ноги! идутъ турки!» Моментально этотъ голосъ разнесся между молодыми пастухами и пастушками. Всѣ встали, вооружились и, собравъ раньше свое стадо и заперши его въ торъ, заняли позицію. «Гдѣ турки, Яница?» — «Вотъ, смотри, уже подымаются на гору. Идите, ребята, веселѣй, рубите турка, — вѣдь онъ несетъ намъ свое оружіе въ подарокъ».

— За крестъ частни и слободу златну — кто черногорецъ — впередъ! — закричала Яница и бросилась впередъ, вооруженная однимъ кремневымъ пистолетомъ. Для черногорца и не нужно больше этого слова: тогда онъ бросаетъ ружье — цефердарь, хватаетъ «святой ятаганъ» и бросается на врага. Пастушки тоже послѣдовали за ними: у одной — дубина, у другой — топоръ, у третьей — ружье, но у большинства — камни, которые онѣ и бросаютъ съ высокихъ скалъ на наступающаго врага...

Схватка началась... Турки отступаютъ, черногорцы торжествуютъ, возвращаясь съ окровавленными ятаганами и турецкими трофеями; они безъ особенныхъ потерь уничтожили двадцать турокъ. Но кого несутъ на носилкахъ по извилистой тропинкѣ? Это — Яница: она довольно тяжело ранена ятаганомъ по плечу; спасая другого, она получила сама ударъ, но она не плачетъ, — она смѣется, она радуется, что спасла своего жениха Марка.

При такихъ примѣрахъ, которыхъ множество, черногорки не только участвуютъ въ битвѣ, но послѣ ухаживаютъ за ранеными, становясь сестрами милосердія. Не мудрено, что изъ нихъ воспитываются впослѣдствіи матери — славянскія спартанки...

Въ послѣдніе годы и русскимъ докторамъ не разъ случалось видѣть между своими паціентами дѣвочекъ 8—12 лѣтъ. Лично я зналъ двухъ такихъ, — онѣ лежали въ цетиньскомъ госпиталѣ «Билярда». Обѣ были ранены въ правое плечо.

О чемъ же думаетъ такая пастушка въ продолженіи своего пастушества?

На неприступныхъ романтичныхъ черногорскихъ горахъ, пропитанныхъ кровью турецкой, нерѣдко увидишь молодую, стройную, красивую дочь природы, которая, какъ олень, прыгаетъ за молодыми ягнятками.

„Расти драги, докле не порастеш,
Кад порастеш, проси ме у отца,
Па донес ми на дар ти ябуку,
Турску главу на верх оштра колца".
(Расти мой женихъ, пока не выростешь; когда выростешь, проси меня у отца, но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко —турецкую голову на остромъ колу).

Такъ черногорка еще ребенкомъ пропитана традиціоннымъ озлобленіемъ противъ турокъ и подстрекаетъ своего будущаго жениха, чтобы онъ непремѣнно постарался добиться ея любви «кровью турка»,—она отъ него ничего не желаетъ, только чтобы онъ былъ юнакъ.

Цивилизованныя дамы могутъ придти въ ужасъ: «что тутъ хорошаго? Варварство, отсутствіе женской нѣжности, жажда къ пролитію крови» и т. п. Но я скажу въ защиту моихъ соотечественницъ, что женщина, которая съ самаго рожденія слушала «уз гуслярни звон» о подвигахъ своихъ прадѣдовъ, которая видѣла, можетъ быть, не разъ, какъ турки ранили ея отца, оскорбили сестру, мучили старую мать, отрубили голову любимому брату и пр., и не можетъ иначе чувствовать; ея условія жизни, окружающая среда, доблестная исторія ея народа даже обязываютъ ее быть подстрекательницею народа, которому она считается дочерью.

III.

Но пускать взрослыхъ дѣвушекъ въ пастушки или «пастирицы», какъ ихъ у насъ называютъ, въ обществѣ молодыхъ «пастырей», безъ всякаго родительскаго присмотра,—не покажется-ли съ перваго взгляда страннымъ и щекотливымъ? Правда, странно для человѣка незнакомаго съ высокою нравственностью черногорцевъ, но вполнѣ естественно для того, кому она извѣстна. Народъ черногорскій придаетъ великое значеніе чистотѣ нравовъ,—рѣдко случается, чтобы дѣвушка нарушила строгій обычай. Если такая и найдется, она не только бываетъ прогнана изъ родительскаго дома, но народный обычай прогоняетъ ее и изъ границъ ея маленькаго отечества; обыкновенно она обречена искать убѣжища въ Турціи и Австріи. Но и молодца, который осмѣлился пренебречь обычаемъ, ждетъ ужасная казнь: въ большинствѣ случаевъ, его убиваютъ братья оскорбленной дѣвушки, хотя случается, что дѣло приходитъ къ обоюдному соглашенію, т.-е. онъ женится на дѣвушкѣ. Но и впослѣдствіи, уже въ законномъ бракѣ, она не пользуется уваженіемъ. Не разъ изъ-за этого повода выходили ужасныя кровопролитія между племенами, изъ которыхъ одни принимали сторону дѣвушки, другія—юноши.

Тридцать лѣтъ тому назадъ,—разсказывала мнѣ бабушка,—жила въ моей деревнѣ дѣвица Мака, которую родители послали пасти стадо на островъ Вранину, на Скутарскомъ озерѣ. Тамъ пасло и племя цеклинъ. Между цеклинскими пастухами былъ сынъ капитана Лага Джуканова. Иванъ, который соблазнилъ Маку. Несчастная дѣвица поздно опомнилась и рѣшила удавиться. Но въ ту минуту приходитъ ея братъ и спрашиваетъ: Что сестрица? Отчего ты такъ скучна? Что съ тобой?

— Братъ, я недостойна зваться твоею сестрою, я несчастная, я нанесла пятно на нашъ храбрый домъ...

— Что ты, сестра, съума сошла или шутишь! Не можетъ

быть! Кто оскорбилъ тебя? Покажи его или я убью тебя, слышишь, покажи!...

Но несчастная не хотѣла выдать любимаго юнака, она предпочла смерть и бросилась въ глубокое озеро. Братъ посмотрѣлъ на эту сцену спокойно, онъ только сказалъ: «И лучше честно умереть, чѣмъ нечестной жить!» и бросился искать молодыхъ пастуховъ. Не долго искалъ; нашелъ ихъ онъ въ веселой бесѣдѣ, которую онъ прервалъ такими словами:

— Гдѣ скрылся извергъ, трусъ, подлецъ, который осмѣлился осрамить мою сестру? Если онъ юнакъ, то пусть выходитъ на поединокъ? Гдѣ онъ, баба?...

Закипѣла кровь, поднялась рука—и въ ней ятаганъ: вышелъ молодой, красивый парень, Иванъ: «Вотъ я! вотъ тебѣ и поединокъ!» Скрестили они ятаганы: разъ, два—и все кончено! Нѣтъ головы у Ивана—онъ убитъ...

Послѣ этого событія загорѣлась война между двумя племенами, стоившая сорока человѣкъ убитыми и ранеными. Такъ дорого цѣнятъ честь черногорки!...

Молодая черногорка сама сознаетъ, какъ она можетъ своей несдержанностью уронить свой домъ, даже племя, и предпочитаетъ смерть безчестію. Вотъ примѣръ изъ прошлогодней турецко-черногорской войны, извѣстный всей Черногоріи. На границѣ Васоевичей находится турецкая крѣпость Колашинъ, которая, кстати замѣтить, въ силу берлинскаго трактата, уже находится въ рукахъ черногорцевъ. Въ 1877 году Мехмедъ-али-паша напалъ на племя васоевичей; Али-Саибъ-паша двигался на соединеніе съ извѣстнымъ Сулейманомъ-пашей, который прошелъ Дугу, достигъ Никшича, перевалилъ на правую сторону и находился въ Бѣлопавличѣ.

Именно въ это время войско Мехмеда-али-паши, состоявшее изъ албанцевъ, которые его впослѣдствіи убили, заняло деревню, кажется, Смоково. Часть неуспѣвшихъ спастись жителей была вырѣзана, другая посажена на колъ, третья—

брошена на съѣденіе свиньямъ. Осталась въ живыхъ одна только жертва, шестнадцатилѣтняя дѣвушка Іоке. Во время всеобщаго избіенія она успѣла спрятаться въ какую-то пещеру, но зоркіе глаза юзбаши Мехмеда не упустили изъ виду красавицы; онъ бросился на Іоку, защищавшуюся, насколько было возможно, камнями. Бой былъ неравенъ: Мехмедъ естественно оказался сильнѣе, можетъ быть, не вполнѣ еще сформировавшейся дѣвицы... Онъ ее взялъ живую въ плѣнъ. Началъ онъ цѣловать свою плѣнницу. Защищаться было напрасно, оставалось употребить прирожденную горцамъ хитрость. Іоке обратилась къ Мехмеду съ такими словами: «Делибаша (красавецъ)-турокъ, вѣдь я не убѣгу отъ тебя, я твоя... но только не здѣсь,—здѣсь насъ увидятъ, пойдемъ подальше, пойдемъ, делибаша!»

Мехмедъ послѣдовалъ за Іоке на край отвѣсной скалы. Здѣсь, стоя на границѣ жизни и смерти, Іоке прошептала Мехмеду: «Поцѣлуй меня, делибаша!» Разгорѣлись глаза у свирѣпаго турка, охватилъ онъ ее своими окровавленными руками, охватила и она его за шею, крѣпко прижала къ своей дѣвической груди и—бросилась вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть... Они погибли... Спустя нѣсколько дней, родственники спустились въ пещеру и тамъ нашли два трупа: изверга Мехмеда и героини Іоке. Народъ впослѣдствіи говорилъ: молодецъ-дѣвушка!

На правой сторонѣ рѣки Тари, текущей въ черногорскихъ Дробнякахъ, находится монастырь Доволя, построенный монахомъ Германомъ въ 1707 г. Прелестная мѣстность, покрытая лѣсомъ, окруженная горами, приманила сюда и турокъ. Въ 1857 году въ этомъ монастырѣ находилась турецкая посада (гарнизонъ); начальнику ея пришлась по душѣ четырнадцатилѣтняя черногорская дѣвушка, и онъ рѣшилъ, во что бы ни стало, овладѣть ею. Но какъ это сдѣлать? Онъ хорошо зналъ, что черногорка не станетъ съ нимъ, мусульманиномъ, и разговаривать; оставалось увезти ее, что онъ и сдѣлалъ. Несча-

стная дѣвушка пала жертвой страстей турецкаго бимбаши.

Вѣсть разнеслась по Черногоріи и особенно на Цетиньѣ. Тогдашній князь Данилъ, человѣкъ мужественный и энергичный, никоимъ образомъ не хотѣлъ перенести оскорбленія, сдѣланнаго простой дѣвушкѣ, и немедленно приказалъ черногорцамъ уничтожить турецкій гарнизонъ. Сказано—сдѣлано. Гарнизонъ былъ истребленъ до единаго человѣка.

Считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о бесѣдѣ русскаго путешественника, А. Н. Попова, съ владыкой черногорскимъ, Петромъ II.

Поповъ. «Отчего нѣтъ въ Черногоріи ни одного постановленія объ оскорбленіи дѣвицы или замужней женщины!»

Владыка. «Не нужно».

Поповъ. «Но, а если кто оскорбитъ женщину?»

Владыка. «Это было бы то же самое, если бы вы сказали: «ну, а если кто вспрыгнетъ на луну?»

Далѣе въ своей книгѣ Поповъ говоритъ: «Права мужчинъ и женщинъ въ Черногоріи однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной; личность женщины обезпечена еще болѣе, нежели личность мужчины».

Не разъ дѣвушки совершали подвиги, которымъ удивлялся весь народъ, и которые сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ.

Вотъ, между прочимъ, историческій фактъ, вложенный народомъ въ уста гуслярамъ:

На деревню Кастель напалъ сильный отрядъ турецкихъ войскъ; онъ грозилъ превратить все въ пепелъ. Не трудно было взять приступомъ слабо защищенную деревню, и турки, дѣйствительно, взяли и разорили ее, но не могли овладѣть они «кулою» (башнею), въ которой искали убѣжища женщины и дѣти, геройски защищавшія ее. Много турокъ легло подъ стѣнами башни, но подъ конецъ не доставало силы храбрымъ женщинамъ.

— Что же намъ дѣлать?—спросила одна.

— Я знаю что!— отвѣтила дѣвица Iела Марунова, и, стащивъ въ уголъ башни весь оставшійся порохъ, поспѣшно отворила ворота.

Турки, озлобленные потерями, воспламеняемые отчасти желаніемъ отмстить за павшихъ товарищей, отчасти овладѣть женщинами, жадно бросились въ башню. Но когда вошло въ нее человѣкъ до 500, страшный гулъ взрыва пронесся по окрестностямъ: отъ башни остались только развалины, и въ нихъ похоронены всѣ, кто въ ней были, и славянки, и турки...

IV.

Черногорская дѣвушка бываетъ «планинкой» (пастушкой, отъ «планина» — гора) только весною и лѣтомъ и тогда учится хозяйству: дѣлать масло, сыръ и проч., не забывая въ свободное время заняться работой. Она вяжетъ свои живописныя рубашки, схожія съ малороссійскими, шьетъ одежду брату, отцу, родственникамъ, дѣлаетъ обувь, т.-е. «опанки» или русскіе лапти: только у насъ они далеко прочнѣе, лучше и красивѣе.

Дѣвушку считаютъ за хорошую рабочую силу; она трудолюбива, она работаетъ постоянно — лѣтомъ и весной въ густыхъ лѣсахъ и пастбищахъ, осенью и зимой у родительскаго очага. Иначе не можетъ и быть. Условія черногорскаго быта заставляютъ женщину вести именно такую труженическую жизнь. Въ то время, какъ мужчины дерутся съ врагомъ, въ двадцать разъ сильнѣйшимъ, чтобы спасти свою родину, женъ и дѣтей, женщины занимаются домашними работами, чтобы имѣть возможность прокормить юнаковъ. Если къ этому еще прибавить, что, до послѣдняго времени, черногорцы, какъ народъ воинственный, всевозможныя ремесла считали ниже достоинства воина, и что не находилось человѣка, который согласился бы

взять въ руки ремесленный инструментъ, то не мудрено, что приходилось женщинѣ дѣлать то, чего черногорецъ такъ боялся.

Кстати упомяну здѣсь, какимъ способомъ появился первый ремесленникъ въ Черногоріи, сапожникъ Чокета.

Молодой бѣлопавличъ Чокета приготовлялся въ какой-то школѣ къ священническому званію, но такъ какъ онъ хромалъ на одну ногу, то владыка и не согласился посвятить его. Въ это время князь Николай пригласилъ нѣсколько ремесленниковъ изъ Австріи въ учителя молодымъ черногорцамъ, которыхъ князь намѣревался собрать и отдать въ руки австрійскимъ учителямъ. Но, увы! князю не удалось собрать молодежи: кому онъ ни предложитъ,—всѣ отказываются. Всѣ говорятъ: «Господару! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили,— мы убѣжимъ въ Турцію, если насъ заставятъ работать». Родители тоже взбунтовались. Нечего было дѣлать; князь долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Только несчастный Чокета, не принадлежавшій къ хорошему племени, былъ жертвой черногорскаго прогресса. Князь, разъ гуляя съ своей свитой въ Цетиньѣ, замѣтилъ Чокету и, подозвавъ его къ себѣ, началъ говорить: «Ну, Чокета, знай, — я тебя повѣшу, если ты не начнешь работать!» «Вѣшай, государь, я предпочитаю смерть этому постыдному ремеслу». «Какъ постыдное? Ты, мой милый, не знаешь, что многіе европейскіе государи учатся ремеслу, не то, что ты, бѣдняжка. Пойдемъ, Чокета, къ сапожнику, поработаемъ вмѣстѣ, чтобы черногорцы не смѣялись надъ тобой,—и если кто тебѣ что-нибудь скажетъ, ты ему отвѣчай: я съ господаремъ работалъ». Сказано—сдѣлано. Князь взялъ въ руки работу и, такимъ образомъ, заставилъ работать Чокету. Такъ явился въ 1869 году первый черногорскій сапожникъ!

Но народъ не переставъ смотрѣть на него съ презрѣніемъ. говоря: «Ты занимаешься бабьимъ дѣломъ», а женщины говорятъ: «Нашъ другъ Чокета».

V.

И такъ, дѣвушкѣ приходится много и усердно работать. На этотъ трудъ черногорцы привыкли смотрѣть съ благодарностью, которую они высказываютъ не словами, а дѣломъ: отмстить за дѣвицу считается одинаковымъ, какъ и отмстить за мужчину. Поповъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи по Черногоріи фактъ, случившійся въ его время.

Черногорцы хотѣли разрушить одну австрійскую казарму, находящуюся на границѣ маленькаго княжества, но ихъ было мало, штурмомъ взять ее было невозможно. Тогда одна черногорская дѣвушка безъ вѣдома мужчинъ вздумала поджечь казарму; ее замѣтили австійцы и убили...

Увидавъ это, черногорцы взбѣсились: «Какъ же можно убивать женщину? это бабье дѣло!» (Самъ черногорецъ считаетъ самымъ постыднымъ дѣломъ тронуть непріятельскую женщину). И, вынувъ ятаганы, бросились на казарму и отмстили за молодую героиню.

Черногорецъ считаетъ своею обязанностью защищать вездѣ и противъ всякаго хотя бы и незнакомую женщину или дѣвушку. Приведу въ примѣръ дѣйствительное событіе изъ жизни племени кучи.

Былъ праздникъ въ извѣстномъ монастырѣ Бѣлопавличскомъ подъ Острогомъ, гдѣ почиваетъ тѣло св. Василія, поклониться которому стекается почти вся Черногорія, часть Албаніи и Герцеговины, не исключая и турокъ. Отправилась и одна дѣвушка изъ племени кучи, по имени Ружа. Подкараулилъ ее молодой Станко и преслѣдовалъ ее по дорогѣ, пока не догналъ. Заговорилъ онъ съ нею, началъ любезничать, какъ выучился въ Подгорицѣ, турецкой крѣпости, гдѣ жилъ два года, предложилъ ей присѣсть: она его послушала. Взялъ онъ изъ своей торбы разныхъ съѣстныхъ припасовъ и предложилъ ей съ нимъ позавтракать: она не отказалась. Онъ было позволилъ

себѣ и болѣе фамильярное обращеніе съ ней; отвѣтомъ былъ ударъ, который нанесла ему по лицу Ружа, говоря: «Извергъ! ты за хлѣбъ и соль хочешь оскорбить меня и мой домъ». Подвыпившій Станко, думая, что никто его не видитъ и не слышитъ, кромѣ Ружи, схватилъ ее и силой повалилъ на землю. Но все это видѣлъ и слышалъ его родной братъ, который, какъ звѣрь, прыгнулъ черезъ какую-то стѣну и ятаганомъ отрубилъ голову родному брату... За то онъ спасъ честь молодой черногорки. Этотъ фактъ случился въ 1858 году.

Между множествомъ интереснѣйшихъ разсказовъ знаменитаго французскаго путешественника, полковника Віаллу, въ его знаменитомъ сочиненіи: «Voyage historique et politique au ontenegro. 2 vol. Paris. 1820 г.,» интересенъ слѣдующій.

Жила красивая Марія Главиновичъ, дочь хорошаго семейства, которая влюбилась въ черногорскаго молодца, Савву Юсича. Любила она его страстно и пламенно, какъ умѣютъ любить только дочери юга; слѣдствіемъ любви было то, что она совершенно отдалась въ руки своего любовника Саввы.

Плодомъ ихъ связи было то, что Марія забеременѣла. Только тогда она поняла, какую громадную ошибку она сдѣлала, только тогда предъ ея глазами представились, въ яркихъ краскахъ, поруганія и униженія, которыя она должна будетъ выносить отъ черногорскаго народа и своихъ родственниковъ, а, можетъ быть, и самая смерть, «каменованіе».

Плакала она долго, пока серьезно не рѣшила заставить своего любовника жениться на ней.

Въ одинъ прекрасный день, на свиданіи съ своимъ Саввой, она сказала ему:

— Голубь мой, намѣренъ-ли ты жениться на мнѣ или нѣтъ?—скажи откровенно.

— Увидимъ,—отвѣтилъ Савва.

— Нѣтъ, не увидимъ, а скажи сейчасъ, женишься-ли ты на мнѣ или нѣтъ?

— Женюсь, зарница моя, женюсь, не безпокойся!

— Когда-же?—спросила его Марія.

— Черезъ мѣсяцъ.

— Это очень поздно, ты знаешь мое положеніе, другъ мой, больше восьми дней нельзя ждать.

Молодой парень, желая освободиться отъ своей жертвы, отвѣтилъ ей:

— Ну, хорошо, душа моя, черезъ восемь дней ты будешь моей женой.

— Ахъ, милый и дорогой мой Савва, спасибо тебѣ за обѣщаніе, но присягни мнѣ Богородицей, что ты исполнишь его.

Черногорецъ готовъ сдѣлать все, только не присягать ложно—особенно Богородицей; вслѣдствіе этого Савва и не рѣшился сразу присягнуть своей любовницѣ. Онъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ даже не могъ ничего выговорить, кромѣ: ну, хорошо!

— Нѣтъ, другъ, не «хорошо», а присягай... или... иначе я не могу...—сказала Марія.— Что? не хочешь присягнуть мнѣ?—продолжала она.

— Нѣтъ, не хочу!—рѣшительно сказалъ Савва.

Услышавъ эти слова, оскорбленная черногорка бросилась на своего любовника, выхватила у него ятаганъ и проткнула имъ сердце Саввы, послѣ чего послѣдовала и ея смерть отъ ея же собственной руки.

Вотъ до чего доходитъ высокая душа женщины, которая готова на такой кровавый поступокъ, чтобы только смыть пятно съ себя и съ своего племени.

Какая громадная разница въ отношеніяхъ черногорца къ женщинѣ сравнительно съ нѣкоторыми изъ кавказскихъ племенъ: черкесовъ, имеретинцевъ и др., гдѣ продаютъ своихъ дочерей, чтобы наполнить гаремы турецкихъ вельможъ, гдѣ по случаю прохода турецкихъ войскъ добровольно приводятъ своихъ женъ въ палатки турецкихъ офицеровъ. И вотъ такихъ-то женщинъ

нѣкоторые путешественники сравниваютъ съ свободными дочерями свободнаго народа!

Въ дополненіе этихъ эпизодовъ, не могу умолчать объ одномъ фактѣ нашей исторіи, гдѣ весь народъ принимаетъ участіе въ судьбѣ и чести нѣсколькихъ дѣвицъ.

Великій визирь боснійскій (1756 г.) съ 45,000 войскомъ вздумалъ заставить храбрыхъ черногорцевъ прислать ему «горный букетъ изъ лучшихъ цвѣтовъ неприступныхъ горъ». По преданію, визирь писалъ владыкѣ и государю черногорскому, Василію Петровичу: «Слушай меня, горный монахъ: пришли мнѣ немедленно двѣнадцать красивыхъ дѣвицъ 12—15-тилѣтняго возраста, и кромѣ того еще вдову, красавицу Бѣлу Станишину: ихъ возьму я вмѣсто подати. Если не исполнишь моего желанія, клянусь тебѣ, черный монахъ, святымъ Магомедомъ и богомъ Аллахомъ, что предамъ пламени всю Черногорію, и весь народъ вашъ или подъ саблю положу, или въ плѣнъ возьму!.. Помни о томъ, что теперь написано тебѣ и скорѣй отвѣчай». Черногорія находилась тогда въ критическомъ положеніи: изнуренная продолжительными войнами, она была доведена до крайности, былъ недостатокъ въ военныхъ припасахъ, свирѣпствовалъ голодъ, не было, наконецъ, ни денегъ, ни лошадей... Что оставалось дѣлать владыкѣ? Онъ собралъ всѣхъ племенныхъ старшинъ Черногоріи, прочиталъ письмо, на которое рѣшено было, по эпическому преданію, отвѣтить такимъ образомъ: «Пошлю я тебѣ, вмѣсто дѣвицъ молодыхъ, двѣнадцать свиныхъ хвостовъ, а за одну Бѣлу Станишину— двѣнадцать бараньихъ роговъ, чтобы все это носилъ ты на своемъ турбанѣ; кромѣ того, пошлю тебѣ двѣнадцать камней, чтобы ты ихъ отослалъ царю, вмѣсто подати, и чтобы зналъ, что такое Черногорія». Послѣ такого отвѣта послѣдовалъ полный разрывъ между владыкою и визиремъ; черногорцы ждали турокъ у Оногошти. Сраженіе продолжалось четырнадцать дней, съ перемѣннымъ счастьемъ, подъ конецъ турки начали одер-

живать верхъ. У черногорцевъ уже истощился запасъ пороху, но имъ удалось добыть аммуницію отъ бокезовъ; они напали на турокъ, разбили ихъ, визирь самъ едва ускакалъ.

VI.

Обратимся къ домашней и общественной жизни черногорской дѣвушки.

Дѣвушка въ Черногоріи пользуется такой широкой свободой, съ которой можетъ сравниться только отчасти свобода американскихъ дѣвицъ. Родители пускаютъ ее вездѣ одну; даже и за границей Черногоріи, напримѣръ, на австрійскихъ и турецкихъ рынкахъ, присмотръ предоставляется ей. Иностранныхъ наблюдателей, которые считаютъ черногорку рабыней, поражаетъ и убѣждаетъ въ этомъ одинъ, съ перваго взгляда, странный обычай—цѣлованія дѣвушками и женщинами рукъ у мужчинъ, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи еще удержался обычай умовенія ногъ гостямъ. Этотъ послѣдній обычай очень древній, старославянскій и даже античный; существуетъ онъ въ пограничныхъ округахъ съ Герцеговиной и Старой-Сербіей: въ Банянахъ, Зубцахъ, Васоевичахъ и др. Что касается цѣлованія рукъ старшему, то отъ него не освобождены и мужчины до шестнадцатилѣтняго возраста, т.-е. до той поры, пока они не начнутъ носить оружіе и воевать съ врагомъ отечества. Кромѣ того, женщина цѣлуетъ руку старшей женщины и сама получаетъ отвѣтный поцѣлуй въ щеку, напримѣръ, при встрѣчахъ на дорогѣ, хотя бы и незнакомыхъ черногорокъ. Неженатому мужчинѣ дѣвушка избѣгаетъ цѣловать руку; она считаетъ его недостойнымъ этой чести, потому что онъ еще не выросъ, чтобы носить оружіе, не выросъ, чтобы жениться, не выросъ, чтобы рѣзаться съ турками. Единственный случай, при

которомъ цѣлуютъ руку и у юноши,—это когда онъ отсутствовалъ изъ дома болѣе, чѣмъ на годъ.

Конечно, этотъ обычай кажется нѣсколько страннымъ иностранцу, привыкшему, напротивъ, изъ уваженія къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, цѣловать прелестныя ручки, пропитанныя ароматами и духами. Признаюсь, и для меня, черногорца по рожденію, этотъ обычай показался страннымъ. Въ 1870 г., когда, по окончаніи гимназическаго курса, я возвратился въ свою родную деревню, гдѣ уважали меня, какъ сына племенного предводителя, я помню, какъ собралась вокругъ толпа юнаковъ. Всѣ они цѣловали меня въ лицо, но, вдругъ, приходятъ дѣвушки, женщины и старушки, годящіяся мнѣ въ прабабушки, схватываютъ мои руки и покрываютъ ихъ поцѣлуями. Я покраснѣлъ при такой неожиданности и поднялъ руки вверхъ, чтобы не дать имъ возможности продолжать эту для меня непріятную сцену. Я крайне удивился, когда одна красотка заплакала при этомъ; послѣ я узналъ, что она обидѣлась, зачѣмъ я не далъ поцѣловать ей мою руку, хотя я охотно перецѣловалъ бы ея руки.

Не дать поцѣловать руку женщинѣ очень опасно, потому что не даютъ цѣловать только тѣмъ, которыя слывутъ за безчестныхъ.

Этотъ обычай черногорцы получили въ наслѣдство отъ древнихъ сербовъ, и онъ до того укоренился, что если вы скажете черногоркѣ: отчего вы цѣлуете у мужчинъ руки? то, навѣрное, получите всегда такой отвѣтъ: «Какъ же не цѣловать руки у такихъ юнаковъ, какъ наши братья, отцы, родственники, которые такъ храбро защищаютъ насъ и нашихъ дѣтей; они богатыри, а богатырей нужно уважать!»

Дѣвушки въ Черногоріи или совсѣмъ не пьютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ или въ самыхъ незначительныхъ дозахъ. Пьяную женщину—видѣть невозможно; недаромъ сложилась у насъ поговорка: «пьяница—готовая блудница». Дѣвушка тоже

не уважаетъ мужчины, который много пьетъ; она радуется, если женихъ у ней трезвый, и говоритъ въ пѣснѣ:

„Мать моя! Оставила я шутить,
Я себѣ выбрала жениха...
Не пьетъ онъ, не куритъ,
Развѣ немного вина,—но ни капельки водки".

Дѣвушки, ничуть не теряя въ своей строгой скромности, бываютъ на общественныхъ сходкахъ, на народныхъ праздникахъ, собираются на «керстно имя» (день сербскаго святого, который считается патрономъ чьего-либо дома), гдѣ бываютъ національные танцы, такъ-называемые «хори». Здѣсь юнакъ не стыдится протанцовать съ дѣвицею оригинальный и довольно интересный народный танецъ, послѣ котораго цѣлуетъ ее предъ лицомъ всего народа. Этотъ традиціонный обычай очень уважаетъ нашъ народъ.

Правда, находятся знатоки нашего народа, въ родѣ француза Фриллея и сербскаго капитана Влаховича, которые въ своей книгѣ о Черногоріи утверждаютъ, что черногорецъ никогда не цѣлуетъ женщину въ лицо, а только въ воздухъ, наглядно показывая ей свое презрѣніе. Эти два автора сравниваютъ «рабство» черногорской женщины съ рабствомъ женщины у дикихъ первобытныхъ индійцевъ на берегахъ Ориноко и т. д. Но эти сужденія людей, совсѣмъ не понявшихъ черногорской жизни, не заслуживаютъ никакого вниманія. Какъ большинство иностранныхъ писателей, они не только не знаютъ народа черногорскаго, но и не могутъ знать, потому что никогда не входили внутрь народной жизни. Писатели этого рода всего чаще просто переписываютъ другъ у друга. Перечитавъ едва-ли не всѣ книги о Черногоріи, я пришелъ къ заключенію, что очень большая доля того, что находится въ книгахъ полковника Віалла 1720 г., Ами Буэ 1840 г., С. Робера 1844 г., Шопена и Убичини 1856 г., Ленормана 1866 г., Деларю 1862 г., а также и другихъ писателей, ни

что иное, какъ буквальное переписываніе одного у другого. Единственные путешественники, заслуживающіе нашего вниманія—это русскіе: А. Н. Поповъ и Е. П. Ковалевскій, о которыхъ впослѣдствіи упомяну.

Віалла, Буэ, Роберъ имѣютъ значеніе только потому, что передаютъ нѣсколько характеристичныхъ фактовъ, забытыхъ народомъ.

Почти всѣ путешественники говорили о черногорской жизни подъ вліяніемъ своихъ домашнихъ взглядовъ и привычекъ. И нашли страннымъ, что дѣвушки или женщины сами пашутъ землю, носятъ на плечахъ по два и по три пуда изъ Цетинья въ Каттаро, на разстояніи болѣе пяти часовъ ходьбы и т. п. Но они не подумали, что въ это самое время ихъ мужья, братья, отцы или работаютъ еще усерднѣе, или стоятъ на турецкой границѣ часовыми, слѣдя за движеніемъ турокъ; что черногорцы заставляютъ женщинъ работать не изъ принципа, какъ восточные народы, а изъ нужды, изъ бѣдности. Нужда и бѣдность заставляютъ работать вездѣ. Мнѣ случалось видѣть самому въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и проч. женщинъ, отъ восьмилѣтнихъ дѣвочекъ до шестидесятилѣтнихъ старухъ, работающихъ въ удушливой атмосферѣ фабрикъ, съ семи часовъ утра до семи вечера. Стало быть, нѣмки, француженки, англичанки тоже рабыни? Эм. Зола говоритъ о французскихъ женщинахъ, которыя рабынями не считаются, слѣдующее: «Французская крестьянка, разъ выйдя замужъ, по большей части хорошо ведетъ себя. Она очень много работаетъ. Среди каждаго поля мы видимъ согбенныхъ женщинъ, работающихъ безъ отдыха, безъ перерыва,—это рабочіе волы. На сѣверѣ Франціи крестьянка большею частію умственно ниже крестьянина. Она покорна ему. На югѣ она трепещетъ мужа, на сѣверѣ иногда попадаются бой-бабы. Смерть приходитъ, какъ избавленіе. Во французскихъ селахъ роль женщины ограничивается рожденіемъ дѣтей и трудомъ; у нея нѣтъ другого дѣла.

Суевѣрно-набожная, она слѣдуетъ узкимъ обрядамъ религіи и не можетъ способствовать смягченію нравовъ своихъ близкихъ. Если крестьяне развиваются такъ медленно, то это потому, что ихъ женщины не въ состояніи играть своей цивилизующей роли».

Вотъ характеристика самой свободной женщины; развѣ она лучше черногорки по Фриллею?

«Черногорки,—говорятъ Фриллей и Влаховичъ,—находятъ удовольствіе въ ихъ подчиненности и униженіи и даже видятъ въ этомъ удовлетвореніе своего самолюбія, совершенно не понимая того, что оно—просто самолюбіе вьючнаго животнаго, работающаго изъ всѣхъ своихъ силъ. Черногорецъ бьетъ свою жену, дочь или сестру самымъ жестокимъ образомъ, но это наказаніе не озлобляетъ ее; напротивъ, она переноситъ его съ гордостью!»

Возможно-ли вѣрить, чтобы такой нравственный народъ, какъ черногорцы, которые не заставили работать даже плѣнныхъ турчанокъ, чтобы они заставляли работать своихъ родныхъ матерей или чтобы ихъ матери сносили побои съ охотою и даже съ удовольствіемъ? Черногорецъ счелъ бы оскорбленіемъ назваться сыномъ рабыни и Боже сохрани, чтобы онъ назвалъ жену рабой. Какая разница въ этомъ отношеніи у турка-помака и черногорца. Турокъ всегда скажетъ: «Я взялъ жену хорошенькую — рабыню», черногорецъ не иначе, какъ «моя вѣрная люба». Пѣсня говоритъ именно о свободной черногорской женщинѣ: «Не родила меня рабыня-дѣвица, ни була, ни бѣлая латинка, родила меня храбрая черногорка, которая не знаетъ никакого рабства». Чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи къ своему народу, приведу слова А. Н. Попова: «Постоянная война черногорцевъ была одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ развитію особаго характера семейныхъ отношеній. Всякій черногорецъ—воинъ, онъ вооруженъ съ того времени, какъ только можетъ носить оружіе

драться съ врагами. Этотъ военный характеръ черногорца придаетъ ему особенное значеніе въ общественномъ быту, ярко отличное отъ значенія женщины, потому что женщина, какъ не воинъ, не входитъ въ государственныя дѣла, какъ ея мужъ; ея дѣятельность ограничивается кругомъ семьи.

«При родовомъ устройствѣ, женщина не должна была мстить (хотя и есть очень многіе примѣры женской мести, которые и самъ Поповъ приводитъ), равно и мщеніе никогда не падало на женщинъ.

«Во время самой жестокой мести и междоусобной войны, женщина всегда безопасна, свободно ходитъ во враждебныя села, встрѣчается съ врагами, и никогда рука черногорца не поднималась на женщину. Очень интересенъ обычай: когда враждуютъ два племени, то враги, изъ опасенія быть убитыми по дорогѣ, обязаны не покидать своихъ деревень. Но такъ какъ нужно же бывать на общественныхъ рынкахъ: въ Каттаро, Рѣкѣ, Вирѣ, Даниловѣ градѣ, то собираются женщины, дѣвицы, и сопровождаютъ мужчинъ до рынка. Этотъ конвой сильнѣе всякой вооруженной силы, потому что черногорецъ никогда не убьетъ человѣка въ присутствіи женщины.

«Уваженіе къ женщинамъ у черногорцевъ такъ сильно, что онъ раньше проститъ обиду свою, чѣмъ обиду женѣ, матери, сестрѣ, или даже незнакомой женщинѣ. На каждое дерзкое слово, направленное на женщину, одинъ отвѣтъ: или ударъ ятаганомъ, или пуля пистолета. Строгое разграниченіе семейныхъ обязанностей и военный характеръ черногорца кладетъ особый отпечатокъ на отношенія мужчинъ къ женщинамъ и условливаетъ нѣкоторые обычаи, кажущіеся странными съ перваго взгляда, въ которыхъ думаютъ видѣть какое-то рабство и угнетеніе женщины, между тѣмъ, какъ всматриваясь внимательно въ особенныя начала ихъ быта, это поверхностное предубѣжденіе исчезаетъ само собою.

«Правда, что черногорецъ мало заботится о семействен-

ныхъ занятіяхъ; почти всѣ домашнія работы принадлежатъ женѣ; она цѣлуетъ мужчинамъ руку и называетъ мужа не иначе, какъ господаремъ, но, съ другой стороны, черногорка можетъ имѣть свое имущество, ея личность обезпечена болѣе еще, нежели личность мужчины. Права мужчинъ и женщинъ однѣ и тѣ же, и нѣтъ никакой зависимости, кромѣ нравственной.

«Женщина черногорская дика и робка внѣ своего дома, но за то нѣтъ гостепріимнѣе и услужливѣе хозяйки, какъ черногорка—дома».

С. Роберъ также понялъ эту сторону черногорской жизни:

«Черногорка, — говоритъ онъ, — для черногорца святыня, онъ бережетъ ее отъ всякаго оскорбленія. Черногорка очень учтива и гостепріимна, если вы путешественникъ и особенно иностранецъ. Стоитъ спросить у женщины воды, чтобы она принесла вамъ молока или вина и, притомъ, безъ всякаго денежнаго вознагражденія». Таковъ же отзывъ и Ами Буэ.

VII.

Черногорская дѣвушка всѣми любима въ домѣ. Особенно нѣжная любовь существуетъ между братомъ и сестрой, и подобной любви, по моему мнѣнію, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ отыскать невозможно. Дѣвушка, какъ членъ семейства, по смерти отца, можетъ получить въ наслѣдство все имущество, кромѣ родительскаго оружія, принадлежащаго, въ силу обычнаго права, ближнему родственнику, способному употребить это оружіе противъ врага. Есть обычай, что если остаются послѣ смерти отца мололѣтнія дѣти и между ними сыновья, то дочь въ наслѣдство ничего не получаетъ, кромѣ собственнаго имущества матери; но за то братья, а въ случаѣ ихъ малолѣтности опекуны изъ ближайшихъ родственниковъ, должны выдать ее замужъ и купить всѣ необходимыя для приданаго вещи. Если

она почему-нибудь не выйдетъ замужъ, то имѣетъ право оставаться подъ родительскимъ кровомъ до самой смерти.

Дѣвушка пользуется совершенною полноправностью съ мужчиной. Ее допускаютъ одну предъ сельское начальство, предъ высшій судъ—сенатъ, предъ лицо государя и вездѣ она можетъ изложить ея претензіи; ея присяга имѣетъ одинаковое значеніе съ присягой мужчины. Во многихъ случаяхъ она пользуется снисхожденіемъ, недоступнымъ мужчинѣ. Ее всякій защищаетъ, если только она пользуется хорошей репутаціей; въ противномъ случаѣ даже ея близкіе родственники отказываются принимать въ ней участіе.

Въ Черногоріи, какъ и вездѣ на югѣ, выходятъ замужъ очень рано: тринадцати-четырнадцати-лѣтній возрастъ считается зрѣлымъ.

Обрученія дѣлались, бывало, еще въ колыбели между пятимѣсячными дѣвочками и двухлѣтними мальчиками. Между прочимъ, и я былъ обрученъ такимъ же образомъ.

Въ 1856 году, во время непрерывной войны съ турками, мой отецъ предводительствовалъ нашимъ племенемъ и однажды аттаковали непріятельскую позицію около Скутарскаго озера. Турки-албанцы, которые въ храбрости нисколько не уступаютъ черногорцамъ, защищались очень удачно; нѣсколько безуспѣшныхъ аттакъ еще болѣе воодушевили дикое арнаутское племя и оно, не выждавъ послѣдняго нападенія, бросилось на черногорцевъ съ ятаганами въ рукахъ. «Страшная была эта минута!— разсказывалъ мнѣ послѣ отецъ.—Ружейные выстрѣлы стихли, только изрѣдка щелкали «леденицы»—маленькіе пистолеты, которыхъ пули или достигали убѣгающаго, или заканчивали жизнь раненаго... Успѣхъ сначала клонился на нашу сторону, албанцы отступали, но, вдругъ, мы увидѣли на правомъ флангѣ два турецкіе полка, которые открыли по насъ огонь. Не мудрено было ужаснуться въ десять разъ сильнѣйшаго и не менѣе храбраго непріятеля! Что оставалось дѣлать? Нужно было

отступать. Такъ мы и сдѣлали. Я шелъ,—если не послѣднимъ, то изъ послѣднихъ. Вдругъ непріятельская пуля, искавшая меня, ранила въ ногу... Я упалъ и не могъ тронуться ни на шагъ. Голосъ мой, звавшій помощь, былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: отъ сильной ружейной пальбы ничего не было слышно. Значитъ, я пропалъ... Вслѣдствіе сильнаго кровотеченія я ослабѣлъ ужасно, но не потерялъ сознанія; ожидая вѣрной смерти, я все-таки рѣшился продать жизнь подороже: въ рукахъ я держалъ пистолетъ заряженный и ждалъ своего палача... Недолго мнѣ пришлось ждать, я и теперь припоминаю, какъ албанцы съ азартомъ приближались, перегоняя другъ-друга: каждый хотѣлъ первымъ отрубить мою голову. Наконецъ, одинъ красивый горецъ, съ ятаганомъ въ правой рукѣ, и съ головой черногорца въ лѣвой, кинулся на меня, крича какія-то непонятныя для меня слова, но удачный мой выстрѣлъ послалъ этого храбраго молодца въ рай Магомеда. Но за то второй бросился на меня съ ужаснымъ ревомъ. Страшно мнѣ было видѣть смертъ передъ своими глазами!... Еще два шага, еще одинъ ударъ—и я былъ бы убитъ... но судьба, которой я вѣрю, спасла меня. Не знаю, откуда-то выскочилъ молодой черногорецъ Михайло, уроженецъ Цеклина, который однимъ уданомъ ятагана отрубилъ голову смѣлому арнауту, и, затѣмъ, не долго думая, взвалилъ меня на плечи и вынесъ въ безопасное мѣсто. Черезъ нѣсколько дней я его увидѣлъ и предложилъ слѣдующую благодарность: «Первый сынъ у меня и первая дочь у тебя—будутъ мужемъ и женой». Такъ и случилось: родился ты, и у него родилась дочь—Милица. Какъ только вы родились, я сейчасъ послалъ ему обручальное кольцо и, обмѣнявшись посѣщеніями, повеселились, радуясь тому, что между двумя племенами «пріятельство».

Но если случайно родится у обоихъ отцовъ по сыну, тогда они должны быть «побратимами», а если по дочери, тогда

онѣ должны быть «сестрами». Объ этомъ я поговорю впослѣдствіи.

Я свою невѣсту видѣлъ только разъ въ жизни и то, когда мнѣ было отъ роду лѣтъ семь. Она мнѣ нравилась, я называлъ ее «вѣреницею» (невѣстою), отдалъ ей въ подарокъ какую-то турецкую брошь, но обстоятельства заставили насъ разойтись; я уѣхалъ заграницу учиться. а она осталась дома, заболѣла и умерла...

Такихъ случаевъ бываетъ много, и обычай считается святымъ, сильнѣйшимъ иного религіознаго. Рѣдко найдется черногорецъ или черногорка, которые отказались бы отъ брака, заключеннаго ихъ родителями; черногорское народное право позволяетъ отказаться только въ случаѣ наличности какого-либо умственнаго или физическаго недостатка, напр. въ случаѣ сумасшествія, слѣпоты и пр. Правда. не разъ случалось, что два племени, поссорившись, измѣняютъ этому условію, или, по-просту, дѣвушка, заинтересовавшись другимъ, отказывается отъ жениха. Тогда начиналась «кервава освѣта» (кровавая месть). Приведу въ примѣръ эпизодъ, случившійся лѣтъ сорокъ назадъ, о которомъ говорила вся Черногорія.

На четверть часа разстоянія отъ Цетинья находится, подъ высокими скалами, маленькое село, въ которомъ видно до двадцати бѣлокаменныхъ домовъ, которые всѣ снабжены бойницами, на случай нападенія непріятеля. Эта деревня называется «Доньи Край», живетъ въ ней маленькое племя Ивановичей,

Одинъ изъ нихъ, по имени Илья Ивановъ, отправившись однажды въ гости въ сосѣднюю деревню Баице, къ племени Мартиновичамъ, увидѣлъ красивую дѣвочку еще въ колыбели. Она такъ ему понравилась, что Илья, въ азартѣ отъ нея и отъ угощенія, сказалъ предводителю Мартиновичей: «Слышишь, братъ, мы сосѣди, живемъ дружно, а чтобы скрѣпить эту дружбу родствомъ, отдай твою дѣвочку за моего пятилѣтняго сына Маркишу! Пусть дѣти растутъ, пока не выростутъ, а

потомъ сыграемъ свадьбу». Илья согласился. Сказано—сдѣлано. Сейчасъ послѣ этихъ словъ вышелъ изъ дому одинъ изъ Мартиновичей и выстрѣлилъ изъ пистолета. Этимъ выстрѣломъ онъ далъ знать, что будетъ празднество. Немедленно собралось все племя, появились водка и вино, началось веселье, стрѣльба, занялъ и гусляръ свое мѣсто, началъ онъ «уз гуслярни звон» пѣть «Женитьбу Максима Черноевича». Пиршество продолжалось всю ночь; церемонія свадебная тоже была соблюдена: подъ конецъ привели пятилѣтняго жениха, одѣтаго въ золото, съ двумя маленькими пистолетами за поясомъ, и онъ, подойдя къ своей невѣстѣ и поцѣловавъ ее, подарилъ ей перстень.

Утромъ всѣ разошлись. Годъ шелъ за годомъ, пока росла Кристина. Чертырнадцати лѣтъ отъ роду она была высокой, стройной красавицей и обращала на себя всеобщее вниманіе. Молодцомъ оказался и Маркиша, но не съумѣлъ затронуть сердца невѣсты; не его полюбила она, а другого юнака, который, опасаясь Маркишиной мести, рѣшился уйти въ Турцію. Долго отговаривали его родственники отъ этого поступка, но все по-напрасну, онъ убѣжалъ въ Антивари съ Кристиной и тамъ поселился. Этимъ не кончилось дѣло. Ивановичи нашли себя оскорбленными, зачѣмъ Мартиновичи такъ вѣроломно уничтожили этотъ бракъ, и рѣшили мстить. За смерть одного Мартиновича, его родственники убили одного Ивановича: выступила на сцену «кровавая месть». Рѣзня продолжалась шестнадцать лѣтъ, и въ теченіи этого времени съ обѣихъ сторонъ погибло шестьдесятъ два человѣка, все отборныхъ, храбрѣйшихъ и честнѣйшихъ черногорцевъ. Только усиліями владыки Петра они помирились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Мартиновичи выдали за одного изъ Ивановичей дочь воеводы Богдана: послѣ свадьбы заключенъ былъ вѣчный миръ.

Бываютъ и такіе примѣры, что, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, родъ имѣетъ только единственнаго представителя, какого-нибудь мальчугана. Что же дѣлать? Парень хотя и ма-

лолѣтній, но все-таки черногорецъ и, притомъ, хозяинъ дома. Положимъ, хозяинъ плохой, у него нѣтъ жены, да и самый домъ безъ женщины считается пустымъ, согласно съ пословицами: «тешко кучи, гдѣ нема жене» (тяжело дому, въ которомъ нѣтъ женщины), «пуста куча, гдѣ нема котуле» (пустой тотъ домъ, въ которомъ нѣтъ юбки). Слѣдовательно, нужно женить мальчугана. Находятъ ему невѣсту изъ храбраго племени, которая обыкновенно моложе его самого, и вѣнчаютъ ихъ, какъ взрослыхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ церемоній. Дѣвчонку приносятъ въ домъ ея мужа, гдѣ она и воспитывается, пока не будетъ въ состояніи раздѣлить супружеское ложе. Такимъ образомъ женился и теперешній князь Николай. Княгиня Милена жила и воспитывалась у отца князя, воеводы Мирка, пока князь оканчивалъ свое воспитаніе въ Парижѣ.

Но въ продолженіи этого времени—Боже сохрани!—если мужъ поцѣлуетъ свою малолѣтнюю жену. Это считается грѣхомъ, въ силу стараго преданія, гласящаго: «Великій грѣхъ развращать дѣвицу раньше, чѣмъ придетъ ея способность рождать». Такого человѣка преслѣдуютъ русалки и плодъ въ утробѣ его жены превращаютъ въ камень. Но и не будь этого повѣрья, уже самая честь черногорца не позволила бы ему совершить проступка. Примѣръ покажетъ, насколько сильна въ подобномъ случаѣ нравственность юноши-черногорца.

У брата черногорскаго владыки и князя Петра II былъ братъ Перо, при жизни владыки—предсѣдатель сената и полководецъ, а послѣ его смерти, владѣтель Черногоріи, до совершеннолѣтія Даніила I. У Пера была хорошенькая дочь Іоанна, которую онъ обѣщалъ, еще въ колыбели, нѣкоему Дулагичу, уроженцу Цеклина. Но Іоанна, выросши, влюбилась въ моего дядю, Петра Мартиновича, и на-отрѣзъ отказала Дулагичу. Отказъ былъ выслушанъ далеко не хладнокровно; не только женихъ, но и все племя возстало противъ этого поступка и in corpore, конечно всѣ вооруженные, пришли въ Цетинье

искать правды. Они не посмотрѣли на то, что Іоанна дочь государя черногорскаго и что она невѣста сына представителя сильнаго и храбраго племени Мартиновичей: они категорически предложили «или выдать имъ дѣвицу Іоанну— или бой на жизнь и смерть». Угроза произвела такое впечатлѣніе, что Перо рѣшилъ лучше мирнымъ путемъ окончить это дѣло. Хотя Іоанна и не любила Дулагича, но, въ виду того, что она была ему обѣщана, владыка разрѣшаетъ взять ее съ собой Дулагичу и держать въ продолженіи двухъ лѣтъ: если Іоанна полюбитъ его въ это время—пусть женится, если нѣтъ— то будетъ женою Петра Мартиновича. Дулагичъ согласился, и съ пальбою, съ пѣснями повезъ красавицу къ себѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ старался ласковымъ обхожденіемъ и подарками подѣйствовать на сердце дѣвушки, но всѣ усилія его были напрасны, она осталась вѣрна своему Петру. «Прежній женихъ,—разсказывала мнѣ послѣ тетка,—старался всѣми способами, чтобы я его полюбила въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ, но никогда не позволялъ себѣ фамильярности, онъ только честно и добросовѣстно угождалъ во всемъ, что я желала». Она осталась непреклонна и, возвратившись домой подъ пальбу изъ ружей, вышла за моего дядю.

Помню еще случай съ дочерью знаменитаго воеводы Вукаловича и уроженцемъ Грахова, Булаичемъ. Она была обѣщана Булаичу еще въ колыбели и свадьба была сыграна съ соблюденіемъ всѣхъ церемоній. Но невѣста, выросши, не влюбила жениха и рѣшилась лучше совсѣмъ не выходить замужъ. Просьбы, даже заклинанія ея отца, извѣстнаго своимъ честнымъ характеромъ, пощадить его, старика, не срамить въ глазахъ народа, не привели ни къ чему: она осталась вѣрною своему намѣренію. Тогда молодой Булаичъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, рѣшился съ горя навсегда оставить свое отечество и переселился въ Сербію, гдѣ и теперь служитъ капитаномъ.

Упомяну еще, что сестра князя Николая, нынѣ г-жа Ла-

менацъ, также не согласилась выдти замужъ за того, кого ей выбрали родители.

Изъ подобныхъ фактовъ видно, что дѣвушка выходитъ замужъ весьма часто по любви. Но въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ право отца: онъ выбираетъ своему малолѣтнему или совершеннолѣтнему сыну невѣсту.

Матери также. хотя рѣже, заключаютъ подобные браки дѣтей. Напримѣръ, двѣ подруги дѣтства, изъ взаимной любви, рѣшаютъ, что ихъ первыя дѣти будутъ мужъ и жена и, утвердивъ свое рѣшеніе клятвою, обмѣниваются подарками. Какая-нибудь черногорка спасла другую отъ смерти или спасла ея отца, брата, сына, родственника, во время междоусобной войны: опять случай для заключенія ранняго брака.

Многіе путешественники утверждаютъ, что въ Черногоріи не существуетъ не только любви, но не бываетъ даже знакомства между женихомъ и невѣстою, что они не видятъ другъ друга до самой свадьбы, и самый день этотъ ожидается очень спокойно и равнодушно дѣвушкою, которая и не старается понравиться своему жениху. Въ этихъ словахъ есть доля правды, но, какъ выше упомянуто, есть большой процентъ выходящихъ замужъ по любви, разумѣется не любви салонной, а по дѣйствительному увлеченію. По обычному праву черногорцевъ, такъ же какъ и по законникамъ Петра I, Петра II, Даніила I, въ бракѣ нужно согласіе родителей, но народъ смотритъ на принужденіе къ браку, какъ на смертный грѣхъ. Уже старая сербская поэзія говоритъ въ пользу свободнаго выбора женихомъ невѣсты, и наоборотъ.

VIII.

Способовъ женскаго гаданья множество. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать все, что можно было бы собрать, ограничимся нѣсколькими примѣрами.

• Мара Милошева Ковачъ разсказывала мнѣ, что въ Цеклинѣ существуетъ такой обычай: въ день св. Георгія, дѣвушки, придя на зарѣ къ колодцамъ за водой, смотрятъ въ глубину до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не потускнѣетъ отъ слезъ, а въ водѣ не покажется изображеніе будущаго жениха. Многія утверждаютъ, что имъ дѣйствительно удавалось его видѣть.

Наканунѣ дня св. Ѳеодора, дѣвушки, выходя изъ церкви, усиленно смотрятъ на небо, стараясь, среди причудливыхъ облачныхъ очертаній, отыскать силуэтъ жениха, что и удается при пылкомъ воображеніи.

Въ Бѣлопавличѣ дѣвушки въ первый день масляницы берутъ у недавно вышедшихъ замужъ женщинъ ночную рубашку и, надѣвая ее, приговариваютъ: «Боже, дай, чтобы я дѣвица... (слѣдуетъ имя гадальщицы) видѣла въ этой рубашкѣ во снѣ моего жениха, какъ видѣла въ ней моя подруга своего мужа (такого-то)».

Въ Граховѣ зимой собираются дѣвушки вмѣстѣ и проводятъ день въ бесѣдахъ и во взаимномъ угощеніи, а когда наступаетъ часъ гаданья, онѣ дѣлятся по двѣ и шопотомъ говорятъ:

Мака. «Я чу мужа черноока!» (Я хочу мужа чернооkаго).

Стана. «Я—висока!» (Я—высокаго).

Мака. «Я—юнака!» (Я—молодца).

Стана. «Я—на ноге лака, да ограби главу у турака!» (Я—легконогаго, чтобы опередилъ всѣхъ, когда будетъ снимать турецкую голову).

Мака. «Я—племича-господичича!» (Я—родовитаго юнака).

Стана. «Я—отъ юначке куче Кривокапича!» (Я отъ храбраго семейства Кривокапичей).

Мака. «Я—потена!» (Я—честнаго).

Стана. «Да будеш ти и я ускоро испрошена!» (И чтобы ты и я были въ скоромъ времени сосватаны).

Подобный разговоръ идетъ у нихъ очень быстро и та счи-

тается лучшей гадалкой, которая можетъ живо и складно отвѣтить на слова первой.

Въ нашей богатой національной поэзіи можно найти много доказательствъ въ пользу того, что черногорецъ, по большей части, холерико-сангвиникъ, способенъ страстно любить и даже страдать по любимому человѣку, несмотря на неблагопріятныя условія, мѣшающія развитію этого нѣжнаго чувства. Въ мѣстностяхъ, болѣе одаренныхъ природою, народныя пѣсни могутъ служить доказательствомъ глубины и страстности дѣвической любви. Вотъ одна изъ нихъ:

Гора темная, тѣнистая!
Счастливъ тотъ, кому доводится
Засыпать въ твоей тѣни!
Кого думы грустныя не мучаютъ,
Какъ меня теперь, несчастную.
Мать меня рѣшилася
Выдать замужъ за немилаго,
За немилаго, за богатаго.
Вѣдь не въ деньгахъ, люди сказываютъ,
Наше счастье заключается,
И богатство—не въ грошахъ только съ дукатами:
Оно въ томъ, что сердцу дорого.
За стараго не дала-бъ я гроша мѣднаго,
И за вдовца—разбитаго горшка,
Но за молодого, не женатаго—
Половину имѣнія отцовскаго,
И даже все отдать бы согласилася...
Съ двумя родными братьями...
А потомъ еще сказала бы,
Что мало я дала!..

Существуетъ еще такая игра у дѣвицъ: одна другую спрашиваетъ:

Вопр. Что быстрѣе лихаго коня?

Отв. Глазъ быстрѣе лихаго коня.

Вопр. Что шире синяго моря?

Отв. Шире моря синяго—небо голубое.

Вопр. Что отца и матери милѣе?

Отв. Женихъ отца съ матерью милѣе.

Есть повѣрье, что дѣвица можетъ заколдовать, влюбить въ себя молодца помимо его воли, или, выражаясь народнымъ терминомъ: «замаджіати»...

Больная молодая жена, на упрекъ матери, зачѣмъ она заколдовала жениха, отвѣчаетъ шаферамъ:

«Послушайте меня, мои два молодые шафера! Надѣюсь на одного Бога, что онъ дастъ мнѣ выздоровѣть, но тогда я не буду вашей невѣсткой, потому что ваша мать укоряла меня, будто я заколдовала вашего брата».

Говоря о брачныхъ обычаяхъ, надо упомянуть о такъ-называемой «отмицѣ»: это—похищеніе, увозъ дѣвицы, который часто случался прежде и случается даже теперь, несмотря на строгія запрещенія еще со времени законника черногорскаго 1798 г. Между прочимъ, онъ говоритъ: «Который человѣкъ ограбитъ чужую жену, если у нея есть мужъ, или увезетъ дѣвушку безъ согласія родителей и родственниковъ, такого человѣка нужно прогнать изъ Черногоріи, какъ беззаконника, мошенника и вора чужихъ дѣтей, а его движимое и недвижимое имущество продать и раздѣлить, все равно, какъ еслибы онъ убилъ человѣка». Въ другомъ параграфѣ говорится, что священникъ, повѣнчавшій похитителя на похищенной, лишается сана и прогоняется изъ Черногоріи. То же самое говоритъ и законникъ князя Даніила I-го 1855 г.

Но эти узаконенія не достигали цѣли. Черногорцы считали подвигомъ увезти дѣвицу. Болѣе всего этотъ обычай практиковался въ Бердѣ и въ Герцеговинѣ. Для уясненія его процедуры я приведу фактъ 1853 г. Жилъ въ деревнѣ Загарачъ черногорецъ съ красавицей дочерью, на которую давно засматривался молодой парень Керсто. Іоке—такъ звали дѣвушку—вполнѣ сочувствовала Керсту, но ея отецъ, заклятый врагъ отца Керста, не могъ хладнокровно видѣть предполагаемаго

будущаго зятя и на предложеніе молодого человѣка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ предпочиталъ выдать дочь за своего избранника, съ которымъ и уговорился скрутить свадьбу въ нѣсколько дней. Керсто рѣшилъ увезти дѣвушку. Въ одну темную ночь онъ пришелъ въ деревню, вызвалъ знаками свою суженую и предложилъ ей бѣжать съ нимъ. Но Іоке боялась: у нея было три брата и множество родственниковъ, они не могли бы простить Керсто, они убьютъ его.

— Не бойся,—разувѣрялъ ее Керсто,—вѣдь я приду не одинъ, а съ десятками двумя товарищей; завтра ночью мы, не какъ воры, а съ выстрѣлами сыграемъ нашу свадьбу... пусть она будетъ кровавая, но за то юнацкая.

Но Іоке не успокоивалась.

— Жаль мнѣ тебя, Керсто, — говорила она,—да жаль отца и трехъ братьевъ. Долго-ли погибнуть кому-нибудь изъ васъ? И какъ тяжело будетъ думать мнѣ, что я одна всему причиною. Но что же дѣлать мнѣ? Обмануть тебя нечестно и страшно, убѣжать съ тобой—значитъ навлечь на себя родительское проклятіе, а что можетъ быть этого страшнѣе?

— Но еще страшнѣе—это стыдъ видѣть свою невѣсту въ рукахъ другого... Что скажутъ юнаки?..

— А! Если такъ, я согласна!.. Оставайся юнакомъ. Затѣмъ васъ Богъ и создалъ, чтобы носить оружіе... Приходи завтра... я буду ждать, но, Бога ради, щади моихъ братьевъ и отца...

На завтра, вечеромъ, горсть молодежи тихомолкомъ подошла къ дому Іоке. Керсто, не теряя времени, увезъ свою невѣсту. Племя загарачъ черезъ четверть часа узнало въ чемъ дѣло и бросилось догонять Керста съ его компаніей. Догнали около Спужскаго луга; произошла кровавая схватка, стоившая нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ. Загарчане, однако, возвратились домой, когда подоспѣло подкрѣпленіе къ Керсту.

Этимъ не кончилась печальная исторія. Племя бѣлопавличей, услышавъ, что пиперы отбили у нихъ невѣсту, рѣшили непремѣнно отмстить, и разъ ночью, собравшись въ числѣ ста человѣкъ, отправились къ дому Керста. Ночь была темная, глухая, облака закутали высокія верхушки крѣпости Єпужа. Молодые спали непробуднымъ сномъ; несмотря на яростный лай собакъ, они проснулись не ранѣе, чѣмъ бѣлопавличи окружили цѣпью домъ.

— Эй, Керсто Ивановъ, выходи не надолго; мнѣ нужно кое-что тебѣ сказать! Выходи скорѣе!—закричалъ одинъ изъ бѣлопавличей.

— Сейчасъ!—послышался отвѣтъ изъ избы.

Черезъ минуту, фигура Керста появилась въ дверяхъ. Тотчасъ раздались три выстрѣла, и, вслѣдъ за ними, замирающій голосъ: «Изверги! обманомъ убили!..»

На шумъ и грохотъ выстрѣловъ выскочила въ одной рубашкѣ, прямо со сна, красавица Іоке. Трупъ мужа, окруженный убійцами, попалъ ей на глаза. «Мстить!» мелькнуло въ головѣ Іоке, она повернулась, чтобы взять пистолетъ, но сильныя руки убійцы уже вцѣпились въ нее. Отчаянный крикъ замеръ въ пространствѣ... Черезъ какихъ-нибудь два часа Іоке была уже въ домѣ ея перваго жениха, и бѣлопавличи стрѣляли на воздухъ отъ радости. Эта кража Іоке и убійство Керста не обошлось бѣлопавличамъ даромъ. Пиперы нѣсколькихъ изъ нихъ выждали въ ущельяхъ и убили, а Іоке черезъ два мѣсяца покончила съ своимъ мужемъ и убѣжала въ Загарачъ. Только тогда окончилось дѣло. Къ Іоке, какъ къ женщинѣ, кровавая месть была непримѣнима. Черногорецъ никогда не согласится обратить оружіе на женщину, хотя бы она въ его глазахъ убила его отца, сына, брата. Недаромъ они говорятъ: «Менѣе согрѣшишь, если убьешь безъ причины сотню вооруженныхъ людей, чѣмъ если рукой тронешь беззащитную женщину». Въ 1875 г., во время герцеговинскаго возстанія, тур-

чанка Фатима на глазахъ черногорцевъ убила двухъ изъ нихъ, и однако черногорцы, имѣвшіе полную возможность отплатить ей смертью за смерть, отпустили ее здравою и невредимою въ Мостаръ. По старому обычаю, женщины всегда имѣли полное право и возможность во время самой ожесточенной рѣзни между двумя племенами свободно ходить въ деревни воюющихъ племенъ.

«Отмица» практиковалась не только въ Черногоріи, но и въ Албаніи, и у турокъ-помаковъ.

IX.

Для уясненія свадебныхъ обычаевъ Черногоріи, въ которыхъ, по моему мнѣнію, проглядываетъ чисто славянская далекая старина, передамъ слѣдующій разсказъ.

Молодой юнакъ Михаилъ не разъ встрѣчался на хороводахъ съ красавицей Зоркой, танцовалъ съ нею нѣсколько разъ, сопровождая танецъ публичнымъ поцѣлуемъ.

Придя однажды домой, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда домашніе усядутся вкругъ костра—толковать о старинѣ. Наконецъ, заколыхалось красноватое пламя, раздался звонъ гуслей—національнаго инструмента, безъ котораго черногорецъ считаетъ домъ пустымъ: «Тешко кучи, гдѣ гусала нема», говоритъ черногорская пословица («тяжело дому, въ которомъ нѣтъ гуслей»). Только Михаилъ что-то грустенъ... «Милошу, што ти е?»—спросили его окружающіе.—«Ништа!»—отвѣчаетъ Михаилъ, покуривая короткую трубочку. Однако, подъ конецъ его языкъ развязался.

— Отецъ!—началъ онъ: — приглядѣлась мнѣ одна дѣвица, и я хотѣлъ бы жениться на ней... Разрѣшишь-ли ты мнѣ это?

— Разрѣшаю, Милошъ, разрѣшаю... Но какого она дому

и племени? Если она дочь не храбрыхъ родителей, тогда только не соглашусь благословить тебя.

— Она изъ кроваваго и храбраго рода Янковичей.

— Янковичей? А, въ такомъ случаѣ я согласенъ, даже если она слѣпая или хромая.

И старикъ началъ разсказывать подвиги этого храбраго племени, которое два раза брало у турокъ крѣпость Жаблякъ одними ятаганами.

Кто-то изъ женщинъ спросилъ еще: «красивая-ли она?»

— Ну, что такое... красивая?.. Не посылать ее въ Венецію на показъ!.. А вотъ, здорова-ли она? Будетъ-ли рожать молодцовъ, похожихъ на ея родственниковъ?

— Да, она красива,—отвѣтилъ, краснѣя, Милошъ.

Въ домѣ рѣшили просить руку Зорки, но предварительно сговорились никому о томъ не сказывать, потому что, въ случаѣ отказа, будетъ стыдъ и срамъ. На слѣдующій день одинъ изъ пожилыхъ и достойнѣйшихъ членовъ племени Милоша, Богданъ, отправился просить руку Зорки.

Депутатъ пришелъ въ домъ Янковича и повелъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Остановившись на порогѣ дома, онъ прежде всего закричалъ: «Добар вече!»—«Добра ти среча!» отвѣчали гостью. Онъ вошелъ въ домъ. «А дома-ли старина Марко!»—«Дома».—«Ну, что, друзья, какъ поживаете, нѣтъ-ли голосовъ изъ Албаніи, не бывали-ли въ гайдуцкихъ четахъ, убили-ли сколько-нибудь турокъ?» посыпались обычные вопросы. Между тѣмъ, женщины, случайно оказавшіяся въ нарядной одеждѣ, подошли поцѣловать руку Богдану. Въ числѣ ихъ была и Зорка. Депутатъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Осмотрѣвъ дѣвушку, что называется, съ головы до ногъ, онъ проговорилъ наконецъ: «Згодна си, дѣвойка, жива била!—(красивая ты, дѣвица, будь здорова!)

Жена хозяина сняла съ гостя «струку» (родъ плэда) и подала ему треногій стульчикъ. Вскорѣ появилась у костра

водка, а затѣмъ и ужинъ. Подкрѣпившись, старикъ Богданъ началъ такую рѣчь:

— Самъ я знаю, и отъ честныхъ людей слышалъ, что есть у тебя дочь Зорка. Я и все наше племя желало бы породниться съ вами,—согласенъ-ли ты выдать ее за моего племянника замужъ?

— Не знаю...—отвѣчалъ хозяинъ,—я бы и самъ хотѣлъ того же, но нужно сначала спросить дочь.—И, позвавъ жену и дочь, спросилъ, какъ онѣ находятъ партію?

Стыдливое молчаніе невѣсты—у черногорцевъ знакъ ея согласія. Отцу оставалось только пожать Богдану руку и сказать при этомъ: Даю вамъ ее... Дай Богъ, чтобы она принесла вамъ счастье.

— Хвала тебѣ, братъ!—отвѣтилъ Богданъ. Они поцѣловались. Богданъ вынулъ изъ кармана червонецъ и подарилъ его Зоркѣ. Если дѣвица не беретъ денегъ, значитъ, она не согласна на бракъ.

Утромъ депутатъ началъ собираться домой, предварительно уговорившись никому не разсказывать объ обрученіи и, затѣмъ, еще назначивъ время окончательной, такъ-называемой «великой просьбы», въ отличіе отъ «малой», о которой сейчасъ разсказано.

Возвратился Богданъ домой и разсказалъ, что все хорошо, что черезъ недѣлю будетъ «великая просьба». Послѣ такого радостнаго извѣстія пригласили всѣхъ почти родственниковъ: по обычаю, они тоже, положимъ только по формѣ, должны дать согласіе на этотъ бракъ. Отецъ началъ рѣчь общеупотребительною фразою:

— Что скажете вы, мои сродники, — я хочу женить моего сына Милоша на дѣвицѣ Зоркѣ (дочери) Янковича. Согласны-ли вы на этотъ бракъ?

— Мы согласны!—отвѣтили сродники, и начался веселый пиръ, продолжавшійся до утра.

Точно также сдѣлали и родственники Зорки.

Черезъ недѣлю племя выбрало четырехъ старыхъ и храбрыхъ черногорцевъ, между которыми былъ и отецъ Милоша, и отправились съ подарками формально искать руки Зорки. Получивъ формальное согласіе, отецъ Милоша далъ кольцо красавицѣ Зоркѣ: она взяла его и надѣла на палецъ. Послѣ этой церемоніи, всѣ усѣлись вокругъ стола и началось угощеніе, сопровождаемое пѣснями, гуслярнымъ звономъ и грохотомъ выстрѣловъ. Въ пирушкѣ приняла участье и Зорка.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи существуетъ обычай — послѣ поднесенія гостямъ по третьему стакану вина подносить его и дѣвицѣ. Если она его выпьетъ, то это съ ея стороны равносильно публичному согласію на бракъ.

За обѣдомъ гости обѣихъ сторонъ перемѣняются подарками: рубашками, опанками, платками, женщинъ дарятъ мыломъ и т. п. Между прочимъ, отецъ Милоша подарилъ Зоркѣ румяное яблоко, а въ немъ золотую или серебряную монету. Этотъ символическій подарокъ, по мнѣнію многихъ,—пожеланіе невѣстѣ здоровыхъ и румяныхъ дѣтей, а монета — пожеланіе имъ золота и серебра въ изобиліи. Невѣста, немедленно по полученіи этихъ подарковъ отдала ихъ въ руки брата (иногда подарки передаются при посредствѣ матери жениха).

Невѣста отвѣчаетъ тоже подарками. Она даритъ рубашки, полотенца, платки, даритъ и будущаго свекра: только въ знакъ особеннаго уваженія рубашка для него была завернута и подана въ платкѣ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, отецъ невѣсты, взявъ гусли, затянулъ обычную въ данномъ случаѣ народную пѣсню:

Перстен дава Јанко харамбаша,
За перстеном ябуке се маша,
У ню мече до десет дуката,
Све дуката от чистога злата, и проч.
(Янко атаманъ даетъ кольцо, а за кольцомъ и яблоко ру-

мяное, вложивъ въ него десять червонцевъ изъ червоннаго золота).

Послѣ этой пѣсни, имѣющей значеніе обряда, дѣло считается оконченнымъ: «перстен давай—свадьбу уговарай»; перстен је найвеча вѣра»; «без прстена нема разговора» (Кольцо давай—про свадьбу говори; кольцо—самое сильное ручательство; безъ кольца нѣтъ и бесѣды о свадьбѣ). «Златан перстен род вѣре дѣвойци: чи је перстен—тога и дѣвойка» (Золотое кольцо замѣняетъ слово дѣвушки: чье кольцо — того и дѣвушка).

Конечно, бываетъ, что сватанье разстраивается, особенно, если находятся какія-нибудь уважительныя причины. Народъ презираетъ вѣроломство и извиняетъ только слѣдующіе случаи: 1) если дѣвица измѣнитъ своему жениху и войдетъ въ интимныя сношенія съ другимъ; 2) если, послѣ сосватанія, невѣста, по несчастью, потеряла разсудокъ, зрѣніе, способность говорить и т. п.; 3) если какими-нибудь судьбами открылось, что женихъ съ невѣстой близкіе родственники и, стало быть, по православнымъ канонамъ, бракъ состояться не могъ бы. Сватанье разстраивается также, если женихъ не понравится невѣстѣ или наоборотъ; но на это народъ смотритъ уже какъ на преступленіе и съ презрѣніемъ относится къ племени, измѣнившему своему слову, а оскорбленная сторона съ оружіемъ въ рукахъ ищетъ удовлетворенія. Народъ говоритъ въ пѣснѣ:

Грехота је любите дѣвойку,
Облюбити, па ю оставити.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Черногоріи не такъ строго смотрятъ на измѣну жениха «великой просьбѣ (свилѣ), какъ на измѣну слову, данному лично невѣстѣ. Обманутая дѣвушка преслѣдуетъ его проклятіями, имѣющими, по мнѣнію народа, большую силу.

«Проклятъ будь, незнаемый молодецъ,—поется въ пѣснѣ,—что испортилъ все мое лицо. Боже, дай болѣзнь тебѣ на де-

вять лѣтъ! чтобъ болѣлъ ты—не поправился, и чтобъ смерти тебѣ не было, пока не выпросишь прощенія, не выстроишь церковь средь дороги: пусть тогда лишь похоронитъ передъ ней тебя твоя матушка! Такъ клята Дунайка-дѣвица, такъ клята, да такъ и сбылося».

Женихъ, если онъ измѣнитъ невѣстѣ, обязанъ навсегда оставить свою родину, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, въ силу особаго соглашенія, онъ обязывается только возвратить полученные имъ подарки. Невѣста при подобныхъ же условіяхъ возвращаетъ вдвое болѣе подарковъ. Часто случается, что измѣнникъ, боясь мести невѣстиныхъ родственниковъ, бѣжитъ въ Турцію, Австрію или поступаетъ въ гайдуки, между тѣмъ какъ отецъ его, чтобы предотвратить весьма возможное несчастіе, старается женить на оставленной невѣстѣ своего другого сына или какого-нибудь родственника.

Случается также, что женихъ до самой свадьбы не знакомъ съ своею невѣстою и даже не видитъ ея. Впрочемъ, нынѣ это бываетъ очень рѣдко. Въ силу стариннаго обычая, женихъ имѣетъ возможность видѣть свою суженую, если хорошенько попроситъ ея родственницъ; какъ скоро онѣ согласны, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее. А она принимаетъ этотъ поцѣлуй со стыдомъ, съ смущеніемъ и даже какъ-бы съ негодованіемъ, и обыкновенно бѣжитъ отъ жениха. Тотъ, въ свою очередь, догоняетъ и даетъ бѣглянкѣ золотую или серебряную монету, которая обыкновенно бываетъ съ презрѣніемъ отброшена невѣстой. Какое символическое значеніе имѣетъ этотъ обычай, не знаю, но думаю, что цѣль его—поднять, по возможности, въ глазахъ мужчинъ униженную природой женщину. Здѣсь мужчина какъ бы теряетъ свою естественную власть надъ женщиной, онъ вынужденъ просить; невѣста показывается ему въ видѣ только особеннаго снисхожденія, котораго онъ, собственно говоря, не заслуживаетъ. Съ тою же мыслью о нравственномъ возвышеніи женщины не-

рѣдко составляется уговоръ между дѣвушками-невѣстами—не принимать монеты: «Мы, молъ, не хотимъ продавать себя за золото и серебро». Быть можетъ, въ этомъ уговорѣ отразился протестъ женщины, игравшей такую жалкую, пассивную роль въ прежнее время, когда невѣстъ дѣйствительно покупали за деньги, не спрашивая ихъ согласія.

Драматическій разказъ французскаго полковника Віалла достаточно обрисовываетъ послѣдствія измѣны жениха невѣстѣ.

Молодой юнакъ Драго Колоровичъ влюбился въ дѣвицу Яну Стигличъ, которая отвѣчала ему полной взаимностью. Родственники Драго и Яны условились во всемъ, что касалось формальной стороны брака, перемѣнились подарками и кольцами, но, въ виду необходимости уѣхать Драго за границу, поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы Яна ждала его шесть лѣтъ, оставаясь ему вѣрною.

Яна,—дочь извѣстнаго честностью племени,—не переставала любить своего жениха въ теченіе назначенныхъ шести лѣтъ, не смотря на то, что многіе молодые люди изъ хорошихъ семействъ просили у нея руки.

Тяжелое было испытаніе Яны—ждать шесть лѣтъ страстно-любимаго человѣка, съ которымъ раздѣляли ее цѣлыя тысячи верстъ. Драго все это время путешествовалъ по востоку и, наконецъ, въ одно прекрасное утро вернулся...

Можно представить себѣ радость вѣрной Яны, когда она узнала, что женихъ ея пріѣхалъ въ Каттарскую гавань. Она просто не знала, что ей дѣлать отъ радости. Шутка-ли, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть любимаго человѣка цѣлыхъ шесть лѣтъ! Но увы! Драго вернулся не тѣмъ, какимъ онъ уѣхалъ; онъ привезъ съ собою привычки, вкусы и обычаи высшаго сословія, и не захотѣлъ уже обратить вниманія на свой прежній предметъ любви. Впрочемъ, онъ относился не ко всѣмъ дѣвицамъ своей родины одинаково-презрительно; одна изъ нихъ, красотка Бѣла, сдѣлала на него довольно сильное впечатлѣніе.

Благодаря откровенности подругъ, Яна скоро узнала кто ея соперница. Долго страдала несчастная, глядя на ласки и вниманіе Драго къ его новой невѣстѣ. Румяное когда-то лицо ея поблѣднѣло, какъ снѣгъ, глаза, прежде сверкавшіе огнемъ, какъ раскаленные уголья, совершенно потухли, веселая Яна стала задумчива, и на поблекшихъ губахъ, вмѣсто прежней счастливой улыбки, одна нервная гримаса, это отраженіе нравственнаго страданія... Словомъ, отъ той Яны, которая была до пріѣзда Драго, осталась одна тѣнь.

Въ горѣ не разъ приходила ей страшная мысль, умертвить свою соперницу, но не долго оставалась въ памяти; слезы и рыданія замѣняли ее.

Не разъ она говорила себѣ, акцентируя свои слова глубокою грустью: «Я буду выносить свое горе, моя соперница ничего не сдѣлала мнѣ,—за что я убью ее! Развѣ она виновата, что Драго полюбилъ ее?.. Нѣтъ, виновата я сама. Я просто завидую счастью Бѣлы—зачѣмъ она любима, а я презрѣна отъ этого негодяя... измѣнника... Нѣтъ, я не могу сносить, чтобы онъ на моихъ глазахъ любилъ другую... я лишу себя жизни!..»

Несчастная уморила себя голодомъ, чтобы не быть свидѣтельницею счастія Драго и Бѣлы.

Но когда родители Бѣлы узнали объ измѣнѣ Драго, ему было отказано въ рукѣ ихъ дочери. Отвѣтомъ на его просьбу была презрительная фраза: «Убирайся! Ты на все способенъ. Если ты рѣшился измѣнить такой честной дѣвушкѣ, какъ Яна, ты не стоишь руки и нашей дочери».

Всѣ сверстники и сверстницы жалѣли несчастную Яну и договорились, чтобы никто изъ нихъ не говорилъ съ Драго...

Такъ и сдѣлали. Драго всѣ презирали, какъ измѣнника, недостойнаго общества честныхъ людей, и только послѣ того, какъ онъ сознался въ сдѣланной имъ подлости, уже по исте-

ченіи шестилѣтняго срока, начали говорить съ нимъ мстители погибшей дѣвицы.

Какой примѣръ! — восклицаетъ Віалла, — какой урокъ между подобнымъ народомъ! Какая душа! Какая моральная сила въ душѣ этихъ женщинъ!

X.

Между великой просьбой, когда невѣста принимаетъ кольцо, и свадьбой проходитъ разное время, что вполнѣ зависитъ отъ заключеннаго обѣими сторонами условія. Обыкновенный срокъ — годъ, но бываетъ и больше. Наши народныя пѣсни говорятъ о долгихъ промежуткахъ: одна дѣвушка назначаетъ семь лѣтъ до свадьбы, другая ждетъ девять лѣтъ, и т. п.

Между просьбой и свадьбой женихъ очень часто посѣщаетъ свою невѣсту. Извѣстный знатокъ нашего народа, Вукъ Караджичъ, утверждаетъ, что женихъ бываетъ въ домѣ невѣсты только на Рождествѣ, на Пасхѣ, или на «крестное имя» и что онъ никогда не говоритъ съ своей невѣстой, что она отъ него скрывается и смотритъ изъ-за угла на своего будущаго мужа. Но этого нельзя считать за правило. Это можетъ быть справедливымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разстояніе между ними на пять, на шесть дней ходу, но если разстояніе не велико, женихъ безъ церемоніи заходитъ въ пріятельскій домъ. Также не точенъ Караджичъ, когда говоритъ, что женихъ обязанъ снабжать невѣсту «опанками» до самой свадьбы. Я такого обычая въ Черногоріи не видѣлъ. Женихъ можетъ дѣлать подарки невѣстѣ, но не обязательно обувью. Невѣста пользуется полной свободой: ей, какъ и прежде, дозволяется ходить одной по рынкамъ, бывать на хороводахъ, на общественныхъ праздникахъ и т. п. Всѣ домашніе помогаютъ

ей въ заготовкѣ приданаго («перчіи»), которое состоитъ только изъ одежды. Черногорецъ очень рѣдко беретъ за женой деньги или какое-нибудь недвижимое имущество, исключая тотъ случай, когда она останется единственной наслѣдницей всего родительскаго имущества.

Наконецъ, приходитъ пора и увозить невѣсту. Чтобы это было сдѣлано болѣе дружески, сходятся съ обѣихъ сторонъ депутаты и уговариваются, во-первыхъ, относительно времени прихода или пріѣзда свадебнаго кортежа за невѣстой (обыкновенно выбирается время, когда полевыя и домашнія работы прекращаются) и, во-вторыхъ, сколько будетъ со стороны жениха сватовъ и кто именно.

Приглашенные въ сваты обыкновенно избираются изъ всей Черногоріи. Наканунѣ дня отъѣзда они сходятся въ домъ жениха, который получаетъ въ это время въ подарокъ большіе хлѣбы (такъ-называемые «погачи»), цѣлыхъ жареныхъ барановъ, свиней (такъ-называемыя «пецива»), вино, водку и т. п. Всѣ сваты ужинаютъ, пьютъ и веселятся, здѣсь же условливаются—кто какое выберетъ себѣ названіе. Одинъ назовется первенецъ, второй—старый сватъ, другіе два—шаферы, далѣе—воевода, кумъ, остальные—просто сваты. Первенецъ—это передовой вѣстникъ, на немъ лежитъ обязанность идти передъ кортежемъ и извѣстить родственниковъ невѣсты, что кортежъ приближается. Обыкновенно онъ избирается изъ храброй лихой молодежи. Старый сватъ (большей частью, лицо отличное отъ первенца) долженъ владѣть даромъ слова. Ему приходится болѣе всѣхъ говорить рѣчи: это искусство даетъ славу умнаго человѣка; онъ выбирается изъ честныхъ, храбрыхъ и пожилыхъ черногорцевъ. Шафера бываютъ всегда родные или двоюродные братья жениха; если же таковыхъ не имѣется, то они берутся изъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Воевода въ свадебномъ поѣздѣ занимаетъ роль незначительную. Кумъ избирается по разсчету,—выборъ па-

даетъ на то лицо, которое семьѣ жениха желательно бы было ввести въ число своихъ родственниковъ. Сваты бываютъ друзья и пріятели жениха, набираемые изъ всей Черногоріи.

Весь этотъ кортежъ, въ которомъ женщины не участвуютъ, рано утромъ съ пѣснями, шумомъ, выстрѣлами отправляется въ далекій путь, который весьма часто тянется по пяти, шести дней; само собой разумѣется, вино и провизію приходится везти съ собой. Первымъ идетъ первенецъ, потомъ старый сватъ, за нимъ кумъ, шафера и сваты, послѣднимъ идетъ воевода. Этотъ порядокъ, впрочемъ, не вездѣ одинаковъ; въ нѣкоторыхъ краяхъ есть и знаменоносецъ. Роль его, по народному обычаю, состоитъ въ томъ, что, недоходя на 100 шаговъ до дому невѣсты, онъ выходитъ изъ кортежа сватовъ, держа въ одной рукѣ знамя, а въ другой заряженный пистолетъ, и начинаетъ танецъ, подскакивая вверхъ. Ему навстрѣчу выходитъ знаменоносецъ со стороны невѣсты и они танцуютъ визави, сильно прикрикивая и стрѣляя изъ своихъ пистолетовъ. Потанцовавъ вдоволь, они цѣлуются и этимъ даютъ знать сватамъ входить въ домъ невѣсты, что они и дѣлаютъ, стрѣляя въ воздухъ.

Возвращаемся къ свадебному кортежу. И такъ, онъ отправился въ путь.

Шумъ голосовъ, ржанье лошадей, выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ—все это смѣшивается въ одинъ общій гулъ, постепенно уменьшающійся по мѣрѣ удаленія отъ деревни. Традиціонный обычай предписываетъ, чтобы сваты несли съ собой водку и вино, которыми и потчуютъ всѣхъ встрѣчныхъ по дорогѣ, не исключая даже турокъ и племенныхъ враговъ. Отказъ отъ этой чести считается грѣхомъ и потому предложеніе принимаютъ всѣ съ благодарностью, а сватовъ провожаютъ благословеніями. Если случайно не хватитъ водки, то ее требуютъ на дорогѣ, въ первой же деревнѣ, и она предлагается безъ всякаго вознагражденія. Если во встрѣчныхъ деревняхъ

есть знакомые жениха или невѣсты, они всегда выносятъ большую бутылку ракіи или водки (такъ называемую «боцу»), а на горлышко бутылки кладутъ яблоко и апельсинъ и предлагаютъ взамѣнъ угощенія сватовъ: «пусть пьютъ на здоровье, въ добрый часъ». Выстрѣламъ и пѣснямъ въ родѣ: «Ой, ябуко зеленико», или« Шета Новакъ Дебелевичъ» и т. п. нѣтъ конца. Въ старину, если два свадебные поѣзда встрѣчались на дорогѣ, то они никакъ не соглашались дать одинъ другому дорогу; это значило бы унизить одну невѣсту передъ другою. Изъ-за этого происходили иногда рукопашныя схватки, кончавшіяся потерею нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Какъ скоро свадебный кортежъ приблизится къ дому невѣсты, первенецъ спѣшитъ увѣдомить ея родителей. При входѣ въ деревню невѣсты, сваты обыкновенно потчуются жителями деревни водкой, виномъ и благожеланіями, въ родѣ слѣдующихъ: «сретна ви была»; «родила ви девет Юговича»; «сречу ви у дом доніела»; «юнаке родила ко што су нјой стари» (счастливъ путь вашъ да будетъ; чтобъ родила вамъ девять Юговичей; чтобы счастье въ вашъ домъ принесла; пусть богатырей родитъ вамъ, какъ ея предки). На всякое доброе слово со стороны сватовъ слѣдуетъ выстрѣлъ. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, сваты останавливаются, а изъ дому выходятъ невѣстины братья и родственники и потчуютъ сватовъ винами. Но въ самый домъ прежде всего входятъ два шафера, изъ нихъ одинъ несетъ опанки, которыя и кладетъ подъ столъ: свадебный калачъ и бутылка краснаго вина кладутся на столъ. По окончаніи этой церемоніи, шаферъ выходитъ на порогъ дома и даетъ выстрѣлъ, на который сваты дружно отвѣчаютъ тоже выстрѣлами и всѣ входятъ въ домъ невѣсты. Эти свадебные выстрѣлы вѣроятно остатокъ патріархальнаго обычая увозить силой невѣстъ, что сопровождалось рѣзней. Женихъ былъ врагомъ и невѣсты, и ея рода; онъ добывалъ себѣ жену только послѣ упорнаго боя.

По входѣ въ домъ начинаются обрядности, унаслѣдованныя отъ далекой старины. Шаферъ беретъ свой свадебный хлѣбъ («погачу») и передаетъ его старому свату со стороны невѣсты, который, взявъ его и держа въ рукахъ, говоритъ: «позолотите его». На это старый сватъ жениха отвѣчаетъ: «у добри час», но не хочетъ «позолотить» сразу, а спрашиваетъ сколько нужно, чтобы «позолотить». Тутъ начинается настоящая торговля. Наконецъ, сговорившись, старый сватъ жениха кладетъ на хлѣбъ нѣсколько червонцевъ. Старый сватъ невѣсты кладетъ хлѣбъ себѣ на голову и, ломая его, произноситъ: «Такъ какъ изъ этого дома уходитъ дѣвица, то дай Богъ и св. Іоаннъ, чтобы въ новомъ ея домѣ родилась пшеница и кукуруза; дай Богъ, чтобы расплодились овцы, какъ на небѣ звѣзды; чтобы сколько въ морѣ песку, столько было бы въ ея домѣ жита; сколько у Югъ Богдана *) сыновей, чтобы столько Богъ далъ и ей; чтобы крыша ея дома не проваливалась» etc.

Хлѣбъ кладется на «терпезу», которая бываетъ убрана слѣдующимъ образомъ: кромѣ хлѣба и вина, на столѣ находится, на большихъ мѣдныхъ турецкихъ тарелкахъ, цѣлый жареный баранъ или свинья (кстати замѣтить: мало найдется такихъ вкусныхъ кушаньевъ, если ихъ приготовить по горскому способу). Кто-нибудь изъ сватовъ вынимаетъ ятаганъ, который не разъ срѣзалъ турецкую голову, и рубитъ «печиво». Начинается пиръ. Вино пьютъ сначала безъ всякихъ спичей, но потомъ, когда вино ударитъ въ удалыя головы, начинаются рѣчи. По большей части онѣ переполнены благожеланіями, говорятся стихами. Многіе знатоки черногорскихъ нравовъ говорятъ, что въ Катунской нахіи существуетъ родительскій бла-

*) Извѣстный сербскій герой Югъ Богданъ имѣлъ девять храбрыхъ сыновей, которые всѣ вмѣстѣ съ отцомъ погибли на Косовомъ полѣ.

гословъ, т.-е. что родители даютъ кубокъ вина невѣстѣ и при этомъ благословляютъ ее, а она, выпивъ вино. удерживаетъ у себя кубокъ на всегдашнюю память. Но я нигдѣ не видѣлъ такого обычая.

Когда гости наѣлись и напились, шаферъ приноситъ невѣстѣ опанки и кольцо (если оно не было дано на «просьбѣ»), напоминая ей, что пришло время сбрасывать родительскую обувь и надѣвать женихову. Этотъ обычай объясняютъ различно. Одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы она знала, что ходитъ не по родной землѣ (которая могла попасть въ старую обувь); другіе указываютъ на народное повѣрье, по которому невѣста, сбрасывая старую обувь, сбрасываетъ вмѣстѣ съ нею злыя качества и старые грѣхи. Въ Бѣлопавличахъ говорили мнѣ, что существуетъ проклятіе: «Дай Богъ, чтобы не доносила родительской обуви и чтобы раньше этого возвратилась отъ мужа безъ чести». Вотъ, чтобы избѣгнуть этого проклятія, невѣста и уходитъ изъ родительскаго дома, покидая родительскую обувь. Послѣднее мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ потому, что черногорцы довольно суевѣрны.

Между тѣмъ, въ отдѣльной комнатѣ подруги и родственницы невѣсты раздѣваютъ ее до-гола и, затѣмъ. одѣваютъ въ новое, начиная рубашкой и кончая верхнимъ платьемъ. Но шапкой—этой эмблемой дѣвственности—никто не можетъ распоряжаться, кромѣ родного брата или, за его отсутствіемъ, близкаго родственника: именно онъ приходитъ въ уборную своей сестры (или близкой родственницы) и съ словами: «у добри час, сестро» (въ добрый часъ, сестра) снимаетъ шапку и, бросивъ ее въ уголъ, надѣваетъ невѣстѣ «мараму»—черный шелковый платокъ съ красными краями. Тогда она, одѣтая и совершенно готовая, приходитъ, въ сопровожденіи брата, въ столовую, гдѣ сваты усаживаютъ ее въ головѣ трапезы, т.-е. на самомъ почетномъ мѣстѣ. Этимъ она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, получаетъ, какъ будущая мать, право сидѣть въ

обществѣ отборныхъ мужчинъ-юнаковъ, и теперь должна стараться быть вездѣ и всегда честною, чтобы не потерять этого права. Ей предлагаютъ вина, но она, по обычаю, сначала отказывается, пока не упросятъ ее сваты. Но какъ она допила стаканъ, — спичи оканчиваются; всѣ встаютъ и собираются ѣхать. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ сваты получаютъ подарки въ родѣ шелковыхъ платковъ *). Братья невѣсты передаютъ сестру въ руки двухъ шаферовъ, которые съ словами: «Хвала вам, пріятели», выводятъ ее изъ родительскаго дома.

Кортежъ поднимается, распѣвая удалыя юнацкія пѣсни. Невѣста идетъ между двумя шаферами. Когда она удалится на нѣкоторое разстояніе, родители кричатъ ей вслѣдъ: «Прощай, родимая дочь!» Она, по обычаю, должна обернуться и посмотрѣть на родительскій домъ и на своихъ братьевъ: тогда у нея дѣти будутъ похожи на своихъ дядей. На обратномъ пути кортежъ по прежнему встрѣчается съ «боцами ракіи». Всѣ, сопровождая невѣсту благожеланіями, пьютъ, а она съ унылымъ видомъ упорно смотритъ въ землю. Боже сохрани, чтобы шафера оставили невѣсту хотя на минуту одну во все продолженіе дороги къ жениху: такая оплошность была бы постыдна. Этотъ довольно стѣснительный обычай получилъ начало давно, вѣроятно въ тѣ времена, когда сербы отбивали по дорогамъ чужихъ невѣстъ, а турецкіе гайдуки были настолько смѣлы и дерзки, что пускались въ самую глубь Черногоріи и тамъ, встрѣчая сватовъ, отбивали у нихъ невѣсту.

---

*) „Но је мене данас најжаліе,
Што я не мам свиленога дара,
Да даруемъ кичене сватове“.

(Теперь я всего болѣе сожалѣю, что у меня нѣтъ шелковыхъ подарковъ—въ подарокъ убраннымъ сватамъ).

Вообще, подарки вещами и деньгами—остатокъ отъ древняго обычая покупки невѣстъ, замѣнившаго собою другой, еще болѣе древній—„умыканіе“.

Случалось и такъ, что во время схватки шафера, не сдержавъ сердечнаго порыва и бросивъ невѣсту, кидались съ ятаганами въ рукахъ и отбивали атаку; въ схваткѣ невѣста пропадала, нападающіе успѣвали увезти ее—и тогда весь стыдъ на шаферовъ. Отсюда поговорка: «Као дѣвери безъ дѣвойке» (какъ шафера безъ дѣвицы).

По мѣрѣ приближенія къ деревнѣ жениха, пѣсни и выстрѣлы учащаются, компанія, не стѣсняясь, стрѣляетъ даже у церковныхъ воротъ. Снимая шапки, но не снимая свои кубури-пистолеты и ружья, она преклоняется передъ иконами. Женихъ приходитъ въ церковь незамѣтно и вѣнчается съ своею невѣстою въ православной церкви. Черногорцы всѣ, безъ исключенія, православные и ни за какія блага въ мірѣ не согласятся вступить въ бракъ съ субъектомъ неправославнаго вѣроисповѣданія. По словамъ извѣстнаго ученаго Богишича, свадьба считается оконченной, какъ скоро священникъ совершитъ половину св. обряда и что въ народѣ существуетъ повѣрье—будто до половины обряда еще можно отказаться отъ брака, но послѣ половины—уже нѣтъ. Когда обрядъ совершенно оконченъ, женихъ выходитъ изъ церкви и даетъ выстрѣлъ изъ пистолета. Имъ онъ даетъ знать, что онъ уже не холостой. И, затѣмъ, незамѣтно уходитъ домой. Свадебный кортежъ отправляется вслѣдъ за женихомъ, напѣвая національную пѣсенку:

„Ой ябуко зеленико,
Зелен ли си род родила“ и т. д.

Или другую:

„Све за славу Бога великога,
А за здравље князя свѣтлога
И великог цара Александра“ и т. д

XI.

Приближаясь къ дому жениха, свадебный кортежъ встрѣчаетъ мать жениха; она разстилаетъ на порогъ дома шерстяное одѣяло, по которому должна пройти невѣста. Этотъ обычай имѣетъ символическое значеніе: языкъ невѣсты долженъ быть мягкій, какъ шерсть, и не болтливый.

На порогѣ встрѣчаетъ ее женщина или мужчина, который держитъ младенца мальчика: невѣста должна поцѣловать его и погладить. Этотъ обычай имѣетъ, по мнѣнію народа, большое значеніе для будущаго потомства невѣсты; благодаря ему, у новобрачной будутъ рождаться все мальчики—единственная отрада черногорской семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новобрачная должна обернуть младенца вокругъ головы два раза.

Г-нъ Гопчевичъ разсказываетъ въ своей книгѣ, что отецъ жениха даетъ новобрачной румяное яблоко, которое она должна изъ всей силы перебросить черезъ крышу дома, и что неудача въ этомъ случаѣ считается за дурное предзнаменованіе. Но обычай переданъ имъ не вполнѣ вѣрно. Яблоко, дѣйствительно, бросаютъ, но не черезъ крышу (это часто физически невозможно, по высотѣ домовъ), а просто—куда придется.

Исполнивъ эти церемоніи, новобрачная входитъ въ домъ. Въ Цермницѣ и въ Градишканскомъ округѣ новобрачная подходитъ прямо къ разгорѣвшемуся костру или печи и смотритъ на горячіе уголья, чтобы у ея дѣтей были черные глаза.

Между тѣмъ, гости садятся вокругъ стола и послѣ священническаго благословенія принимаются за кушанья и рѣчи, аккомпанируемыя выстрѣлами. Съ наступленіемъ ночи, они ложатся спать, гдѣ кто знаетъ.

Но что съ женихомъ и невѣстой, которая ничего не ѣла и не пила, прислуживала гостямъ и ни слова не перемолвила съ мужемъ? Не пить и не ѣсть—опять старый обычай, и до того распространенный, что даже сложилась поговорка: «Чего

не ѣшь, точно приведенная недавно невѣста». Этотъ обычай многіе объясняютъ такъ: новобрачная въ первый день брака должна только служить своимъ гостямъ, которые, оставляя ее, разнесутъ по горамъ и долямъ хорошее мнѣніе о молодой хозяйкѣ.

Въ земляхъ сербскаго племени сохранилось до сихъ поръ много оригинальныхъ обычаевъ относительно начала брачной жизни, обычаевъ, отличающихся большой патріархальной непосредственностью. Ихъ много пересказано въ книгѣ извѣстнаго ученаго Богишича (1874). Прибавимъ нѣсколько подробностей изъ обычаевъ черногорскихъ.

Черногорскій ужинъ окончился. Сваты и гости собираются спать. Два шафера берутъ невѣсту за руку и ведутъ ее въ отдѣльную (а если таковой нѣтъ, то въ общую) спальню. Она раздѣвается до рубашки, шафера слѣдуютъ ея примѣру. Раздѣвшись, они ложатся по обѣ стороны молодой женщины. Такая церемонія продолжается три дня, въ теченіе которыхъ женихъ даже и не разговариваетъ съ невѣстою. Этого мало. У насъ есть примѣры, что мужъ цѣлый годъ и больше не вступаетъ въ супружескія права. Пѣсня, съ эпическимъ преувеличеніемъ, говоритъ о девяти годахъ:

„Ево има девет годиница,
Како си ме удо, мила майко,
Иош я не знам, што е мушка глава".
(Уже девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты выдала меня, моя милая матушка, а я все еще не знаю, что такое мужчина).

Но Боже сохрани, чтобы шафера осмѣлились употребить довѣріе во зло. Нѣкоторые писатели-путешественники утверждаютъ, что шафера часто нарушаютъ святость этого обряда, но я могу положительно увѣрить, что такихъ примѣровъ не существовало и что шаферамъ, обыкновенно близкимъ родственникамъ, это и въ голову не приходитъ. Когда я старал-

ся узнать символическое значеніе этого обычая, то получалъ различныя объясненія — и больше всего такое: «Пусть будетъ невѣста въ продолженіе своей жизни также цѣломудренна со всѣми мужчинами, какъ была цѣломудренна съ шаферами». Мнѣ кажется, этотъ обычай просто остатокъ существовавшаго въ древности сожительства братьевъ мужа съ его женой.

Этими тремя днями еще не оканчивается испытаніе новобрачныхъ. Четвертую, пятую и даже шестую ночь ложится съ невѣстой мать или замужняя сестра жениха, а за ихъ отсутствіемъ какая-нибудь пожилая родственница, какъ во всемъ уже опытная. Цѣль ихъ—подучить невѣсту относительно брачной жизни. Самъ женихъ точно также не только стыдится, но и боится приступить въ первую недѣлю къ своей женѣ. Ему также бываютъ нужны наставленія и поощренія... Часто бываетъ, что невѣста, заслышавъ приближеніе мужа, моментально убѣгаетъ во дворъ; тогда мать, сестры и т. п. убѣждаютъ ее вернуться:

„Ид', невјесто скоро доведена,
Не стиди се своег домачина:
Домачин те за то и доведе,
Да му шикаш у колјевци сина".
(Ступай, недавно привезенная невѣста, не стыдись своего мужа; мужъ затѣмъ тебя и привезъ, чтобы ты убаюкивала ему въ колыбели сына).

Фриллей и Влаховичъ допускаютъ невѣрность, когда говорятъ, что шафера, гости и сваты, уѣзжая или ложась спать, передаютъ невѣсту жениху, и что черногорцы вообще потеряли смыслъ вышеприведенныхъ почти миѳическихъ обычаевъ. Правда, свадьба черногорца, совсѣмъ бѣднаго, продолжается не долго, но въ массѣ народа описываемые обычаи держатся еще крѣпко.

Рано утромъ, на слѣдующій день, невѣста встаетъ и приготовляетъ воду для умыванья и кофей. Когда встанутъ гости и родня, она должна имъ услуживать: помогать при умываньѣ

и проч. всѣмъ, кромѣ мужа; за ея услуги болѣе состоятельные дарятъ ее деньгами;—а весь этотъ обрядъ носитъ у насъ названіе «полјевачины». Затѣмъ она должна убрать всѣ кровати, кромѣ своей собственной. За ней смотрятъ сестра или мать жениха вплоть до того дня, когда новобрачная вполнѣ вступитъ въ семейную жизнь.

Какъ раньше сказано, народъ презираетъ женщинъ безнравственныхъ: что же дѣлается, если открывается это въ новобрачной? Самъ черногорецъ, какъ строго-нравственный человѣкъ, считающій недостойнымъ юнака даже въ молодой мужской компаніи разсуждать о подобныхъ предметахъ, какъ я думаю, и не понимаетъ, что такое дѣвственность, какъ медицинскій терминъ. Для европейца это можетъ показаться страннымъ, но оно вполнѣ естественно для того, кому знакомы нравы еще первобытно-патріархальнаго народа. Но если и найдется черногорецъ, понимающій, что его жена провинилась, онъ объ этомъ никому не говоритъ изъ боязни товарищескихъ насмѣшекъ. Онъ даже проситъ свою мать, сестру или родственницу держать—что онѣ знаютъ—въ строжайшей тайнѣ, но за то не разъ упрекнетъ свою жену, говоря: «Берегись! обрублю носъ, если ты будешь такою, какою была раньше». Основываясь на народномъ правѣ, онъ можетъ вполнѣ безнаказанно убить своего соперника и отрѣзать конецъ носа невѣрной женѣ, если застанетъ ихъ на мѣстѣ прелюбодѣянія.

Предки наши болѣе строго относились къ распутнымъ женщинамъ—«каменовали» ихъ. Несчастная погибала подъ кучами камней, бросаемыхъ самыми близкими родственниками. Но съ смягченіемъ нравовъ, черногорцы замѣнили обычай «каменованія» отрѣзываніемъ конца носа. Конечно, въ послѣднее время, по мѣрѣ сближенія черногорцовъ съ другими народами, значительно испортились и ихъ нравы,—и если бы соблюдались обычаи, то пришлось бы увидѣть въ Черногоріи не одну безносую женщину.

Въ народныхъ пѣсняхъ сохранились указанія на ту неумолимую строгость, съ какою народъ относился къ преступнымъ женамъ. Такъ, напримѣръ, въ «Женитьбѣ короля Вукашина» мы видимъ измѣну жены воеводы Момчила, молодой и красивой Видосавы, прельстившейся обѣщаніями короля. Но король, умертвивъ Момчила, раскаялся, а Видосаву, какъ невѣрную жену, возненавидѣлъ. Онъ приказалъ своимъ слугамъ привязать ее къ хвостамъ лошадей и растерзать. Въ пѣснѣ о «Банѣ Милутинѣ и Дукѣ Херцеговцѣ», Милутинъ, уѣхавъ на войну, оставилъ жену Иконію съ двоими дѣтьми. Но Иконія убѣжала съ Дукомъ Херцеговцемъ; Милутинъ, возвратившись домой, нашелъ свой дворецъ пустымъ и въ развалинахъ, а въ нихъ свою милую сестру Елицу. Елица ему объяснила, что всему виной его жена, что она увезла его сыновей. Разсерженный Милутинъ отправляется во дворецъ Дуки, встрѣчается съ Дукой и убиваетъ его. Иконія хотѣла бѣжать, но ей не позволили этого сдѣлать ея же родные сыновья. Они выдали мать раздраженному отцу, который и поступилъ съ нею слѣдующимъ образомъ: приказавъ закутать Иконію въ кусокъ полотна, намазаннаго саломъ и дегтемъ, и потомъ зажечь ее, онъ хладнокровно любовался этимъ зрѣлищемъ, попивая изъ кубка вино.

XII.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней новобрачная вполнѣ осваивается съ своимъ новымъ положеніемъ и съ новыми сожителями. Занимаясь обычными домашними работами, она ожидаетъ визита родственниковъ. Народъ не установилъ извѣстнаго дня для такихъ визитовъ; но обыкновенно они совершаются не ранѣе трехъ дней, смотря по погодѣ и обстоятельствамъ. Установлено только одно—именно, что братъ и мать непремѣнно должны посѣтить свою дочь и сестру. Пріѣзжаетъ и отецъ съ кѣмъ-либо изъ родственниковъ, которые съ собой привозятъ

въ подарокъ большой хлѣбъ, ветчину и другіе подарки, разумѣется, если они люди состоятельные. Мать часто дарить новобрачной красивую, вышитую шелкомъ и золотомъ рубашку, которую она уже давнымъ-давно приготовила на этотъ случай, но тщательно скрывала отъ дочери, изъ желанія сдѣлать ей сюрпризъ. Послѣ обмѣна подарковъ слѣдуетъ обѣдъ; время послѣ него новобрачная проводитъ съ матерью.

День проходитъ въ веселыхъ бесѣдахъ «уз гуслярни звон». Вотъ и поужинали; отецъ жениха даритъ матери невѣсты кусокъ мыла и въ немъ червонецъ, а остальнымъ—шелковые платки. Этотъ обычай—дарить деньгами—быть можетъ, есть наслѣдство временъ, когда невѣстъ покупали за деньги.

На слѣдующее утро всѣ дарятъ что-нибудь невѣстѣ и уходятъ домой, сопровождаемые стрѣльбою и пѣснями. Немедленно, по отправленіи родственниковъ и гостей, женихъ посылаетъ за ними большой хлѣбъ, жаренаго барана, а если есть, то и разные фрукты:—пусть скажутъ люди отцу новобрачной, что у него богатый и благородный зять.

Первый годъ замужства невѣста одѣвается нарядно; она постоянно бываетъ съ своими шаферами или съ отцомъ мужа на ярмаркахъ, въ хороводахъ, на крестинахъ, ходитъ на «крестно имя». При встрѣчѣ съ знакомымъ своего мужа, она должна цѣловать руку этому знакомому, а онъ отвѣчаетъ ей поцѣлуемъ въ лицо и словами: «Жива была». Новобрачная цѣлуетъ руки и женщинамъ старше ея возрастомъ, впрочемъ, не всегда руки, а иногда и правую сторону груди. Дѣвицы, въ свою очередь, цѣлуютъ новобрачную прямо въ лицо; иногда и въ руку.

Въ продолженіе перваго года новобрачная служитъ чѣмъ-то въ родѣ украшенія дома. Работою ее не утомляютъ. Но она должна вести себя скромно и своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдать поговорку: «Буд стидна к'о скоро доведена невјеста», «безочна у очи, а стидна преда се» («Будь скромна, какъ недав-

но вышедшая замужъ», «нахальная смотритъ прямо въ глаза, а скромная—въ землю»).

Существуетъ странный обычай, идущій въ разрѣзъ съ нравственностью черногорцевъ, въ силу котораго шафера имѣютъ право публично цѣловать новобрачную, хотя бы въ присутствіи мужа. По моему мнѣнію, въ этомъ обычаѣ сказывается остатокъ упомянутаго обычая патріархальныхъ временъ: въ древности шафера имѣли право, ни отъ кого не скрываясь, пользоваться молодою женою брата.

Въ первое воскресенье или праздникъ послѣ брака, черногорка должна сходить въ церковь. Ее провожаютъ въ церковь родственницы и послѣ обѣдни потчуютъ сосѣдей водкой. Впослѣдствіи черногорка, хотя она и очень набожна, рѣдко посѣщаетъ церковь и въ этомъ вполнѣ сходится съ мужчинами. Ее отвлекаютъ постоянный трудъ и забота о домѣ, мужчинъ—войны. Въ Черногоріи божба говорится въ такомъ родѣ: «Бога ми светого Петра и Василіе, аманатми», «Исуса ми» и т. п. Измѣнить православію никто не рѣшится ни за какія блага въ мірѣ; точно также женщина не рѣшится выдти за «латина» (католика). Если бы нашлась такая, она была бы во всеобщемъ презрѣніи у народа. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть черногорскую женщину замужемъ за туркомъ, за католикомъ и т. п., и разсказы путешественниковъ, будто черногорки вѣнчались съ австрійскими солдатами, не принявшими православія,—по моему мнѣнію, пустая выдумка. Черногорецъ постоянно держится правила жениться только на родинѣ, несмотря на то, что народная поэзія даетъ примѣры заключенія браковъ съ плѣнными перекрещенными турчанками. Такимъ образомъ турчанка Кунина Златія вышла замужъ за Сенянина Ива, предварительно повѣсивъ своего мужа башибузука, Хассанъ-агу. Такихъ пѣсенныхъ примѣровъ много.

Изъ черногорокъ весьма немногія знаютъ на память самыя употребительныя молитвы, какъ-то: «Отче нашъ», «Богородице

Дѣво», Символъ вѣры и т. п. По большей части онѣ молятся своими словами: «Боже и св. Троица и Богородица, помоги намъ» и т. д. въ этомъ родѣ, молятся не кланяясь и не становясь на колѣни ни въ церкви, ни дома. Въ церкви онѣ занимаютъ мѣсто при входѣ, мужчинъ пропуская впередъ. Въ глубокомъ невѣжествѣ черногорокъ виновата отчасти безграмотность головорѣзовъ-поповъ, отчасти отсутствіе всякихъ заботъ о школьномъ воспитаніи дѣвочекъ.

XIII.

Наконецъ, черногорка стала полной хозяйкой дома и находится въ подчиненіи одному лишь мужу. Родители и родственники теряютъ надъ нею свои права, кромѣ права защиты ея въ случаѣ, если мужъ превыситъ супружескую власть, и права мести, если молодая женщина подвергнется какимъ-либо оскорбленіямъ съ чьей бы ни было стороны, а мужъ и его родственники не успѣли еще отмстить за обиду. Племя, въ которое вошла женщина со времени своего замужства, точно также считаетъ своимъ долгомъ защищать ее всегда и вездѣ, какъ и всякаго другого своего члена.

Обязанности жены къ мужу, по народнымъ обычаямъ, слѣдующія: жена, согласно съ ученіемъ св. писанія, должна слушать своего мужа, какъ старшаго. Она должна быть вѣрною мужу, но имѣетъ право требовать и отъ него того же. Мужъ, ухаживающій за посторонними женщинами, находится во всеобщемъ презрѣніи у народа, который не одобряетъ эти не юнацкія дѣла. Женщина должна слѣдить за домашнимъ хозяйствомъ, и между прочимъ, приготовлять обувь мужу и дѣтямъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей также лежитъ на женщинѣ. Наконецъ, она не освобождена отъ работы въ огородахъ, въ полѣ, виноградникахъ и т. п. Народная поэзія даетъ програм-

му всѣхъ женскихъ занятій въ такихъ словахъ мужа своей женѣ передъ отъѣздомъ на войну: «Слушай меня, моя милая жена: смотри за моимъ дворцомъ, чтобы онъ не опустѣлъ (не разрушился), наблюдай за моими двумя сыновьями, еще не взрослыми, выдай замужъ мою сестрицу, обработывай мои девять виноградниковъ» и проч. Трудъ для черногорскихъ женщинъ—какая-то моральная пища, онъ вошелъ въ плоть и кровь нашего народа, и смѣло можно сказать, что нѣтъ въ мірѣ женщины трудолюбивѣе черногорки.

Путешественники любятъ повторять, что черногорка одна только усердно работаетъ, а черногорецъ больше покуриваетъ свою трубку... Но я уже раньше сказалъ, что такое мнѣніе—пустая выдумка или крайне нелогичное заключеніе отъ частнаго къ общему, отъ примѣровъ черногорскихъ главарей-старшинъ на Цетиньѣ (дѣйствительно скоро отвыкающихъ отъ работы при полученіи чина «перяника» или «кадабавіи»)—къ массѣ народа. Простой народъ, очень бѣдный, умеръ бы съ голода, если бы не сталъ самъ обработывать свои поля и могла-ли бы женщина вынести весь этотъ трудъ? Напротивъ, черногорецъ, если онъ не воинъ, то непремѣнно трудолюбивъ, по крайней мѣрѣ, въ хлѣбопашествѣ; другое дѣло—ремесла, сапожное, портняжное и др.: они недостойны имени юнака и всецѣло предоставляются женщинамъ.

Не знаю, почему, но пахать не дозволяется женщинамъ. Для нихъ это грѣхъ, и если нужно кого-нибудь проклясть, обыкновенно говорятъ: «Дай Богъ, чтобы у васъ пахала женщина». Или: «И Богъ смѣется, когда женщина пашетъ».

Самый тяжелый и неблагодарный трудъ женщинъ—это таскань̀е на плечахъ разныхъ полевыхъ продуктовъ, дровъ и другихъ тяжестей. Именно поэтому иностранные писатели и называютъ женщинъ вьючными животными. Мужчина ни за что не позволитъ себѣ тащить что-либо на плечахъ, развѣ только въ отсутствіи постороннихъ лицъ. Интересно, что масса черногор-

цевъ, уйдя въ Константинополь на заработки, начинаютъ усердно подражать своимъ женамъ, оставшимся на родинѣ.

Этотъ достаточно непріятный способъ переноски тяжестей въ то же время и единственно возможный; онъ обусловливается географическими свойствами мѣстности.

. . . . . .

Мужъ въ присутствіи постороннихъ никогда не обратится къ женѣ за совѣтомъ, и на вопросъ: гдѣ былъ?—непремѣнно отвѣтитъ, какъ Телемакъ Пенелопѣ: «соль сѣялъ!». Но наединѣ совѣты жены имѣютъ большое значеніе, особенно по хозяйству. Въ отсутствіе мужа она становится полною распорядительницею всего имущества, встрѣчаетъ гостей, угощаетъ ихъ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, давній. Въ одной старой эпической пѣснѣ, мужъ, возвратившись домой, находитъ, что на крестное имя (праздникъ патрона дома) жена пригласила гостей, кумовьевъ и пріятелей: госпожа крестное имя справляетъ, она и пьетъ въ честь его и въ славу его рѣчи говоритъ. Словомъ, женщина изображается не только хозяйкой дома, но и лицомъ вообще уважаемымъ: гости сидятъ съ ней рядомъ, пьютъ съ нею вино и слушаютъ ея рѣчи. Какая разница съ затворничествомъ женщины въ Турціи, Албаніи и др.

Черногорецъ рѣдко говоритъ съ женой о предстоящихъ военныхъ дѣлахъ или о распрѣ съ сосѣдомъ или другимъ черногорцемъ. Бываетъ также, что жена по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда и годамъ не знаетъ, гдѣ находится ея мужъ, въ то время, какъ онъ, собравъ «чету», ушелъ въ гайдуки. Эта скрытность, вѣроятно, есть слѣдствіе войнъ между-племенныхъ, гдѣ часто мужъ принадлежалъ къ одному племени, а жена къ другому, и зятю случалось убивать тестя.

Мы не разъ упоминали о той ошибкѣ, какую дѣлали нѣкоторые путешественники, говорившіе о мнимомъ рабскомъ поло-

женіи черногорской женщины. Довольно только провести параллель между турчанкой, дѣйствительной рабой, и дочерью свободныхъ и неприступныхъ черногорскихъ скалъ. Турчанка проводитъ жизнь въ удушливомъ гаремѣ, съ вѣчно закрытымъ лицомъ, пользуясь вниманіемъ своего хозяина, пока ея лицо и свѣжесть привлекаютъ его. Но если она надоѣстъ мужу, онъ имѣетъ право, по закону и обычаю, выгнать несчастную жену на улицу, гдѣ она должна умереть съ голода, какъ это и бывало въ дѣйствительности. Турокъ покупаетъ свою жену, какъ товаръ, и пользуется ею, пока она ему нужна, не стѣсняясь въ присутствіи ея покупать двадцать другихъ, и вступая въ законный бракъ столько разъ, сколько ему нравится; не разъ его первая жена дѣлается прислужницей женъ болѣе молодыхъ. У турокъ женщины не имѣютъ права участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, не могутъ вліять на общественныя и политическія дѣла, не пользуются правомъ наслѣдства, передъ судомъ ихъ голосъ считается неравносильнымъ голосу мужчины; словомъ, турецкая женщина—рабыня въ полномъ смыслѣ этого слова.

Черногорка пользуется полною свободою не только дома, но и вездѣ. Она одна идетъ на базары, находящіеся на разстояніи нѣсколькихъ дней ходьбы. Ей позволяется торговать, заключать устные и письменные контракты. Ея личность внѣ дома—священна для каждаго, никто ее не тронетъ, ей будутъ покровительствовать всѣ знакомые и незнакомые, особенно въ случаѣ нужды. Въ церковь она ходитъ вмѣстѣ съ мужчиною съ открытымъ лицомъ, на хороводахъ она свободна танцовать съ другими мужчинами. Въ случаѣ обиды, она можетъ жаловаться на мужа не только своимъ роднымъ, но и суду, наконецъ, самому князю. Обычное право даетъ ей возможность требовать развода. Правда, выпадаютъ и на ея долю побои отъ мужа. но отъ этого не освобождены и другія женщины Европы, особенно въ рабочемъ классѣ. Она освобождена отъ тѣ-

леснаго наказанія и судъ никогда не приговоритъ ее, какъ мужчину, къ палочнымъ ударамъ; но въ тюрьму ее сажаютъ на болѣе продолжительное время. Она не отвѣчаетъ ни личностью, ни имуществомъ за проступки мужа; можетъ не давать показаній противъ него на судѣ; ей даже предоставляется право говорить въ его защиту, если поведеніе ея безукоризненно. До послѣдняго времени женщина могла спасти мужа чрезъ геройское «вынимание мазіи». «Мазія»—это кусокъ желѣза, раскаленнаго въ кипяткѣ, и вынимать его позволялось только голыми руками. Этотъ обычай имѣлъ мѣсто, когда судъ старшинъ затруднялся въ разрѣшеніи юридическаго спора, или, когда онъ, не отыскавъ настоящаго преступника, взводилъ преступленіе на невиновнаго. Если лицо, вынувшее «мазію» (обыкновенно это былъ свидѣтель), не повредило себѣ рукъ совершенно и навсегда, то преступникъ считался оправданнымъ и передъ Богомъ, и передъ судомъ, и передъ народомъ. Этотъ суровый обычай извѣстенъ всѣмъ народамъ, живущимъ патріархально, и былъ въ большомъ употребленіи у всѣхъ славянъ. Я не видѣлъ самаго процесса вынимания «мазіи»,—онъ уничтоженъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—но слышалъ разсказы, что многіе оставались при этомъ невредимыми, чему, конечно, трудно вѣрить. Но не въ этомъ и важность, а въ томъ, что черногорцы даже въ тотъ, еще болѣе патріархальный, періодъ считали женщину въ этомъ обрядѣ равноправной мужчинѣ, чего мы не находимъ у турокъ и у другихъ народовъ, у которыхъ также практиковалась «мазія».

Разрѣшеніе развода въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ обычнымъ правомъ, принадлежитъ племеннымъ старшинамъ, но съ утвержденія митрополита. Если разводъ состоялся, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена приноситъ мужу красный мужской поясъ, который мужъ долженъ перерѣзать, послѣ чего развод считается дѣйствительнымъ. Свобода развода является также доказательствомъ самостоятельности и равенства

женщины. Послѣ развода жена имѣла право брать съ собой свои вещи, т.-е. сундукъ, въ которомъ она привезла свое приданое, одежду, и надъ которымъ во время супружества не имѣлъ никакого права ея мужъ. Она не имѣетъ права увеличивать или продавать свое имущество безъ вѣдома мужа, но можетъ, на случай смерти, завѣщать той или другой дочери. Если же дочерей нѣтъ, то сундукъ съ вещами отправляется къ роднымъ покойницы. Если отъ перваго брака имѣются дѣти а вдовецъ вступитъ во второй, то одежда первой жены принадлежитъ дѣтямъ отъ перваго брака, одежда второй—дѣтямъ отъ второго брака. Если мужъ поступитъ иначе, то его строго преслѣдуетъ народъ. Деньги, пріобрѣтенныя женой отъ торговли домашнею мелочью, принадлежатъ ей; на нихъ она обыкновенно приготовляетъ приданое дочерямъ. Если до развода прошло десять лѣтъ, то мужъ обязанъ былъ давать женѣ денежную помощь, соразмѣрную его состоянію и опредѣляемую стариками, которые судили и разбирали это дѣло. На дѣтей имѣетъ право мужъ—и только онъ одинъ; впрочемъ, при дѣтяхъ разводъ очень рѣдокъ. До развода женщина нерѣдко бѣжитъ къ родителямъ, но въ этомъ случаѣ ея доля незавидная: народъ смотритъ на нее съ презрѣніемъ, а родители почти всегда принуждаютъ ее вернуться къ мужу, если нѣтъ какихъ-либо особенно уважительныхъ причинъ. Но разведенная не имѣетъ болѣе права выходить замужъ.

Кто осмѣлится жениться на замужней женщинѣ, тотъ подлежитъ наказанію наравнѣ съ убійцей. Тоже самое ожидаетъ мужчину, женившагося при живой женѣ. Случалось, впрочемъ, что народъ, въ видѣ исключенія, ради политическихъ разсчетовъ, позволялъ жениться по нѣсколько разъ. Напр., Перо Томовъ Петровичъ-Нѣгошъ, по смерти своего брата, владыки и владѣтеля Черногоріи, Петра II-го (1851 г.), и сына, наслѣднива престола (который, будучи его *единственнымъ* сыномъ, умеръ въ Петербургѣ), вступилъ вторично въ бракъ при

живой еще женѣ, женщинѣ старой и потерявшей способность къ дѣторожденію. Но и вторая жена оказалась «неродимкой». Тогда онъ женился на третьей. Подобный случай считается феноменальнымъ.

Женщина имѣетъ надъ дѣтьми власти не меньше, если не больше отца. Ее всѣ члены дома, кромѣ мужа, называютъ сестрой, теткой, бабушкой, матерью, и только мужъ никогда не употребляетъ ея имени, замѣняя его мѣстоименіемъ «ты» или «она». «Слышишь, ты! принеси, ты! эй, ты!.. Развѣ не слышишь»...—вотъ обычное обращеніе мужа. Этотъ странный обычай объясняется тѣмъ, что на первыхъ порахъ женитьбы ему крайне совѣстно своихъ отношеній къ женѣ, онъ не можетъ не только говорить, но и смотрѣть на нее, и это отношеніе первыхъ дней проходитъ чрезъ всю жизнь. Жена, какъ хозяйка, имѣетъ право голоса въ домашнихъ и даже въ политическихъ дѣлахъ. Домохозяйкой всегда бываетъ жена старшаго брата или мать братьевъ, если они живутъ вмѣстѣ. Старшая невѣстка всегда имѣетъ право сказать младшей: — «Мене су пріе овдје сватови довели. Ред ти слушати, за то си млада, я сам више у ову кучу воде донјела и леба умјесила. Я сам пріе овдје кров пролила». («Меня раньше сваты въ этотъ домъ привели. Ты должна слушаться,—на то ты и младшая, я больше въ этотъ домъ принесла воды и изготовила въ немъ хлѣба. Я раньше здѣсь кровь пролила»).

Если умрутъ всѣ взрослые мужчины и останутся только дѣти, то женщина имѣетъ право владѣть и управлять всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Она дѣлается наслѣдницею части имущества мужа и владѣетъ его очагомъ; дѣти не могутъ прогнать ее. Права эти уничтожаются съ выходомъ вдовы замужъ, а опекунами имущества дѣтей дѣлаются близкіе и испытанно-честные родственники покойнаго мужа. Мать вообще пользуется большимъ почетомъ, какъ и сестра.

Сестры «заклинаются», т. е. клянутся братомъ: «живъ ми братъ» (да будетъ живъ мой братъ).

Сохрани Боже, чтобы черногорецъ выбранилъ свою мать или тѣмъ паче ударилъ ее Если кто другой выбранитъ его мать — тому не жить больше на свѣтѣ: сынъ оскорбленной убьетъ его безъ всякой жалости. Подобная руготня часто доводила племена до схватки.

„Побратиме часни харамбаша,
Что је тебе, те за Вучка питаш,
Или ти је облюбио љубу,
Или ти је опсовао мајку?“
(Побратимъ ты мой, атаманъ, зачѣмъ ты спрашиваешь о Вучкѣ, развѣ онъ отбилъ твою жену, или обругалъ твою родную мать?).

Если турокъ называетъ своихъ женъ рабами, то черногорецъ свою всегда: «љуба жена», домачица невјеста», «госпођа», «баница», «соко-жена» (љуба жена, хозяйка, невѣста, соколъ-жена).

Ничто такъ не возмущаетъ черногорцевъ, какъ оскорбленіе ихъ женщинъ, что нерѣдко случалось при нападеніяхъ турокъ на черногорскія деревни, и изъ чего не разъ выходилъ casus belli. Народная пѣсня разсказываетъ, какъ извѣстный юнакъ, попъ Лешевичъ, пишетъ письмо Юшковичу: онъ можетъ все простить туркамъ баши-бузукамъ, но не простить только турку Наргилу-аліи, зачѣмъ—

„Онъ ми фата Пив. јанке Српкине
И љуби ихъ силом на срамоту“.

За это онъ рѣшилъ выждать турокъ въ ущельяхъ Дуги; выждалъ ихъ и перебилъ.

XIV.

Ни одинъ изъ существующихъ народовъ не имѣлъ и, вѣроятно, не будетъ имѣть столько и притомъ такихъ самоот-

верженныхъ, нравственныхъ и храбрыхъ героинь, какъ наша маленькая страна, своимъ геройствомъ обратившая на себя вниманіе всей западной Европы. Даже въ англійскомъ парламентѣ, который такъ несочувственно относится къ намъ, знаменитые ораторы высказывали невольное уваженіе къ «микроскопической Черногоріи», совершившей «гигантскія дѣла». Но Европа забыла или не умѣла сказать что-нибудь въ честь черногорки-воина, но справедливость требуетъ отвести ей заслуженное мѣсто въ нашей исторіи.

Женщина-воинъ,—это можетъ показаться страннымъ, маловѣроятнымъ. Какимъ образомъ женщина могла принимать участіе въ войнахъ, — она, которая работала день и ночь, кормила своихъ дѣтей и мужа, пока онъ геройски защищалъ свои границы? Ами Буэ замѣтилъ, что если женщины и не носятъ оружія, то все-таки онѣ бываютъ способны отмстить за своихъ родныхъ. Я могу сказать болѣе, чѣмъ иностранецъ: въ моемъ распоряженіи множество фактовъ и народныя пѣсни. Я, наконецъ, лично видѣлъ войны 1876 — 77 годовъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно смѣло утверждать, что черногорская женщина, не только какъ хозяйка дома, но и какъ воинъ, займетъ видное мѣсто въ нашей исторіи.

Да, женщина, которой весь міръ приписываетъ слабую нервную систему, незавидную физическую силу, нѣжность и мягкость характера и т. п., эта самая женщина показала себя, въ лицѣ черногорки, способною на всякій трудъ физическій и нравственный; она показала свое умѣнье храбро и самоотверженно защищать интересы своей страны, сопровождая своего мужа, брата или отца даже тамъ, гдѣ стотысячная армія неумолимыхъ азіатскихъ звѣрей окружала маленькую десятитысячную черногорскую армію, вооруженную чѣмъ попало, и грозила ей поголовнымъ уничтоженіемъ, — черногорская женщина участвовала въ сраженіяхъ.

Послѣ несчастной косовской битвы 1389 г., когда султанъ

Амуратъ покорилъ большое царство Сербское, оставалось еще на берегу Адріатическаго моря княжество Зетское, подъ властью Бальшичей, побѣжденное уже впослѣдствіи султаномъ Мехметомъ, равно какъ и Герцеговина, управляемая герцогомъ Стефаномъ. Иванъ Черноевичъ, изъ рода Бальшичей, правившій тогда Зетою, видя невозможность защищать свое княжество и подстрекаемый женою, оставилъ свою столицу Жаблякъ и удалился въ горы, которыя (какъ говорятъ иные) по немъ и называются Черногоріей. Его сопровождало много самыхъ богатыхъ и извѣстныхъ дворянъ Сербіи, которые презрѣли предложенія турецкихъ султановъ, обѣщавшихъ имъ за переходъ въ магометанство знатность и богатство. Они предпочли удалиться въ горы и испытывать тамъ всѣ лишенія, но спасти свою свободу и вѣру. Мало-по-малу они образовали маленькое княжество, удивившее своею храбростью весь міръ.

Образованіе Черногоріи очень походитъ на основаніе Рима, съ тою разницей, что римляне были принуждены отнять силою сабинянокъ, а за черногорцемъ шла всегда вѣрная патріотка— его жена, и здѣсь начинаетъ сказываться ея историческая роль. Она не только принимала участіе въ сраженіяхъ, но и воодушевляла своихъ родственниковъ. Эти женщины, презрѣвшія всякими лишеніями, чтобы только сохранить свою «вѣру и свободу», были прабабушками нашихъ матерей и сестеръ, слѣдующихъ теперь ихъ примѣру, — такъ какъ примѣси въ черногорскомъ народѣ нѣтъ никакой.

Черногорскія женщины не разъ заставляли отступающихъ черногорцевъ снова идти въ схватку, грозя имъ въ противномъ случаѣ повѣсить передникъ и дать вмѣсто ружья прялку (то же самое сказано въ § 18 уложенія князя Даніила); не разъ онѣ сами подавали примѣръ, уничтожая историческимъ ятаганомъ турецкихъ башибузуковъ.

«Куда вы бѣжите, презрѣнные люди, предъ нашимъ врагомъ туркомъ?» говоритъ народная пѣсня. — «Развѣ не стыдъ

и не срамъ вамъ, развѣ не грѣшно передъ Богомъ дозволить туркамъ насъ всѣхъ перерѣзать, малолѣтнихъ дѣтей губить предъ вашими же глазами, дозволить—передъ вашими же глазами любить вашихъ женъ, мучить вашихъ родителей, садить ихъ на острый колъ, содрать съ живой матери кожу? Измѣнники! вы измѣнили вѣрѣ!.. Отдайте намъ, женщинамъ, смертоносное оружіе. Мы будемъ драться, если у васъ силъ не хватаетъ, а вы возьмите наши шелковые передники, возьмите наши прялки, и прядите, если не способны драться».

Естественно, что послѣ такихъ оскорбительныхъ словъ, храбрый черногорецъ бросался въ бой, какъ разъяренный левъ и обращалъ въ бѣгство въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Такой фактъ случился недавно, именно въ 1862 году, въ Церницѣ. Извѣстныя англійскія путешественницы, г-жи Мэккензи и Ирби, въ своей книгѣ говорятъ такъ: «Женщины, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ и торговлею, не отставали отъ мужей и братьевъ и во время кампаніи. «Жаль, что она не мальчикъ, она была бы вторымъ Миркомъ», часто говорили горцы о сестрѣ князя Николая, которая неизмѣнно слѣдовала за отцомъ на войну каждый разъ, какъ онъ позволялъ ей. Женщины вообще ходили въ лагерь, носили мужьямъ своимъ пищу и питье, потомъ возвращались домой. Но были и такіе дни, когда женщины домой не являлись, потому, что когда завязывалось сраженіе, онѣ оставались зрительницами его и поощряли воиновъ криками: «Впередъ, впередъ вы, сербскіе юнаки! за крестъ честный и свободу золотую».

Женщины поощряютъ черногорцевъ къ битвѣ, перевязывая ихъ раны, восхищаясь храбрецами, упрекая трусовъ. Съ презрѣніемъ встрѣтитъ мать струсившаго въ битвѣ сына, какъ говорится въ пѣснѣ: «Пусть ядомъ и проклятіемъ станетъ пища, которою я тебя кормила, и пусть мое молоко выйдетъ черезъ твои раны: потерялъ ты честь юнака. Дай Богъ уме-

реть тебѣ, какъ умираютъ женщины, отъ Бога, отъ стараго непріятеля».

Мать не можетъ страшнѣе проклясть сына-труса, какъ пожелавъ ему умереть естественною смертью. Точно также женщина—женщину, если хочетъ кровно обидѣть, то говоритъ: «Богъ дай, чтобы всѣ твои умирали на кровати», или: «Знаю я твоихъ, всѣ они помирали на кровати». И развѣ могъ черногорецъ послѣ такой встрѣчи не броситься на турокъ и не смыть турецкою кровью материнскаго проклятія?

Наоборотъ, если храбрецы погибаютъ въ сраженіи, про нихъ поется: «Пусть они погибаютъ, пусть веселятся ихъ матери, души дѣтей ихъ будутъ царствовать, потому что за военную славу и отмщеніе своихъ братьевъ и единомышленниковъ они погибли».

Не разъ черногорцы приписывали побѣды надъ турками женщинамъ и не мало народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Караджичемъ и лучшимъ сербскимъ поэтомъ, владыкой Петромъ II, въ которыхъ обыкновенно разсказывается, что черногорка видѣла сонъ, будто турки нападутъ на ту или другую мѣстность,—и что, благодаря ея пророчеству, черногорцы одерживали верхъ надъ врагами. Для примѣра я приведу одну изъ этихъ пѣсенъ:

«На албанской границѣ, въ деревнѣ Мартиничахъ, видѣла сонъ молодая попадья, вѣрная жена попа Радивоя, что тучи поднялись со стороны кроваваго Скадра (Скутари) и спустились на село Мартиничи, а изъ тучъ вылетѣли молніи и лишили зрѣнія ее и ея восемь невѣстъ (женъ ея восьми шаферовъ). Но вотъ дунулъ вѣтеръ, въ одинъ разъ съ высотъ Пиперскихъ, въ другой—со стороны Жупи,—въ третій—со стороны Слатины и прогналъ черныя тучи до турецкаго города Спужа. Попадья разсказала свой сонъ мужу, а онъ истолковалъ его какъ предсказаніе о близкомъ нападеніи и, вставъ съ постели, взялъ свое ружье, пригласилъ съ собою родствен-

никовъ и отправился во главѣ ихъ противъ турокъ, приближавшихся съ факелами къ селу Мартиничамъ. Сражаясь съ ними, онъ старался прикрыть отступленіе стариковъ, женъ и дѣтей, пока, наконецъ, не былъ смертельно раненъ двумя пулями. Тогда онъ закричалъ изъ всей силы: «Куда дѣвались вы, мои два племянника—Стефанъ и Гаврило? Я погибаю, защищая отступающихъ, но жалѣю не о томъ; мнѣ досадно, что я не дорого продалъ жизнь свою, и что турки задаромъ отрубятъ мою голову. Возьмите меня и унесите куда-нибудь, чтобъ они не торжествовали». Услышавъ эти слова, два его племянника—во главѣ тридцати родственниковъ—бросились на непріятеля, отрубили тридцать турецкихъ головъ и, прогнавъ непріятеля, спасли своего храбраго дядю.

Въ это самое время паша Намикъ-Халимъ, во главѣ 3,000 человѣкъ, съ сильной артиллеріей, началъ блокировать маленькій фортъ Мартиничи, въ которомъ храбро защищались черногорцы, пока не получили подкрѣпленій отъ пиперовъ, бѣлопавличей въ числѣ 800 чел., которые дружно бросились въ ятаганы на враговъ, разбили ихъ, отрубили 160 турецкихъ головъ и, кромѣ того, захватили еще до 300 раненыхъ. Теперь пусть ѣдетъ Намикъ-Халимъ паша въ Стамбулъ хвастать предъ султаномъ, какъ онъ побѣдилъ храбрыхъ черногорцевъ».

Въ Черногоріи никогда не существовало военной организаціи, и каждый воинъ долженъ былъ во время войны самъ находить себѣ и пищу и одежду. Пока онъ защищалъ границы своего отечества, иногда отъ четырехъ до восьми дней ходьбы отъ дому, его жена или сестра приносила ему провіантъ и амуницію, иногда подъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ подвергалась она опасности, чтобы только доставить пищу своему мужу, брату или сыну. Не разъ черногорцамъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, оставалось на выборъ—или погибнуть въ послѣднемъ бою, или сдаться въ плѣнъ, или умереть съ

голоду. Но въ теченіи пятисотъ лѣтъ, турки не могли похвастаться, что видѣли плѣннаго черногорца: въ подобныхъ случаяхъ они обыкновенно предпочитаютъ погибнуть... Вдругъ, на горахъ показываются бѣлыя платья женщинъ, уже девятый день несущихъ на спинѣ пудъ хлѣба и мяса. Какъ тутъ не пробиться чрезъ турецкіе ряды?.. И когда черногорцы начинаютъ сраженіе, женщины, вооруженныя чѣмъ попало, пробиваются чрезъ турецкія линіи, подвергаясь опасности погибнуть отъ своихъ же и турецкихъ пуль—или попасть въ плѣнъ къ туркамъ. Иногда такъ и случалось. Пробившіяся оставались съ своими мужьями и братьями на все время осады, заряжая ружья для родственниковъ, и по временамъ заступая ихъ мѣсто, перевязывая раны, ободряя воюющихъ. Случается, что возлѣ матери лежитъ ея смертельно раненый сынъ, или возлѣ невѣсты женихъ, но и въ этихъ случаяхъ черногорка не плачетъ о своей потерѣ, она заряжаетъ раненому ружье или пистолетъ и поддерживаетъ его, пока онъ не выстрѣлитъ. Иногда турокъ уже бросается на раненаго черногорца, чтобы отрубить ему голову, но она убиваетъ врага и, затѣмъ, уноситъ убитаго или раненаго черногорца.

Такими-то сценами вырабатывается характеръ черногорки, способный выносить всѣ несчастія. Она смотритъ спокойно на смерть родныхъ—не потому, что ей не жаль ихъ, а потому, что, въ силу обычая, во время сраженія нельзя жалѣть своихъ родныхъ. Но послѣ женщины сопровождаютъ въ могилу павшихъ жалостными пѣснями.

Черногорія, какъ извѣстно, окружена съ одной стороны Турціей, съ другой—Австріей. Во время непрерывной черногорско-турецкой войны Австрія соблюдала нейтралитетъ, но обыкновенно онъ приносилъ пользу однимъ туркамъ. Черногорцы не могли ни откуда получать амуницію и провіантъ: Австрія не допускала ихъ во время войны на свои рынки. Что оставалось дѣлать? У черногорца не было чѣмъ заплатить кон-

трабандисту. Но женщина и здѣсь помогала: «Увы, жена,— говоритъ пѣсня,—нѣтъ больше зарядовъ.—Ничего, мой милый господарь, я пойду въ Австрію, гдѣ за полстара жита (мѣрка) получу пять зарядовъ». Женщина несла два пуда на спинѣ восемь дней, съ тѣмъ, чтобы купить у австрійцевъ нѣсколько патроновъ, которымъ ея мужъ радъ болѣе, чѣмъ золоту.

Вучедольское сраженіе (17 іюля, 1876) окончилось; турки были разбиты и въ этотъ день потеряли приблизительно 1,500 человѣкъ и между ними храбраго Селима-пашу съ его 60-ю штабъ-офицерами. Энергичный и очень симпатичный черкесъ, Османъ-паша, былъ взятъ въ плѣнъ. Пять пушекъ, множество знаменъ и ружей также сдѣлались добычей черногорцевъ. Словомъ, это сраженіе очень прославило и черногорцевъ, и ихъ главнокомандующаго, князя Николая. Между прочимъ, и мнѣ довелось въ немъ участвовать. Послѣ сраженія все войско расположилось бивуакомъ на высотахъ Билеча. Можно представить себѣ общую радость, когда внизу горы увидѣли поднимающійся «бѣлый низамъ»: такъ называли черногорскихъ женщинъ. Онѣ несли на себѣ вино, водку и другую провизію. И нельзя было не радоваться, когда въ продолженіе восьми дней мы питались въ главномъ штабѣ князя сухарями и свинымъ саломъ.

Женщины живо разсыпались по батальонамъ, гдѣ служили ихъ родные. Нѣкоторыя, проходя мимо меня и одного итальянскаго корреспондента, съ которымъ я стоялъ, разспрашивали, гдѣ тотъ или другой батальонъ. Между прочимъ, спросила меня и одна дѣвушка изъ Церницы: «Братъ, скажи мнѣ, гдѣ церницкій батальонъ?»—«Вонъ тамъ, дѣвушка!» указалъ я ей мѣсто. Ее сопровождала старушка мать, но Марица интересовала насъ болѣе: это была замѣчательная красавица. Мой спутникъ уговорилъ меня вмѣстѣ съ нимъ прослѣдить Марицу. Мы дошли до самаго церницкаго батальона, все любуясь ею. Ма-

рица весело смѣялась съ матерью, приближаясь къ батальону. И какъ не веселиться, когда онѣ надѣются сейчасъ увидѣть своихъ! У перваго же костра сидѣло человѣкъ десять. «Добар вече?» — сказали имъ мать съ дочерью, принявъ смиренный видъ. «Добра ти среча!» — отвѣтили черногорцы. — «А гдѣ Станко, мой мужъ?» — спросила старуха. «Убитъ», — отвѣтилъ ей меланхолическій черногорецъ. — «А братъ гдѣ?» — спросила затѣмъ Марица. — «Убитъ», — былъ отвѣтъ.

Мгновенно поблѣднѣли и дѣвушка и несчастная старуха. Онѣ стали похожи на статуи... Чрезъ нѣсколько секундъ по лицамъ несчастныхъ женщинъ покатились слезы, но ими все кончилось. Старуха только освѣдомилась — «отмстилъ-ли *онъ* смерть свою?» — «Отмстилъ — и юнацки!» отвѣчали ей. — «Сколько онъ убилъ *ихъ*?» — «Четырехъ». — «А братъ мой?» — спросила, наконецъ, Марица. — «Онъ убилъ шесть турокъ». — «Ну, и пусть ихъ... Нечего жалѣть. Пусть погибаютъ, — затѣмъ и родились... Не умирать имъ на кровати», — сказали и мать-старуха и красавица-дочь въ одинъ голосъ.

Но вечеромъ, часовъ около восьми, когда черногорцы возвращались въ свой лагерь, то одинъ изъ нихъ велъ плѣннаго турка. Увидѣвъ его, несчастная мать, съ дикимъ ревомъ и совершенно потерявъ сознаніе, бросилась на плѣннаго, съ очевидною цѣлью его задушить, и только окружающіе помѣшали ей это сдѣлать, съ большими, впрочемъ, усиліями. Тогда она начала кричать: «Заклинаю васъ Богомъ, черногорцы, позвольте мнѣ отмстить за родныхъ!» — «Они сами отмстятъ за себя по-юнацки... Они никогда не нуждались въ мести за нихъ женщины», — отвѣчали ей.

— Пожалуй, вы правы, — сказала она, наконецъ, успокоившись.

Спустя нѣсколько времени, имъ была принесена окровавленная одежда убитыхъ, которую онѣ берегли, какъ святыню,

и надъ которой исполняютъ обрядъ—«покойнице», обрядъ оплакиванья, въ своей деревнѣ.

XV.

«Посестримство» встрѣчается въ Черногоріи довольно часто, и это опять указываетъ на уваженіе, которымъ пользуется черногорская женщина. Иначе юнакъ никогда не согласился бы предложить женщинѣ братскій союзъ. Старая пѣсня часто разсказываетъ, какъ богатырь-гайдукъ заклинаетъ женщину помочь ему и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться его посестримою. У знаменитаго Кралевича Марка была не одна посестрима. Я самъ лично видѣлъ въ Черногоріи юнаковъ, у которыхъ были посестримы. Гайдуки при набѣгахъ на турецкіе города или деревни особенно нуждаются въ помощи женщинъ, содержащихъ по большимъ дорогамъ «керчмы» (кабаки).

«Заклинаю тебя Богомъ и св. Іоанномъ, сестра кабатчица Іела, — говоритъ въ пѣснѣ юнакъ, — спрячь меня сегодня у Удбины, не выдавай меня туркамъ. И спрятала она его до вечера, а когда зашло солнце, она отварила двери подвала и пустила съ Богомъ побратима».

Черногорцы, выбирая себѣ посестриму, стараются, какъ и при выборѣ невѣсты, чтобы она была незапятнанной репутаціи и происходила изъ храброй фамиліи. Посестримство заключается въ томъ случаѣ, когда женщина спасетъ черногорца во время схватки, какое бы ни было за нимъ преступленіе, будь онъ даже убійца ея мужа, брата—все-таки ни одна черногорка не откажетъ въ посестримствѣ преслѣдуемому врагами и заклинающему ее Богомъ и св. Іоанномъ спасти его. Заключается также посестримство при взаимной сердечной склонности въ годы молодости, или при желаніи одного дома сблизиться съ другимъ; заключается даже дѣвушками. Право предложить посестримство принадлежитъ и мужчинѣ и женщинѣ. Женщи-

на называетъ мужчину «побратимомъ», а онъ ее «посестримой». Любовь между ними— вѣчна, измѣнить другъ другу — значитъ совершить величайшую низость, и такіе люди подвергаются всеобщему презрѣнію.

Въ послѣднее время посестримство заключается рѣже, чѣмъ въ началѣ столѣтія. Одинъ черногорскій сотникъ, лѣтъ семидесяти отъ роду, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ сталъ побратимомъ Станѣ Янковичъ въ Цеклинѣ: «Я зналъ эту дѣвицу,—говорилъ онъ, — уже нѣсколько лѣтъ; она очень мнѣ нравилась. Разъ я рѣшился попросить у ея отца ея руку, но получилъ отказъ: она еще въ колыбели была помолвлена за другого. Тогда я предложилъ ей побратимство. Она согласилась: мы пошли въ церковь; попъ прочиталъ намъ какія-то молитвы, по окончаній ихъ, мы трижды поцѣловались. Я подарилъ ей серебряный поясъ, она мнѣ хорошую плеть». Мужчины при заключеніи побратимства мѣняются оружіемъ: пистолетами, ятаганами и т. п.

Есть у меня одна народная пѣсня, переданная мнѣ въ довольно плохихъ стихахъ, однимъ сердаремъ, безъ сомнѣнія однако старая, въ которой обрядъ разсказывается слѣдующимъ образомъ. Спасенный юнакъ предлагаетъ своей спасительницѣ, дѣвушкѣ, побрататься. Она соглашается; затѣмъ приглашаютъ священника, который приноситъ икону св. Іоанна. Предъ нею вступающіе въ братскій союзъ даютъ клятву быть вѣрными другъ другу — и, по прочтеніи священникомъ молитвы, обмѣниваются троекратнымъ поцѣлуемъ. Этимъ, однако, обрядъ не кончается. Юнакъ рѣжетъ ятаганомъ палецъ у своей посестримы надъ стаканомъ, и, затѣмъ, такимъ же образомъ,—свой. Кровь въ стаканѣ смѣшивается. Тогда онъ говоритъ ей:

„Посестримо, крви смо смјешале.
Сад умакат треба ятагане“.
(Посестрима! кровь наша смѣшана, слѣдуетъ омочить въ ней наши ятаганы).

Она ему отвѣчаетъ:

„Богом брате, крвави юначе,
Ни сам мушко, да оружје носим,
Но сам женско, те куђељу предем,
Ал' чу узем от мог баба шалу,
Умочит чу, да је љубав тврђа".
(Богомъ данный братъ, кровавый юнакъ! Я не мужчина, чтобы носить оружіе, — для меня, какъ для женщины, —куделя и прялка,—но я возьму у отца саблю и омочу ее: пусть любовь будетъ крѣпче).

Затѣмъ обрядъ заключается:

„Тад се млади три пут пољубише
Руйну кровцу из чаше попише".
(Послѣ этого „молодые" (побратимы) еще трижды поцѣловались и выпили красную кровь изъ стакана).

Заключенія «посестримства» черногорки съ туркомъ, то подобныхъ примѣровъ я не знаю, хотя въ народной поэзіи и такіе встрѣчаются.

Отношенія между «побратимами» и «посестримами» тѣ же, что и между родными братьями и сестрами. Обязанности каждаго заключаются, между прочимъ, въ мщеніи за смерть или рану другого. Братья и сестры ихъ не имѣютъ права заключать между собою бракъ.

Какъ доказательство неразрушимой силы побратимства, я могу привести эпизодъ изъ черногорской жизни 1742 года.

Грозные, неприступные Пиперы, ни что иное, какъ аванпостъ широкаго и плодовитаго Бѣлопавличскаго поля, на срединѣ котораго красуется высокая крѣпость Спужъ, а объ ея стѣны плещется серебристая Зета. Кажется, съ грустью проходитъ она мимо древней Діоклеціи—этой столицы римскаго императора-славянина. Древній городъ, бывшій свидѣтелемъ славы, могущества и, затѣмъ, паденія сербскаго народа, весь разрушенъ, унылю глядитъ онъ, какъ подъ его стѣнами Зета

изчезаетъ въ объятіяхъ шумной Морачи и какъ, затѣмъ, обѣ онѣ, пройдя чрезъ красивый городокъ Подгорицу, спѣшатъ утонуть въ темныхъ безднахъ Скутарскаго озера.

Шумно бѣжала Морача и 29 іюня 1842 г. Заря—эта восточная красавица, одѣтая въ румяную одежду, только что встала съ постели своего жениха — дня и, какъ будто сконфуженная, раскраснѣвшаяся прячется за высокія Албанскія горы. Роса, этотъ природный діамантъ, блеститъ и играетъ на зеленой одеждѣ матери-земли, птицы также проснулись и огласили лѣса своей веселой пѣсней. Изрѣдка слышался лай собакъ и окрикъ турецкихъ часовыхъ, сторожившихъ границу имперіи и крѣпости Мало-и-Велико Вердо отъ свирѣпаго «Карадака».

Прелесть была эта заря, заря, которою имѣютъ возможность любоваться только жители юга. Въ ея сіяніи рѣзко обрисовывались стѣны «красавицы» Подгорицы, сплошь построенной изъ камней когда-то величественной Діоклеціи. Ея турецкіе конаки и высокіе минареты гордо поднимали голову, какъ бѣлые лебеди надъ спокойнымъ озеромъ. Въ городѣ господствовала тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ пѣтуха и унылыми звуками колокола, слѣтавшими съ высокихъ скалъ Черногоріи. Они давали знать несчастнымъ турецкимъ христіанамъ, что сегодня великій «Петровъ день» и, какъ будто, звали ихъ на молитву въ черногорскіе храмы.

Въ это время по берегу Морачи шла молодая черногорка, завернутая въ черный плащъ—струку. Она несла что-то въ рукахъ и, печально склонивъ голову, тянула монотонную пѣсню, изъ словъ которой можно было догадаться, что у нея кто-то убитъ.

Шла она... шла скорымъ шагомъ, точно боялась турецкой погони, но когда добралась до развалинъ Дукли, или Діоклеціи, она подняла гордую голову, посмотрѣла на Подгорицу и

развязавъ узелокъ, вынула изъ него окровавленную мужскую рубашку.

Рубашка эта принадлежала ея побратиму Милошу, котораго бегъ Атлагичъ, заманивъ на хлѣбъ, на соль, убилъ въ своемъ домѣ. Черногорцы, узнавъ объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ, постарались достать окровавленную рубашку, эту эмблему мести. По народнымъ обычаямъ, ее должно сохранять, пока не отомстятъ за убитаго.

Черногорка разостлала рубашку на зеленой травѣ и сама стала передъ нею, какъ молодая мать передъ трупомъ единственнаго ребенка, потупивъ что смоль черныя очи, еще недавно сіявшія небесными звѣздочками, а теперь потемнѣвшія отъ горькихъ слезъ, которыя могли бы поспорить въ блескѣ и игрѣ съ слезинками утренней росы. Морщины покрыли ея лобъ, какъ тучи осеннее небо. Волосы, краса черногорокъ, были подрѣзаны, въ знакъ скорби по убитомъ. Бѣлая грудь волновалась и вздымалась, какъ двѣ бѣлыя лодочки на шумномъ озерѣ и изъ нея монотонные звуки жалобной пѣсни:

„Ти погибе побратиме, вѣрна главо
Ал ти носим пусто рухо свѣ крваво
Коѣ че ми очи видит док те набро
Неосветим...“.

Т.-е. «Ты погибъ, мой побратимъ, сложилъ свою вѣрную головушку, и я несу твою пустую одежду. Она не даетъ мнѣ покоя, пока не отомщу за побратима».

Дальнѣйшія слова пѣсни было трудно разслышать въ дикомъ ревѣ Морачи, утихавшей, временами, точно прислушивавшейся къ той клятвѣ — отомстить, которую произносила Милица передъ окровавленной рубашкой побратима. Когда прозвучала, наконецъ, самая формула клятвы, Морача, какъ бы вполнѣ удовлетворенная слышаннымъ, побѣжала къ Подгорицѣ, а Милица, связавъ въ узелокъ свою драгоцѣнность, возвратилась въ Пиперскія горы, въ родное село Рогами.

Рогами — маленькое мѣстечко, населенное пиперами и извѣстное безукоризненною храбростью въ междоусобныхъ и внѣшнихъ войнахъ. Считалось въ немъ не болѣе 25-ти домовъ, изъ которыхъ каждый снабженъ бойницами, нерѣдко посылавшими убійственный дождь пуль на албанскія и турецкія полчища. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія, албанское племя малисори, вмѣстѣ съ турками напало на ближайшую къ границѣ черногорскую деревню Рогами. Но жители ея, собравъ женъ и дѣтей въ одномъ укрѣпленномъ домѣ, отстаивали себя восемь дней противъ безпрерывныхъ нападеній трехъ тысячъ турокъ, въ чемъ много помогли имъ женщины, ободрявшія мужей, ухаживавшія за ранеными и заряжавшія ружья. Даже въ восьмой день, когда черногорцы рѣшили произвести нападеніе утромъ на спящихъ еще турокъ, и когда тѣ въ суматохѣ начали рѣзать другъ друга, то женщины и здѣсь приняли участіе: вооруженныя топорами, онѣ жестоко истребляли враговъ. Въ послѣднюю кампанію я самъ видѣлъ мѣсто за домомъ пиперскаго командира Михаила, на которомъ женщины убили нѣсколько десятковъ турокъ. Съ тѣхъ поръ пиперы гордятся своими женщинами.

— Вѣдь и жены наши рѣзали турокъ,—говорятъ они.

Милица была потомокъ этихъ доблестныхъ женщинъ.

На порогѣ ея маленькаго домика сидѣла старушка, мать Милицы, съ унылымъ и безпокойнымъ видомъ поджидавшая дочь.

— Доброе утро, моя родимая мать!—крикнула ей Милица.—Я уже пришла и хорошо знаю, какъ безпокоила тебя. Но ты прости меня за это...

И Милица цѣловала сморщенную материнскую руку.

— Ахъ, Милица! Всю ночь не спала я, все думала гдѣ моя голубка,—отвѣчала старушка.—И всего больше боялась, чтобы не захватили тебя арнауты. Подойди же поближе, мой ангелъ, дай еще разъ обнять тебя.

— Да, мать! Не захватили меня арнауты. А была я въ Подгорицѣ и принесла окровавленную рубашку Милоша, моего побратима, моей погибшей надежды...

На этихъ словахъ и мать и дочь заплакали, обнявшись, онѣ оставались нѣсколько минутъ въ такой позѣ.

— Ахъ, Милошъ, Милошъ!—вздыхала старушка.

— Да, матушка, ты знаешь, какъ мы любили другъ друга. Когда мы въ первый разъ встрѣтились въ монастырѣ Пиперскомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Милица, вѣдь ты моя посестрима, наши родители заключили между нами этотъ священный союзъ въ схваткѣ въ Шабляхъ. Давай же, поцѣлуемся!» И затѣмъ подарилъ мнѣ золотую бурму. Я же ничего не могла подарить ему, кромѣ трехъ горячихъ поцѣлуевъ, которые и теперь покоятся на губахъ его мертвой головы, красующейся на окопахъ Подгорицы. Но не плачь, мать моя, я отомщу за него, клянусь въ этомъ дѣвичьей честью, памятью отца, костями моихъ погибшихъ братьевъ и головою самого Милоша, клянусь св. Петромъ и Василіемъ!

— Однако, дочь моя, этимъ ты наведешь позоръ на наше племя. Скажутъ, что, видно, и мужчинъ у насъ нѣтъ, если женщины вынуждены мстить за юнаковъ. Нѣтъ, дочка, не дѣлай этого!...

— Рѣшено! Я уже присягнула! Что же, пусть и мужчины мстятъ за него... Вѣдь еще много турокъ и албанцевъ...

— Ну, если такъ,—рѣшила старушка,—то и я благословляю тебя. Да будетъ тебѣ Богъ въ помощь за правду, «кто се освети, той се посвети!»

Этими словами и окончилась бесѣда двухъ женщинъ; онѣ вошли въ домикъ.

Прошло полгода, а Милица все еще не подкараулила бега Атлагича. Насталъ и Николинъ день.

Была зима... Земля покрылась снѣгомъ, какъ столѣтній старикъ сѣдинами. Зета, Морача и Раблица замерзли по до-

рогѣ къ Скутарскому озеру. Высокія горы Кучскія, одѣтыя въ туманныя облака, сердито смотрѣли на горы арнаутовъ и на вѣроломное племя албанцевъ-миридитовъ. Тишина господствовала повсюду. И только время отъ времени доносился съ Везирова моста, этого пояса, подареннаго Зетѣ еще могущественнѣйшими сербскими королями, то окликъ турецкаго часового, то гулъ бесѣды карауловъ, да еще въ крѣпости Велико-Беядо турецкій горнистъ игралъ «зарю»

Въ это время, т.-е. въ девять часовъ вечера Николина дня, Милица шла ускоренными шагами къ Подгорицѣ. Подъ пледомъ у нея былъ спрятанъ пистолетъ: она шла мстить!

Она смѣло вошла въ городъ и, ничуть не затрудняясь, миновала одну улицу за другою, пока не показался большой каменный домъ, построенный недалеко отъ Махмудъ-Джамін. Милица со вниманіемъ разсматривала его деревянные флигеля, украшенные восточной рѣзьбой. За ними виднѣлся еще одинъ, совершенно отдѣльный, домикъ, съ рѣшетками въ окнахъ—гаремъ бега.

— Да это, слава Богу, его домъ!—перекрестившись, сказала Милица. Она смѣло постучалась въ двери.

Лай собакъ разбудилъ вѣрнаго слугу бега—Мусу. Однако, онъ, изъ боязни повстрѣчаться съ черногорскимъ гайдукомъ, не отворилъ сразу двери, а началъ переговоры.

— Кто ты?

— Я—кауркиня, дѣвица изъ Спужа. Мнѣ нужно бега Атлагича... Мы знаемъ другъ друга... Позови его... Мнѣ нужно поговорить съ нимъ!

— Хорошо!—отозвался Муса и немедленно донесъ своему господину, который очень обрадовался, что гость его—женщина.

— Что тебѣ?—предложилъ онъ вопросъ Милицѣ.

— Я дочь Ахмета Юсуфова... Онъ отправилъ меня въ

Подгорицу, но ночевать мнѣ негдѣ и я рѣшилась, по старому знакомству отца съ тобой, искать у тебя гостепріимства.

— Храшо... Бенумъ диберъ дѣвица!—воскликнулъ бегъ и отворилъ двери. Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ. Бегъ упалъ внизъ лицомъ, на порогъ дома... Онъ былъ убитъ.

На выстрѣлъ сбѣжалось все населеніе Подгорицы, и мужчины и женщины. Всѣ искали убійцу, но напрасно... ее не нашли.

Но черезъ три дня черногорцы нашли Милицу на берегу Скутарскаго озера...

Всѣ славянскіе народы отвели женщинѣ почетное мѣсто въ національной поэзіи, сербы—особенно. Въ народныхъ сербскихъ пѣсняхъ женщины являются и въ миѳическихъ образахъ, то «вилами», то «вѣштицами», то «морами», — и въ прежнія времена съ настоящимъ религіознымъ значеніемъ.

Вила (русалка) обыкновенно является въ представленіяхъ народа красивою молодою женщиною, въ бѣлой одеждѣ и съ распущенными волосами. Есть вилы водяныя, которыя живутъ въ ручьяхъ, рѣкахъ, озерахъ; есть лѣсныя, обитающія въ густыхъ тѣнистыхъ рощахъ; третій видъ составляютъ облачныя. Черногорцы не считаютъ ихъ чѣмъ-нибудь недосягаемымъ, не придаютъ имъ сказочныхъ совершенствъ. Черногорская дѣвушка, напримѣръ, можетъ быть и умнѣе, и красивѣе вилы. Вилы доступны смертному человѣку; если онъ хочетъ завести съ ними знакомство, онѣ его не чуждаются. Мужчины и женщины не разъ заключали съ ними посестримство. Вила, посестрима Кралевича Марка, спасаетъ его отъ смерти въ поединкѣ съ знаменитымъ турецкимъ богатыремъ Мусой Кесенджіемъ, упрекая его, въ то же время, зачѣмъ онъ затѣваетъ поединокъ въ воскресенье, ибо это грѣшно. Такимъ образомъ, народъ считаетъ вилъ не только патріотками, но и благочестивыми. Въ народной пѣснѣ жена Ивана Радуловича говоритъ вилѣ: «Послушай меня, вила, по Богу посестрима, скажи мнѣ,

гдѣ государь мой, Радуловичъ Иванъ? Не погибъ-ли онъ въ кровавомъ бою,—въ кровавомъ бою, отомстивъ за себя?»— «Черногорка, милая моя посестрима! Видала я утромъ Радуловича, какъ бьетъ онъ и разитъ бусурманъ...» и т. д.

Вила горячо сочувствуетъ черногорцамъ и на каждое несчастье ихъ смотритъ, какъ на свое собственное. Нѣтъ пѣсни о сраженіи или о смерти вліятельнаго лица, въ которыхъ не участвовала бы, такъ или иначе, если не сама черногорка, то черногорская вила. Не разъ она спасала свободу нашего народа. Такъ, напримѣръ, однажды кричитъ она съ высокой горы черногорскому князю: «Владыка, черногорскій старшина! На тебя идетъ сильное войско Оттомановича царя: поспѣши собрать храбрыхъ черногорцевъ!» Владыка отвѣчаетъ: «Скажи мнѣ, дорогая вила, сколько воиновъ у врага, гдѣ онъ набралъ ихъ, куда идетъ и когда сдѣлаетъ на насъ нападеніе?» Вила отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы и исчезаетъ. Благодаря извѣщенію ея, спасена Черногорія. Въ другой разъ она опять спасаетъ Черногорію чрезъ Лѣшевича Вука. «Закричала бѣлая вила съ высокаго вершца, на которомъ жила: Послушай меня, Вукъ Лѣшевичъ! Если пьешь ты вино въ меанѣ (корчмѣ), дай Богъ, чтобы отравило оно твои раны. Если спишь съ женой въ кровати, вдовой бы осталась жена твоя. Вставай же скорѣе, вооружайся! Наступаетъ на васъ сильное войско, все удальцовъ—турокъ отборныхъ».

Не разъ случалось, по народнымъ пѣснямъ, что вила таскала молодыхъ людей въ свои убѣжища, устроивала вокругъ нихъ хороводы съ пѣснями, не разъ она и сама рѣшалась раздѣлить съ богатыремъ брачное ложе. Правда, въ послѣднее время установилось мнѣніе, что вилы такъ нравственны, что этого не дѣлаютъ, но одна пѣсня разсказываетъ, какъ вила женитъ своего сына и выдаетъ замужъ дочь, хотя и не объясняется, откуда взялись у нея дѣти. Есть, наконецъ, и прямыя указанія. «Отправился на охоту молодой бояринъ Секу-

ла, — разсказываетъ пѣсня. — Ходилъ онъ по горамъ и по лѣсамъ и вдругъ напалъ на молодецкое «побоиште» (мѣсто, на которомъ разыгралось когда-то достопамятное сраженіе). Оно же было убѣжищемъ вилъ, которыя въ это время танцовали. Одна изъ нихъ понравилась Секулу. Схватилъ онъ ее, а она просить, заклинать: «Отпусти ты меня, молодецъ, я подарю тебѣ за это три вещи: дружина твоя будетъ уважать тебя, жена твоя родитъ тебѣ сына, сабля твоя будетъ всегда уничтожать турокъ. Но Секулъ не согласился, увезъ вилу и подарилъ ее своему дядѣ».

Вилы строятъ даже города:

«Городъ построила бѣлая вила не на землѣ и не въ небѣ, а въ туманныхъ облакахъ. Въ городѣ этомъ трое воротъ: одни ворота изъ бархата, вторыя — изъ жемчуга, а третьи — изъ чистаго золота. Тамъ, гдѣ ворота изъ бархата, вила замужъ дочь выдаетъ, въ воротахъ изъ жемчуга — вила сына женитъ, въ воротахъ изъ чистаго золота — вила сама сидитъ».

Не разъ на эти города нападаетъ сильное турецкое войско и хочетъ взять ихъ приступомъ. Она защищается и всегда побѣдоносно.

Въ противоположность вѣдьмѣ, вила является покровительницею семейной любви и согласія.

«Вила смотритъ въ облака, гдѣ громы съ молніей играютъ, точно милая сестра съ братьями родными, какъ невѣста съ двумя своими шаферами. Но молнія обыграла громъ, и сестра родная — родныхъ братьевъ, а невѣста — милыхъ шаферовъ... Это вилѣ пріятно было!»

Нижеслѣдующая пѣсня передаетъ воззрѣнія народа не только на жизнь вилъ, но указываетъ еще на основную мысль сербской исторіи.

«Однажды ввечеру легъ спать пастухъ подъ деревомъ. Съ нимъ никого, кромѣ стада и обычнаго оружія, не было. Молодцу не спалось; онъ взялъ гусли и началъ пѣть «уз гус-

лярни звонъ» пѣсню. Черезъ нѣсколько времени, онъ неожиданно уснулъ и почти тотчасъ же проснулся. Но картина уже измѣнилась. На востокѣ взошла заря, вслѣдъ за нею—солнце, и вдругъ оно скрылось; ночь наступила по прежнему. Дѣвушка необыкновенной красоты явилась пастуху. «Не бойся меня,—сказала она,—я не изъ твоихъ враговъ, я посестрима твоя—вила съ Ловченской горы, коренная черногорка». И, убравъ цвѣтами свою лошадь, покрывъ ее блестящимъ покрываломъ, посадила на нее пастуха и понеслась, вмѣстѣ съ нимъ, на верхушку Ловчена. Чудное зрѣлище увидѣлъ тамъ черногорецъ! На тронѣ, въ свѣтлой одеждѣ, сидѣла царица; въ ея взглядѣ блистала радость; вокругъ стояла толпа народа. Надъ ними носился вѣнецъ; соколы и орлы, схвативъ его, возложили на голову царицы. Всѣ пѣли, ликовали. Вдругъ произошло нѣчто странное... Стало темно, вмѣсто музыки и пѣсенъ понеслись стоны и вопли... Заплакали глаза у царицы, завяли и печально склонились цвѣты ея вѣнца. Они покрылись кровью: это была кровь потомка великаго Немани. Цареубійца Вукашинъ сѣлъ на сербскій престолъ; рядъ несчастій постигъ царство. Грустно пѣли вилы, но вскорѣ пѣсня сдѣлалась 'веселѣе и зазвучала о битвахъ черногорцевъ съ турками, мало-по-малу исчезали слѣды крови съ вѣнца у царицы, ожили и разцвѣли нѣкоторые цвѣтки на немъ. Наконецъ, раздался самый голосъ царицы: «Стыдъ мѣшаетъ мнѣ жить: какъ подумаю я, несчастная мать, что турокъ предписываетъ мнѣ законы... Ахъ, долго-ли продолжаться этому!»

. . . . . .

«Вѣштицы» (вѣдьмы)—олицетвореніе дурныхъ свойствъ женщины. Это—женщины, заключающія въ себѣ нѣчто дьявольское, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какую-то частицу изъ дьявольскаго существа. Во время сна она превращается въ вампира и летаетъ по домамъ. Найдя человѣка спящимъ (вампиръ особенно любитъ дѣтей), она немедленно прокалы-

ваетъ ему лѣвую грудь, съѣдаетъ сердце и затѣмъ закрываетъ рану. Послѣ этой операціи, одни умираютъ, другіе живутъ ровно столько времени, сколько присудитъ вѣштица. Смерть ихъ, во всякомъ случаѣ, та, на которую вѣштица обрекла ихъ. Вѣштица не ѣстъ бѣлаго луку и даже боится самаго запаха. Бѣлый лукъ, поэтому, постоянный спутникъ очень многихъ черногорцевъ. Имъ намазывается грудь для защиты отъ вѣштицъ.

Вѣштицами обыкновенно бываютъ старыя женщины, молодыя въ данномъ случаѣ внѣ всякихъ подозрѣній. Живутъ онѣ между людьми и, разъ сдѣлавшись вѣштицами, навсегда остаются такими, если только не хотятъ исповѣдаться, признаться въ своемъ ремеслѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ перестаютъ вредить людямъ и даже становятся лекарками укушенныхъ вѣштицами. Ночью вѣштица, летя по воздуху, блеститъ какъ огонь. Обыкновенно онѣ слетаются на гумнахъ.

«Вѣштицы» и «мори» преслѣдуются народомъ. Имъ приписывается всякое зло, постигающее страну. Особенно ихъ винятъ въ эпидемическихъ болѣзняхъ, отъ которыхъ умираютъ маленькія дѣти. Этимъ и объясняются крутыя мѣры, какія принималъ народъ противъ вѣштицъ или, лучше сказать, подозрѣваемыхъ въ вѣштичествѣ. Такія мѣры особенно практиковались въ Герцеговинѣ. Чтобы узнать, кто въ деревнѣ вѣштица, собиралась деревня и, подъ предсѣдательствомъ старшины, рѣшала: «Такъ какъ проклятыя вѣштицы ѣдятъ нашихъ дѣтей, то пусть каждый завтра утромъ приведетъ жену и мать на рѣчку и тамъ увидимъ, кто изъ нихъ вѣштица». Утромъ всѣ женщины престарѣлаго возраста приводятся на рѣчку. Каждый вяжетъ своихъ поясомъ и бросаетъ въ воду. Затонувшія вытаскиваются и освобождаются, какъ невинныя, но если которая-нибудь держится на водѣ, то всѣ считаютъ ее за вѣштицу. Богишичъ разсказываетъ въ своей книгѣ, что въ 1857 г. турки заставили православныхъ изъ города

Требинья продѣлать подобную операцію надъ ихъ женщинами и, что, такъ какъ семь изъ нихъ остались на водѣ, вслѣдствіе наполненія водою ихъ платья, то турки хотѣли ихъ каменовать, но, благодаря просьбамъ и подкупу, согласились, чтобы православные пригласили архимандрита Дучича, предъ которымъ семь женщинъ, признанныхъ виновными, должны были поклясться св. евангеліемъ, что онѣ перестануть быть вѣштицами. Въ Черногоріи этотъ обычай болѣе не существуетъ, но на границахъ кое-гдѣ секретно практикуется.

Обыкновенно думаютъ, что вѣштица можетъ повредить ребенку только изъ своего племени. Но бывали случаи, что племена вступали между собою въ ожесточенную борьбу изъза того, что вѣштица одного племени будто бы съѣдала ребенка изъ другого племени.

Въ народной поэзіи и обычаѣ женщинамъ, и особенно вдовамъ, дается названіе «кукавицы» (кукушки). «Закуковала черная кукушка въ городѣ Скадрѣ, на Боянѣ, гдѣ уже многія куковали отъ сербскихъ рукъ и оружія, но и есть ей отчего куковать: немного прошло времени, какъ она стала женою, а теперь сдѣлалась черною вдовою, черною вдовою-кукушкою».

Черногорцы считаютъ кукушку хотя и птицею, но священною, и никогда не согласятся убить ея, несмотря на то, что она предвѣстница печали и скорби. Перелетая черезъ чей-нибудь домъ, она возвѣщаетъ ему несчастье. Откуда взялась кукушка, объясняютъ различно. Одни говорятъ, что брату надоѣлъ вѣчный плачъ сестры и онъ обратилъ ее въ кукушку, другіе—наоборотъ, что сестра потеряла брата и до того плакала, что сдѣлалась кукушкой. Третьи придаютъ ей религіозное значеніе. Когда кого-либо оплакиваютъ—мужа или брата, обыкновенно начинаютъ словами: «Что теперь буду дѣлать, черная кукушка, безъ него, безъ молодца? Ку-ку! ку-ку!»

Заплакала черная кукушка
Въ Чевскихъ кровавыхъ горахъ:
Это не была черная кукушка,
Это была черная вдовушка.
Шесть лѣтъ она плачетъ по Станку,
А на седьмой изъ-за Станка зарѣзалась...
Сестра плачетъ по родному брату,
Изъ жалости она съ ума сошла,
Въ сумасшествіи изъ дому ушла
И въ Зетѣ холодной она утопилась.

Какъ сильно жалѣетъ черногорка своихъ ближнихъ, видно изъ полуварварскаго обычая, который существовалъ во всей Черногоріи до князя Данінла I (1857 г.) и который, несмотря на усилія нынѣ владѣющаго князя Николая, еще не совершенно уничтожился въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ краяхъ, сосѣднихъ турецкимъ областямъ. Женщины, изъ сожалѣнія къ роднымъ, царапали свое лицо и рѣзали свои черныя кудри. Мнѣ лично пришлось видѣть въ прошлую кампанію 1876 г. въ Банянахъ, какъ на могилахъ убитыхъ красовались соломенные кресты, украшенные разноцвѣтными матеріями, изъ которыхъ висятъ густые и длинные волосы.

Женщины сопровождаютъ храбро-погибшаго воина своими монотонными, но полными содержанія пѣснями. Это—«куканье», или «покайница». Покойникъ лежитъ на кровати; женщины приходящія отдать ему послѣдній долгъ, поютъ сквозь слезы:

Куда ты улетѣлъ, мой соколъ-молодецъ,
Изъ твоего молодецкаго гнѣзда?
Ты полетѣлъ съ соколами въ бой кровавый,
Гдѣ юнаки дерутся съ туркомъ за свободу,
Гдѣ турокъ рѣжутъ—все за вѣру,
За православную, святую;
Гдѣ изъ-за чести молодцы перегоняются
Изъ-за военной чести, изъ-за имени юнака.
Ты рѣзалъ турокъ, дикій басурманъ,
Ты билъ ихъ, богатырь, молодецъ, храбрецъ.
Но тебя нашла турецкая пуля
И свалила она къ родной землѣ.

Но пусть ты погибъ, я жалѣть не хочу,
Не для того-ли и на свѣтъ ты родился,
Чтобы умереть не смертью женщины,
Не на мягкой постелѣ, возлѣ молодой жены,
Но на бранномъ полѣ, за родную землю,
За святую нашу Черногорію.
Погибъ ты, родной, оставилъ кукушку,
Оставилъ меня, черную вдову,
И еще родныхъ четверо дѣтей,
Четверо дѣтей, милыхъ сыновей.
Выростутъ они—отмстятъ за тебя,
Отмстятъ за тебя, ужасно отмстятъ.
Тебя нѣтъ больше между нами здѣсь;
Но за то ты сидишь въ небесахъ,
Въ кружкѣ, мой соколъ, храбрыхъ юнаковъ;
Тамъ тебѣ почетное мѣсто выбрали,
Съ радостью они тебя встрѣтили.
Тамъ увидишь ты Милоша-атамана
Еще Ивана Сокола бапа,
И Марка храбраго, Груицу-юнака, и т. п.

Послѣ каждаго стиха повторяютъ: «ку-ку мене, кукавица», и продолжаютъ пѣть, указывая по очереди, опредѣляющейся значеніемъ и старшинствомъ, на всѣхъ юнаковъ, погибшихъ на полѣ брани. Когда одна устанетъ пѣть, ее замѣняетъ другая и начинаетъ пѣсню съ новымъ содержаніемъ. Мужчины слушаютъ ихъ со вниманіемъ.

Мнѣ случалось читать въ разсказахъ иностранцевъ, что путешественникъ слышитъ иногда монотонную пѣсню женщины, несущей тяжелый грузъ въ Каттаро, сначала думаетъ, что она поетъ, но потомъ, къ удивленію, видитъ, что глаза ея налиты слезами; путешественникъ не могъ объяснить себѣ такой странности и слезы приписывалъ тяжести груза.

«Освета»—по-русски—кровная месть. Этотъ древній обычай часто бывалъ причиною междоусобій, продолжавшихся десятки лѣтъ и стоившихъ десятки, а иногда и сотни людей.

Народъ считаетъ этотъ обычай не только за законъ природы, но и за божій, и находитъ подтвержденіе въ невѣрно-толкуемыхъ словахъ символа вѣры: «Свѣта отъ свѣта, Бога истинна». Это мѣсто народъ переводитъ такъ: «Свѣта освѣта, Божья истина». Не отмстить своему врагу въ продолженіи года считается трусостью, и такого человѣка преслѣдуютъ даже женщины обычной насмѣшкой: «Сними штаны, надѣнь юбки, ты не юнакъ, ты не отмстилъ, ты трусъ!» Даже родная мать преслѣдуетъ сына, если не успѣлъ отмстить за отца, брата, родственника или побратима. Чтобы читателю понять, до какой степени этотъ обычай, общій всѣмъ патріархальнымъ народамъ, пагубенъ для насъ, надо привести слѣдующія соображенія. Вся Черногорія составлена изъ нѣсколькихъ родовъ, которые связаны между собою такъ крѣпко, что, несмотря на многочисленность нѣкоторыхъ изъ нихъ (есть роды въ три тысячи человѣкъ), они не женятся въ своемъ родѣ и такой поступокъ считали бы грѣхомъ. Если, положимъ, черногорецъ изъ племени бѣлопавличей убьетъ кого-нибудь изъ племени цуцы, то всѣ цуцы считаютъ своимъ долгомъ отмстить за убитаго собрата. Если нельзя убить убійцу, убиваютъ перваго встрѣчнаго бѣлопавлича (дѣти и женщины освобождены отъ мести). Бѣлопавличи, въ свою очередь, убиваютъ цуцу, цуцы опять бѣлопавлича, и такъ можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, пока не заключатъ миръ. Гдѣ убить человѣка—на это мало обращалось вниманія. Богишичъ разсказываетъ, что однажды убили священника Лазаревича во время чтенія евангелія. Я знаю только то, что черногорскіе священники и въ церковь ходятъ вооруженными.

Причины мести различны. Обыкновенно или бываетъ безчестье сестры, родственницы, отказъ отъ жены послѣ брака, затѣмъ—убійство, раны, обида и т. п. Случается, что и женщина мститъ сама за себя или за своего возлюбленнаго.

Случается, что избѣгаютъ кровной мести уплатой денегъ и

просьбами женщинъ. Это обставляется слѣдующими церемоніями: собираются 20—30 человѣкъ изъ племени убійцы и отправляются къ дому убитаго. Въ первый разъ ихъ не принимаютъ и они обязаны явиться въ другой, въ болѣе многочисленномъ сборѣ, и опять просить мира. Если семейство убитаго согласно, ихъ впускаютъ и тамъ уговариваются, сколько нужно заплатить за убитаго. Обычная цѣна головы—240 талеровъ, которые, за исключеніемъ 40, идутъ семейству убитаго. А 40 талеровъ дѣлятъ между собою уполномоченные старшины племени убитаго. Эта сумма считалась ужасной, и не разъ случалось, что цѣлое племя не могло собрать ея. Тогда оставлялось подъ закладъ серебряное оружіе. Но чтобы договоръ былъ тверже, посылали къ дому убитаго двѣнадцать матерей съ двѣнадцатью (если столько оказывалось) некрещеныхъ дѣтей. Двѣнадцать юнаковъ брали на руки дѣтей и кричали: «Прими куме Бога и св. Іована». Родственники убитаго принимали и цѣловали своихъ крестныхъ дѣтей. Потомъ выходили съ каждой стороны по четыре человѣка, цѣловались и дѣлались побратимами.

Когда племена заключили миръ, тогда убійца, повѣсивъ на шею оружіе, которымъ онъ убилъ покойнаго, становится шаговъ на пятьдесятъ отъ человѣка, у котораго онъ проситъ мира, и, пригнувшись къ землѣ, на четверенькахъ ползетъ къ нему. Послѣдній встрѣчаетъ его на половинѣ дороги и снимаетъ съ шеи оружіе. Обидчикъ цѣлуетъ обиженнаго въ правое плечо, а тотъ его въ лицо. Послѣ этихъ церемоній убійца созываетъ къ себѣ гостей и начинается пирушка или «трапеза од вражде». Масса гостей даритъ хозяина-обидчика во время обѣда—кто сколько можетъ, изъ желанія спасти его отъ разоренія, но за то и онъ долженъ подарить что-нибудь всѣмъ гостямъ со стороны убитаго. Мясо, предлагаемое гостямъ, должно быть хорошо изжарено, чтобы не напоминало своимъ видомъ кровь убитаго.

Такой же характеръ носитъ заключеніе мира послѣ нанесенія ранъ, только плата за рану считается обыкновенно въ 50 цехиновъ, иногда сполна не принимаемыхъ. За то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ружье или пистолетъ въ серебряной оправѣ, изъ котораго покушавшійся на жизнь раненаго стрѣлялъ въ то время, обыкновенно переходитъ во владѣніе потерпѣвшаго. Не разъ случалось, что и женщины принимаютъ участіе въ «осветѣ», что онѣ съ оружіемъ въ рукахъ мстятъ за убитаго. Случалось множество разъ, что черногорка убивала изъ мести черногорца. Она вполнѣ одобряетъ кровную месть; у нея всегда на губахъ: «Ко се освети, тай се посвети». Мать проклинаетъ сына, жена—мужа, сестра—брата, если погибшій собратъ не отомщенъ. Въ нѣкоторыхъ краяхъ женщины снимаютъ окровавленную рубашку съ убитаго и хранятъ ее, какъ талисманъ, показывая ее изрѣдка мужчинамъ и укоряя ихъ при этомъ, что они не смѣютъ мстить. Еще немного, и женщины сами берутся за оружіе. Существуетъ также народный обычай снимать со всякаго убитаго верхнее расшитое золотомъ платье и относить въ родное ему племя. Тамъ собираются женщины на «покайницы», окружаютъ окровавленную одежду и плачутъ нараспѣвъ: «Не сердись, юнакъ, хоть ты погибъ за свободу и вѣру православную, но тебя отомстятъ молодцы, молодцы твои родичи» и проч.

Хотя женщина и мститъ за убитаго, но сама она безопасна, хотя бы и была поймана на мѣстѣ преступленія.

XVI.

Общественное положеніе черногорской женщины можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: de jure и de facto. De jure женщина не участвуетъ въ сходкахъ, имѣющихъ политическое и общественное значеніе, по крайней мѣрѣ, закономъ не признано за нею это право, de facto—она участвуетъ

всегда, то какъ поддерживающая, то какъ оппозиціонная сторона. Мужчины обыкновенно показываютъ видъ, что не придаютъ никакого значенія совѣтамъ женъ, но все-таки, сознавая себя нравственно обязанными имъ, невольно выслушиваютъ ихъ мнѣнія. Примѣромъ можетъ служить историческій фактъ женскаго суда надъ тридцатью турецкими аристократами. Два брата Ченчичи и бей Любовичъ съ номаками герцеговинскими напали на село Травино въ племени цуцы. Но черногорцы разбили ихъ и 170 человѣкъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и трехъ предводителей. Плѣнниковъ привели въ Чево и начали съ ними переговоры о выкупѣ: черногорцы очень бѣдны, деньги нужны имъ постоянно. Черногорцы всѣ изъявили согласіе на эту сдѣлку, но женщины протестовали. «Черногорцы! — воскликнула ихъ предводительница: — послушайте голоса женщинъ. Вѣдь вы хотѣли разъ выкупить своихъ плѣнныхъ у проклятаго Чупреличъ-визиря, но онъ отказался; теперь обратите вниманіе на черныхъ, какъ кукушки, несчастныхъ вдовъ, потерявшихъ позапрошлаго года своихъ мужей. Не стыдно-ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ не мстить за своихъ братьевъ? Нѣтъ, вы еще хотите выпустить турокъ за деньги. Но этого не будетъ! Этого мы не позволимъ!».

Послѣ такой энергичной рѣчи, единодушно было рѣшено погубить всѣхъ плѣнныхъ, что и было исполнено.

Черногорцы не только слушаютъ совѣта своихъ женъ, но иногда не отказываются подчиняться имъ даже на полѣ сраженія. Вотъ разсказъ г-жъ Мэккензи и Ирби, которыя были безпристрастными судьями:

«Жила женщина, и у нея былъ мужъ и четверо сыновей. Мужъ погибъ знаменоносцемъ, который имѣетъ большое значеніе и видное мѣсто въ общественной жизни. Но такъ какъ въ Черногоріи маіоратъ, то наслѣдовалъ отцу старшій сынъ. Не долго пришлось ему ждать случая показать — достоинъ-ли онъ носить знамя передъ своимъ племенемъ, какъ его отецъ.

Бой начался и онъ въ самомъ его началѣ погибъ отъ непріятельской пули и палъ на землю. Но знамя не упало; второй братъ слѣдовалъ за нимъ и вырвалъ знамя изъ рукъ убитаго (былъ бы великій стыдъ и срамъ, если бы кто другой успѣлъ его подхватить). Но не долго и онъ носилъ знамя предъ племенемъ: онъ тоже погибъ. Третій братъ поступилъ точно какъ же, какъ второй, схватилъ знамя, пронесъ нѣсколько шаговъ и точно также былъ убитъ... Оставался еще четвертый, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, вблизи котораго находилась мать, хотѣвшая узнать какъ онъ понесетъ знамя, перешедшее къ нему по наслѣдству отъ старшихъ его братьевъ. Но судьба такъ рѣшила, что и онъ сдѣлался жертвой смерти. Какъ раненая львица бросилась мать къ трупу послѣдняго сына, безъ слезъ и рыданій поцѣловала его еще не остывшую голову и, схвативъ сама знамя, понесла его передъ юнацкимъ отрядомъ. Отрядъ бодро пошелъ впередъ, и благодаря быть можетъ личной храбрости этой женщины, выигралъ сраженіе».

Существуетъ и еще подобный фактъ, съ тою только разницей, что у матери погибло три сына, но одинъ малолѣтній оставался еще дома, и она, чтобы сохранить знамя въ своей семьѣ, носила его во время сраженія среди рядовъ разъяренныхъ башибузуковъ.

Черногорцы не отнимаютъ у женщинъ права на военную славу, они даже охотно разсказываютъ о подвигѣ той или другой женщины. Иногда и гусляръ передаетъ пѣсней, что случилось въ 1862 году, при нашествіи на Черногорію Омерапаши. «Когда турки взяли городъ Рѣку, они замѣтили, что изъ одного дома, построеннаго на небольшой возвышенности, правильно и безпрерывно сыплются выстрѣлы, такъ что почти каждый проходившій близъ этого дома погибалъ. Заподозривъ засаду, они послали за пушкой, между тѣмъ какъ нѣсколько албанцевъ бросились въ домъ на приступъ. Никто и не претыствовалъ войти имъ; въ немъ они нашли только одну чер-

ногорскую женщину съ двумя ружьями и сыномъ,—маленькимъ мальчикомъ, заряжавшимъ и подававшимъ ей ружья по мѣрѣ того, какъ она стрѣляла». Племя бошковичей и сегодня гордится одной своей героиней, которая еще дѣвушкой успѣла убить одного турка. Племя нѣгушъ гордится Горданой Лаза Перичева, которая во время кампаніи 1862 г. съ Омеромъ-пашой, въ схваткѣ на Синяцѣ, близь Рѣки, носила ятаганъ и пистолеты, и храбро сражалась съ турками. Очевидецъ, Видо Бошковичъ, самъ много разсказывалъ мнѣ о ней. Село Рагами тоже дало свою героиню, Тару Вучиничъ, которая во время схватки слѣдила за своимъ женихомъ, Янкомъ Іовановичемъ Вучиничемъ, и подняла знамя, за которымъ бросились черногорцы въ атаку на турокъ. Тара даже и тогда не оставила сраженія, когда случайно наступила на трупъ своего жениха.

Между прочимъ, село Рагами памятно и для меня лично. Вблизи его я имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенномъ мужествѣ черногорскихъ сестеръ милосердія. Бой, продолжавшійся до сумерекъ, еще не окончился, какъ наши ряды запестрѣли живописными нарядами черногорскихъ женщинъ. Однѣ ищутъ отцовъ, другія—мужей, третьи—братьевъ, и въ то же время каждая носитъ въ деревянныхъ сосудахъ, «тыквицахъ», воду, или виво, предлагаемыя раненымъ. Свистъ пуль Генри-Мартини и картечи еще не замолкли,—но кому до этого дѣло? Черногорки, точно неуязвимыя, идутъ впереди, по стопамъ храбрыхъ воиновъ, съ своею помощью. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ женщинъ и особенно на одну дѣвушку, лѣтъ четырнадцати. Приблизясь ко мнѣ, она схватила меня за руку и спросила дрожащимъ голосомъ: живъ-ли ея братъ—и на мой успокоительный отвѣтъ,—предложила мнѣ напиться. Это предложеніе было какъ нельзя болѣе кстати. Глотокъ воды точно воскресилъ меня изъ мертвыхъ. «Спасибо, дѣвойка!» поблагодарилъ я ее и направился за отступающими турками. Вскорѣ затѣмъ я явственно услышалъ замирающій голосъ смер-

тельно раненаго: «воды! воды!» Это былъ молодой человѣкъ, у котораго грудную кость прорѣзало картечью, внутренности его были видны... Страшная картина! Однако дѣвушка подошла къ нему, дала воды... Онъ глотнулъ, посмотрѣлъ на сестру милосердія благодарнымъ взглядомъ... и умеръ у ея ногъ...

Послѣ полночи войска собрались въ Рагами и началось перевязываньe ранъ и погребеніе мертвыхъ, которыхъ было нѣсколько сотъ. Женщины и здѣсь усердно намъ помогали, пока не подошли русскіе врачи, Зальцъ, Дречъ, и др.

Женщины съ давнихъ временъ занимались ухаживаньемъ за ранеными, чему доказательство народныя пѣсни, напримѣръ, въ сборникѣ Караджича:

Въ коляску положили Тадію
Возлѣ него красотку дѣвицу:
Она рветъ шелковую рубаху,
Перевязываетъ раненаго молодца,
Чтобы у него кровь не текла...
Ну, вотъ и Сеняняна Ивана
Вороной конь въ крови купался...
На немъ, юнакѣ, семнадцать ранъ,
Правую руку онъ несетъ въ лѣвой
И такимъ приходитъ въ свой дворецъ.
Тамъ встрѣчаетъ его старушка-мать.
Говоритъ Иванъ: „Ахъ, родимая ты мать,
Помоги мнѣ сойти съ лошади,
Вымой мои раны тяжелыя,
Завяжи ихъ шелковымъ платкомъ,
Причасти меня краснымъ виномъ!“

Читатель можетъ себѣ представить, сколько пользы приносятъ такія женщины народу, у котораго никогда не бывало ни лазаретовъ, ни общинъ сестеръ милосердія, ни докторовъ,— словомъ, никакихъ средствъ помочь раненому.

Черногорка — эта милосердная сестра, безъ краснаго креста, во время сраженія—ведетъ себя, какъ истинная героиня: она смѣло, въ глаза смотритъ смерти и безъ всякаго рыданія на убитаго отца, мужа, брата; она, по обычному праву, не

имѣетъ даже возможности оплакивать погибшихъ, чтобы не смущать воюющихъ: это право предоставляется ей по окончаніи сраженія.

Для черногорца выше всего храбрость: здѣсь и полъ не дѣлаетъ разницы. Если женщина обладаетъ храбростью, ея голосъ выслушается и въ военныхъ дѣлахъ. Примѣромъ можетъ служить извѣстная всей Черногоріи юначина Милица, сестра оруженосца владыки Петра II, погибшаго въ бою. Милица, сильно любившая его, поклялась передъ всѣми, что раньше не выйдетъ замужъ, какъ по смерти убійцы ея брата, которому твердо рѣшилась отмстить. Она надѣла мужской костюмъ и оружіе, и, покуривая трубку, нерѣдко сиживала въ кружкѣ юнаковъ въ бесѣдѣ о военныхъ дѣлахъ. Не разъ она и сражалась съ турками, не одного отправила въ рай Магомета, но убійцы брата отыскать не могла. У черногорцевъ она пользовалась величайшимъ уваженіемъ.

Народныя пѣсни даютъ намъ также образцы амазонокъ, игравшихъ видную роль въ нашей военной исторіи. Такъ, есть народная пѣсня, напоминающая по содержанію греческое сказаніе объ извѣстной Леенѣ. Захваченная по заговору противъ Писис ратидовъ, она откусила себѣ языкъ, чтобы не проговориться. Языкъ былъ выплюнутъ въ лицо судьямъ, а сама Леена умерла подъ пыткой, своею твердостью заслуживъ памятникъ у аѳинянъ. У насъ случилось нѣсколько иначе. Сидѣли у костра до двадцати черногорцевъ и между ними Стана Перишина, жена харамбаши Мирка изъ Банянъ, и условливаются сдѣлать нападеніе на одного изъ беговъ Любовичей. Условившись, отправляются. Ночь была темна, какъ могила. двадцать юнаковъ потерялись въ горахъ. Домъ Мирка былъ на турецкой границѣ, и турки часто посѣщали его, уничтожая огнемъ. На этотъ разъ Стана не успѣла. по обыкновенію, убѣжать въ горы съ двумя малолѣтними дѣтьми и была застигнута врасплохъ бегомъ Любовичемъ.

— Говори! гдѣ у тебя мужъ?

— Не знаю, бегъ, онъ на Цетиньѣ.

— Врешь, собака; онъ, навѣрно, пошелъ съ своей четой палить наши дома и гаремы.

— Не знаю, бегъ, мужья ничего не говорятъ намъ о своихъ дѣлахъ.

— Муса!—закричалъ бегъ:—схвати этихъ ребятишекъ и зарѣжь ихъ, гяуровъ, если она не хочетъ сказать, куда отправились гайдуки.

Стана посмотрѣла, со слезами на глазахъ, на своихъ дѣтей и, поцѣловавъ ихъ, сказала: «Погибайте же, дѣти, васъ отмстятъ, а мнѣ не быть измѣнницей юнакамъ, въ которыхъ нуждается народъ мой». Черезъ минуту зарѣзанныя дѣти лежали у ногъ несчастной матери.

— Нѣтъ, это еще не все, кауркиня [1]), ты скажешь намъ все... или мы тебя замучимъ, сожжемъ, изрѣжемъ въ куски. Говори же—гдѣ они?—крикнулъ бегъ и ударилъ ее такъ сильно, что она упала на землю.—Вставай, черногорка, говори—куда они ушли?

Стана, понявъ, что ее будутъ пытать и, боясь въ мукахъ выдать мужа и его друзей, сказала бегу:

— Бегъ! будь милостивъ! Оставь меня одну собраться съ духомъ. Я все скажу.

— Оставьте ее, турки,—крикнулъ бегъ.

Она, воспользовавшись минутой, схватила ножницы и отрѣзала себѣ языкъ. Турки замучили ее за это и, наконецъ, сожгли вмѣстѣ съ домомъ. «Но не горюй, Черногорія,—оканчиваетъ пѣсня эту трагическую исторію,—Мирко сжегъ почти всѣ дома любовичей и убилъ нѣсколько беговъ за родную Стану».

Для заключенія характеристики черногорской женщины при-

---

[1]) Т.-е. „гяурка“, невѣрная.

веду еще историческій фактъ женскаго поединка, — фактъ текущаго столѣтія.

Въ горахъ жалуется и плачетъ гайдукъ: «Бѣдный Станиша, несчастье мнѣ, не отомстившему за себя!» Въ глубинѣ долины Цуцы услышала эти стоны жена погибшаго Станиши. Пылкая христіанка бросается съ ружьемъ въ рукѣ на зеленыя тропинки, по которымъ спускалось 15 турокъ, предводимыхъ Ченгичъ-агой, убійцей ея мужа. Она быстро прицѣливается въ него и кладетъ мертвымъ агу. Остальные турки убѣгаютъ, испуганные героизмомъ этой женщины, а она отрѣзываетъ голову ихъ начальника и приноситъ ее въ деревню.

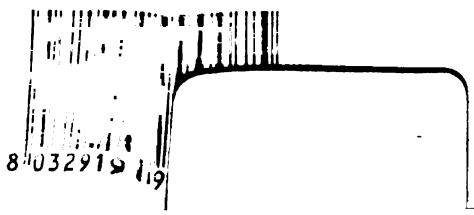
Тогда Фати, вдова Ченгичъ-аги, пишетъ письмо вдовѣ Станиши: «Ужасная христіанка! Убивъ моего Ченгича, ты вырвала у меня оба глаза, и поэтому, если ты настоящая черногорка, то придешь завтра одна на границу. Тамъ я буду ждать: мы помѣряемся силою и увидимъ, кто изъ насъ была лучшей женой!» Христіанка снимаетъ съ себя женское и надѣваетъ мужское платье и оружіе Ченгичъ-аги, беретъ его ятаганъ, два пистолета и прекрасный карабинъ, садится на его лошадь и пускается въ путь по тропинкамъ Цуцы, крича передъ каждымъ утесомъ: «Если тутъ спрятался братъ черногорецъ, то пусть онъ меня не убиваетъ: я не турка, а дочь Черногоріи». Но, пріѣхавъ на границу, она увидѣла, что коварная турчанка, не довѣряясь своей храбрости, привела съ собой родственника, который верхомъ на огромной черной лошади, какъ бѣшеный, бросается на черногорку. Но она безъ страха ждетъ его. Хорошо направленная пуля попадаетъ ему прямо въ сердце. Она отрубаетъ ему голову, потомъ догоняетъ ударившуюся въ бѣгство Фату, приводитъ ее связанною въ Черногорію, дѣлаетъ ее своею служанкою, заставляетъ ее усыплять пѣснями сиротъ Станиши. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она освобождаетъ Фату и отсылаетъ ее къ ея соотечественникамъ.

Одежда у черногорки «гунь» изъ бѣлаго сукна, только длиннѣе мужской и безъ рукавовъ, украшена у богатыхъ—золотомъ, а у бѣдныхъ—шелковымъ шитьемъ. Рубашка длинная, съ широкими рукавами, тоже вышитыми, на подобіе малороссійскихъ, золотомъ и шелкомъ. Поверхъ рубашки надѣваютъ передникъ и серебряный или украшенный большими красными камнями поясъ (часто вѣсящій до 20-ти фунтовъ). Обувь—чулки и толстые лапти (опанки); замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя обвиваются вокругъ головы и привязываются сзади. Голову покрываютъ чернымъ платкомъ, концы котораго опускаются на спину. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу, на затылкѣ связываемую; на головѣ носятъ шапку: въ этомъ отличіе ихъ костюма отъ костюма замужнихъ женщинъ. Шапка—обыкновенно съ узорами изъ золота, поверхъ ея пришпиливаютъ бѣлый платокъ съ распущенными концами. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины, въ дурную погоду закутываются въ «струки»,—родъ пледа, обыкновенно разноцвѣтные.

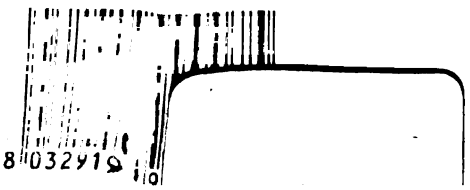
Made in Italy

Made in Italy

Made in Italy



Made in Italy



Made in Italy